

Марина Суржевская

ВЕЙН

Дойдя до края темноты, Утратив смысл бытия, Все потеряв... Кем станешь ты? Всех потеряв, кем стану я?

Часть 1

Дворец Смотрящих

В Зале Отражений было промозгло. Девушка недовольно поморщилась – она терпеть не могла холод. Наверное, он слишком о многом напоминал. Как бы там ни было, Путница предпочитала светлые помещения и живое тепло огня. Увы. Словно в насмешку, ее слишком часто отправляли в северные пределы, в стылые земли, где даже летом все было окутано липким туманом. Да и самого лета в Темном мире не было. Никогда.

Она незаметно вздохнула, таясь от Мастера. Фигуры у стен застыли, словно бездушные изваяния: черные плащи в пол, маски на лицах... Порой Путницу все это смешило. Понимала, что так нужно, и все же не могла удержаться от циничного смешка.

Ее маска сегодня тоже была простой, гладкой и черной. Смотрящие не допускали яркие цвета в этом зале. Ничто не должно отвлекать от задания, ни единый штрих не вправе нарушить черно-белый рисунок теней и света, что углублялся в бесконечное пространство отражений. Сотни зеркал создавали иллюзию тысячи извилистых коридоров во тьму, множили черные фигуры Смотрящих, искажая их и превращая в изломанных чудовищ. Впрочем, именно такими они и были.

— Антар, — прошелестел Смотрящий, и Путница содрогнулась. Только не это... Ей не было страшно, но с этим заданием, возможно, даже Кьяра не справится. И Тени оно не по зубам. И Огненной Арше... Никому.

Но, конечно, она промолчала.

— Новый рассвет ты встретишь в пути, — сказал Смотрящий. — И еще. Тебе придется дать Клятву Жизни.

Она стояла, не шелохнувшись, ничем не выказав удивления.

— Он настаивает на этом. Только так ты сможешь попасть в Антар. И именно поэтому туда отправляешься ты.

Вейн смотрела на фигуру, укутанную в черную ткань, и размышляла. Значит, все гораздо серьезнее, чем она предполагала.

Смотрящий помолчал, словно и в его мертвой душе шевельнулись какие-то сомнения. Хотя это всего лишь самообман, конечно. Разве мучается сомнениями камень или сухое дерево? Глупое предположение.

Но остался еще один вопрос. Самый главный. Вернее, ответ. Вопрос она так и не задала. Кто? Может... Может, все же не он? Антар большой. Его владения простираются от диких ледяных пустошей до западных озер. Даже на хмере их не объехать и за несколько дней. Так говорят, потому что мало кому удавалась там побывать. Но увы, плохие предчувствия не зря с самого утра мучили Путницу.

— Призрак.

Антар оказался еще хуже, чем она себе представляла. Уже за Озерами резко похолодало, ощутимо потянуло сыростью. Путница плотнее закуталась в плащ, рассматривая серый туман, что стелился за одинокой всадницей. Он не был похож на тот обычный, какой царит за пределами Антара, и к которому она уже привыкла, как к неизбежному злу. Нет... Этот туман смахивал на живое и хищное существо, он расступался перед девушкой, чтобы резко сомкнуться за ее спиной, заманивал и путал, ощупывая ее тело серыми клочьями, словно щупальцами.

Путевой дом остался за Гнилыми Озерами. Там Путница последний раз сытно поела нормальной горячей еды. Два следующих дня ей приходилось питаться холодными запасами и спать на деревьях, завернувшись в плащ. Даже огонь на привалах она не разводила, чтобы не привлекать внимание местных хищников. В этих землях водилось слишком много существ, от которых не спасут ни зачарованные кинжалы, ни огонь, ни

яды. Только Тьма. А ее-то как раз у Путницы и не было.

Утром третьего дня она выехала на колею и сверилась с картой. Если она ничего не путает, то где-то здесь ее должны встретить. Лошадь под девушкой недовольно фыркала, прядала ушами и беспокойно вскидывала крылья так, что Путнице приходилось ее сдерживать, успокаивать.

— Тихо, тихо, Птичка, не бойся, — шептала она, поглаживая норовистую кобылу, — мне тоже тут не слишком нравится...

Путница вздохнула, сняла перчатку и размяла затекшую шею. Она натянула поводья, оглядываясь и пытаясь понять, куда двигаться дальше. Не хотелось думать, что заблудилась. С обеих сторон тянулся лес, утопающий в тумане по самые макушки деревьев, словно в прокисшем молоке. Утоптанная колея почти не проглядывала, ее сменила грязь, посеребренная инеем. Неужели она свернула не там?

И где, Тьма их подери, обещанные встречающие?! Но стоило Путнице подумать об этом, как впереди забрезжил огонек, и из белесого нечто выступил всадник. Девушка сдержала руку, в которой блеснула уже готовая сорваться с пальцев игла.

— Прошу прощения, эри, — мягко произнес мужчина, поднимая выше зеленый мерцающий шар, — я не сразу нашел вас. Вы свернули с основной дороги.

Путница молча опустила ладонь, задержав на миг, позволяя мужчине увидеть смертельные иглы с ядовитыми наконечниками.

— В таком тумане стоит быть осторожнее, — продолжил мужчина, сделав вид, что не заметил игл. — Знаете, в наших краях легко потеряться. И сгинуть. Следуйте за мной.

Она тронула поводья. Эри не собиралась обсуждать с ним недостатки местности или вести светскую беседу. Не для того она прибыла в Антар. Встречающий понял, что общаться девушка не расположена, и кивнув, направил коня вглубь тумана.

И Путница осознала, что без провожающего никогда бы не нашла укрытый за несколькими слоями темноты замок. Она почти не почувствовала Тьму, так искусно та была наложена, скрывая от посторонних глаз здание с круглыми башнями.

Девушка содрогнулась, когда они вошли в первый слой, и привычно сжала зубы, пытаясь побороть приступ паники. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, дыхание перехватило, а тело напряглось, сопротивляясь разрушительной силе Тьмы. Первый слой, второй, третий... Мышцы дрожали от напряжения, и силы утекали, словно вода в песок...

Она осторожно осмотрелась, стараясь не делать резких движений. Во Тьме это слишком опасно, никогда не знаешь, что за порождение мрака следит за тобой. Но вокруг было тихо, все тот же туман и лес, да фигура провожающего. Глазами Путница не видела слои, и это тоже удивляло.

Не зря о Призраке уже слагают легенды. Силен.

Замок возник перед ними внезапно, и так же неожиданно отступила тьма. Вейн чуть качнула головой. Семь слоев тьмы... Очень плохо. Для нее, разумеется.

— Добро пожаловать в Антар, эри, — сказал провожающий, когда они въехали на широкий подвесной мост.

К удивлению девушки, замок не встретил ожидаемым шумом голосов и мешаниной запахов, которые всегда присутствуют в жилище людей. Здесь было тихо и безлюдно. Она шевельнула пальцами, опасаясь, что они все еще во Тьме, правда, не понимая, какой в этом смысл. Но кончики пальцев были теплыми, а это значит, что Тьма осталась позади. Задавать вопросы не стала. Путница умела терпеть и молчать. И точно знала, что всему свое время.

Они миновали мост. Копыта лошадей выбивали гулкую дробь по мореным доскам, однако этот звук почти сразу гас, словно тонул в вязкой тишине. За мостом ожидаемо оказался внутренний двор, мощеный камнем, но неожиданно пустой, без привычных построек для

скотины или подсобных помещений.

Провожающий тронул поводья и остановился, Путница последовала его примеру. Почти сразу откуда-то сбоку появился бородатый мужик, коротко кивнул и молча перехватил поводья ее лошади. Всадница спрыгнула на землю, придерживая полы плаща. Осмотрелась. Все ее инстинкты кричали об опасности, хотя ничего страшного она не подмечала. Тьма осталась позади, запахи и звуки хоть и приглушенные, но вполне обычные, живые, и все же... Ей хотелось уйти. Нет, она боролась с желанием бежать из этого места, без оглядки. Снова вскочить на лошадь, ударить пятками по крупу и нестись во весь опор до самых пределов Антара...

Эри откинула капюшон плаща и пошла вперед, туда, где горел огонь.

Она не заметила, в какой момент ее провожающий исчез, словно растворился в одном из мрачных коридоров. Девушка шла вперед, стараясь не озираться по сторонам. И не задумываться.

Коридор закончился, и она оказалась в большом зале, где пылал камин, пол устилали шкуры, а в одном из кресел сидел мужчина. Он поднялся, когда она приблизилась.

— Рад приветствовать, эри, — негромко сказал он, внимательно рассматривая ее фигуру, одетую в традиционные одежды: узкие штаны, заправленные в сапоги, тунику с разрезами по бокам, перчатки, плащ, маску. — Вас ждали.

Девушка кивнула, так же внимательно разглядывая мужчину. Высокий шатен, спокойные карие глаза почти без красноты. Она не чувствовала от него опасности, силы в Темном почти не было. Но это и не удивительно, Призрак умеет маскироваться. Неужели это его настоящая личина? Вряд ли...

— Вы ведь знаете, что должны принести Клятву Жизни, чтобы остаться в Антаре? Готовы это сделать, осознавая последствия? — так же спокойно спросил он.

Путница лишь коротко кивнула.

— Тогда не будем тянуть, — произнес он, доставая из шкатулки кольцо.

Темный рубин вспыхнул, налился кровью и выплеснулся в ладонь мужчины багровой жидкостью. Девушка хмыкнула. Вот и ответ на ее вопрос. Раз используют накопитель, значит, настоящий Призрак где-то за спиной. Она прислушалась, но тренированный слух не уловил ни единого постороннего звука.

Путница вытащила свой стилет, резко провела по запястью. Кровь выступила из пореза, и она вложила свою ладонь в руку мужчины. Посмотрела ему в глаза.

— Я приношу клятву жизни хозяину Антара, осознаю сказанное и отдаю свою кровь в залог. Моя жизнь и моя кровь отныне не принадлежат мне, и я не смею нарушить клятву, пока жива. Тьма видит.

Кровь в их ладонях свернулась, загустела, а потом черной змеей втянулась в камень на кольце.

— Я принимаю твою клятву, — раздался голос за спиной девушки, и вся сущность ее сжалась от ужаса. Мужчина с карими глазами спокойно и безучастно смотрел на нее, но Путницу он уже не интересовал.

Она медленно обернулась и вздрогнула. Даже ее хваленая выдержка подвела, когда она посмотрела в глаза Призрака. Этого не может быть! Этого просто не может быть!..

— Ты умер, — прошептала она, — ты умер...

— Да, — с насмешкой отозвался он. — Я умер. Ты убила меня, Вейн. Семь лет назад.

Он сделал к ней шаг и улыбнулся. И Вейн подумала, что кажется, сейчас опозорит Смотрящих, потому что совершенно по-женски свалится в обморок. Она даже не знала,

как смогла устоять и сдержать вопль ужаса.

— Вижу, ты рада меня видеть, Вейн, — улыбнулся Ксандр.

Далькотт

Семь лет назад

— Вейн, не грусти, — воскликнула Люси, поправляя шляпку.

Очаровательная блондинка, как всегда, была похожа на цветочную клумбу. Вейн усмехнулась, но незаметно, не желая обижать сестру. При всей своей недалекости Люсинда была мила и непосредственна. Все, кто знали сестер, удивлялись их непохожести. Словно день и ночь, свет и тьма. Они отличались не только внешне, но и внутренне столь разительно, что именно это и вызывало недоумение.

— Ну же, Вейнитта, улыбнись, — теребила ее Люсинда, и девушка поморщилась, уже не скрываясь. Она не любила свое полное имя, предпочитая сокращенное Вейн, и Люси прекрасно об этом знала. Нарочно так называла ее, когда хотела вывести из состояния задумчивости, в которое девушка порой погружалась. А в последнее время Вейн все чаще пребывала в нем, замыкалась в себе, не желая общаться даже с любимой сестрой.

— Вейн, ну пожалуйста, — Люси заглянула ей в глаза своими небесно-голубыми, похлопала ресницами и состроила жалостливую гримаску. — Я пугаюсь, когда ты такая.

— Прости, — вздохнула Вейн и улыбнулась сестре. — Не переживай, дорогая, со мной все в порядке. Просто задумалась...

— О нем? О своем женихе?

Вейн снова вздохнула. Ей до сих пор не верилось, что это свершится, и совсем скоро она станет замужней дамой. Конечно, обручение состоялось уже давно, когда она была еще ребенком. Жениха своего Вейн ни разу не видела, лишь портрет, на котором был запечатлен угловатый подросток. Правда, и самой Вейн в ту пору едва исполнилось восемь. Мальчик на портрете впечатления не произвел, впрочем, девочку тогда больше интересовал новый жеребец, которого купил отец для их конюшни, или страшные сказки про принявших Тьму, что рассказывала старуха Бета. После таких сказок они с Люси полночи не могли уснуть, пугаясь каждого шороха и собственной тени.

С тех пор прошло одиннадцать лет, и теперь они ехали в Далькотт, в замок ее жениха, где Вейн предстояло стать уже не просто нареченной, а женой.

— Вот увидишь, он наверняка окажется красавцем! — Люси закатила глаза. Она всегда была очень романтичной. Подсела ближе, склонилась к самому уху сестры, покосившись на задремавшую мистрис Алесс. — А ты расскажешь мне потом... про то... самое? Когда все случится? Ну, это самое, что происходит после обряда? Расскажешь? — жарко зашептала она.

— Люси, прекрати! — так же шепотом ответила Вейн и отпихнула ее от себя.

Об этой стороне супружеских отношений она старалась вообще не думать. То, что, поджав губы, рассказала ей перед отъездом матушка, звучало как-то... ужасно. Конечно, девушка понимала, что в природе все размножаются, и даже видела, как это происходит у животных, но ей хотелось думать, что у людей все по-другому, не так дико.

— Ну и ладно, — надула и без того пухлые губы Люси, — меня скоро тоже замуж выдадут, сама все узнаю!

— Нашла чему радоваться, — пробормотала Вейн.

В отличие от романтичной Люси, ей совсем не хотелось становиться замужней дамой и рожать детишек, но увы... Как и все, она не могла выбирать свою судьбу. Единственное, на что ей стоило надеяться, так это на то, что муж ее окажется достаточно благородным и будет к ней добр. Вейн знала, что ее семья получила круглую сумму от родителей жениха, и гнала от себя мысли, что она всего лишь товар, который выгодно продали.

Ей даже не позволили взять с собой любимицу гнедую кобылку, и эта разлука ранила больше, чем расставание с отцом и матушкой. К сожалению, и Люси пробудет с ней лишь до обряда, а после и она, и все сопровождающие покинут Далькотт, оставив

новобрачную наедине с ее новой жизнью.

— Все будет хорошо, — Люси ободряюще сжала ее руку, — вот увидишь! Я чувствую, что здесь ты найдешь свое счастье!

Как и многие лейны их города, Люсинда не раз посещала тайком загадочный дом на окраине, в котором, поговаривали, жила Темная. Вернее, это она утверждала, что является Темной и может видеть будущее, что открывает ей Тьма. Вейн подозревала, что старуха была шарлатанкой, и никогда не поддавалась уговорам сестры наведаться в дом на окраине вместе, чтобы тоже приоткрыть завесу над грядущим. Просто, в отличие от доверчивой сестрицы, Вейн понимала, что те, кто видит Тьму, не станут проводить жизнь за глупым разглядыванием чайнок на дне чашки. Тьма способна на большее. На гораздо большее.

Вейн снова ощутила внутренний холод, как случалось всегда, когда она думала об этом. Прикоснулась к занавеске на окошке экипажа и выглянула наружу. Судя по всему, они подъезжали. Замок, что показался впереди еще час назад, сейчас возвышался на скале прямо перед ними, а у его подножья раскинулись долина и озеро, затянутое льдом. Девушки плотнее укутались в меховые плащи.

— Все-таки хорошо, что обряд решили провести весной! — в который раз порадовалась Люсинда. — Что может быть лучше, чем стать новобрачной под трели весенних птиц и цветение садов? Украсим арку твоими любимыми айрисами, наденешь мамино платье... Оно такое красивое! И тебе идет красное. Дер Леран влюбится в тебя до беспамятства, когда увидит! Так и будет! А потом устроим праздник в саду, до самого утра... Хотя уже без новобрачных, понятно!

— Говорят, у дера Александра прекрасный сад, — равнодушно отозвалась Вейн, пряча лицо в серебристый мех.

— А еще говорят, что он совершенно несносный, — весело подхватила Люси. — Хорошо, что твой жених не он, а его брат, правда? К тому же, дер Александр почти все время проводит в столице, так что, возможно, вы познакомитесь только на обручении.

Вейн пожала плечами.

— Приехали, — крикнул возница.

Служки распахнули дверь экипажа, разложили ступеньку, чтобы девушки могли выйти. Мистрис Алесс протерла заспанные глаза и села ровно, как и подобает благородной, хоть и обедневшей лейне.

— Люсинда, поправь ленты, — строго приказала она, окидывая сестер придирчивым взглядом. — Вейнитта Брайнс, перестань хмуриться! Ты приехала к жениху, так будь любезна, улыбайся!

Девушки привычно кивнули, выпрямили спины, «надели» на лица доброжелательные улыбки и покинули экипаж.

На первый взгляд замок казался огромным. Чудилось, что в него можно вместить несколько отцовских поместий, вместе с конюшнями и постройками для служек. И еще здесь царил холод. В их родном Таларе зимы были мягкими, почти бесснежными, а здесь сугробы в человеческий рост, и даже меха не спасают от пронизывающего морозного ветра.

— Спину ровно, — прошипела мистрис Алесс.

Сестры слаженно выпрямились, хотя по их спинам уже можно было ровнять доски. Они направились к ступеням, стараясь не дрожать от холода и волнения. Стоило им переступить порог большого зала, где их окутало тепло живого огня, идущее от огромных каминов, как вздох облегчения невольно сорвался с девичьих губ. Звук торопливых шагов привлек их внимание. По лестнице, ведущей с верхней галереи, спускался молодой мужчина. Он улыбнулся, приблизившись к девушкам, и традиционно прикоснулся губами к запястьям лейн.

— Добро пожаловать в Далькотт, виры в заступницы, — тепло поприветствовал он и задержал взгляд карих глаз на Вейн. — Добро пожаловать домой, — тихо добавил.

И Вейн, впервые за их долгое путешествие, улыбнулась. Конечно, ее жених сильно изменился и уже давно перестал быть тем мальчиком с портрета. Он вырос и превратился в красивого молодого мужчину. Высокий, с мягкими каштановыми волосами, слегка вьющимися на концах, и добрыми карими глазами, в которых плясали теплые искорки. В первый раз ее посетила мысль, что стать замужней дамой, пожалуй, не такая уж и плохая идея.

— Приветствуем вас, дер Леран, — произнесла мистрис Алесс, а сестры склонились в церемонном поклоне.

— Я вижу, наши края напугали вас холодом, — улыбнулся он. — Прошу, проходите, ваши комнаты уже готовы. Отдохнете после утомительного путешествия, а после мы сможем поговорить и познакомиться поближе.

Он снова посмотрел на свою нареченную и улыбнулся. И Вейн улыбнулась в ответ.

Последующие десять дней пролетели для Вейн, как одно мгновение. Леран оказался прекрасным собеседником, и они проводили много времени, общаясь у камина в нижнем зале или в зимнем саду, который оказался просто потрясающим. Таких роз сестры не видели даже на клумбах своей матушки, а она в их краю славилась своими цветниками. Леран был так мил и обходителен, что даже суровая мистрис Алесс попала под его обаяние и смотрела снисходительно на их долгие беседы, порой даже оставляя наедине. В замке проживала двоюродная тетка Лерана, вдовья мистрис Рута, и две попечительницы быстро нашли общий язык. Да порой так увлекались обсуждением методов воспитания, что забывали о самих воспитанниках. К тому же, будущий муж Вейн не делал ничего предосудительного и никогда не выходил за рамки приличий. Самое большее, что он себе позволял, это коснуться губами ее запястья. Впрочем, так же он вел себя и с Люсиндой, да и самой мистрис Алесс. Он часто рассказывал им о Далькотте и о своем суровом крае, который искренне любил.

Рядом с ним Вейн испытывала спокойствие. Не было тех романтических чувств, о которых с придыханием рассказывала мечтательная Люсинда. Но радовало уже то, что с этим мужчиной ей уютно. Казалось, что и вся их будущая жизнь будет такой же: наполненной душевными беседами за чашечкой чая и долгими прогулками перед сном, мягким теплом его глаз и деликатным прикосновением рук.

Вейн понимала, что далеко не всем везет так, как ей, и благодарила добрых вир, что послали столь замечательного нареченного. Уже через полмесяца ей казалось, что они знакомы целую вечность.

— Конечно, Вейн, — смеялся Леран, когда она в очередной раз повторила это, — ведь я засыпал с вашим портретом каждый день! Вы должны были видеть меня во сне.

— Но на том портрете мне семь лет! — смеялась она в ответ.

— Да. На вас желтое платье, и вы очень сурово смотрите на меня с холста.

— Потому что мне не нравилось стоять часами неподвижно, ожидая, пока художник сможет запечатлеть мой светлый лик, — улыбалась девушка. — Я предпочитала проводить время более живо...

— Например, скакать на лошади или удирать от отца, чтобы не получить за очередную проделку, — лукаво добавляла сестра.

— Люси! — Вейн в такие моменты честно старалась покраснеть, но у нее не получалось, и все они дружно начинали смеяться.

В общем, в Далькотте ей понравилось. Обряд обручения должен был состояться весной, когда зацветут айрисы, а после сестра и все, кто сопровождал невесту, уедут. И грядущее расставание было единственным, что огорчало Вейн.

Собственно, все вопросы, в том числе денежные, были давно решены между ее отцом и старшим братом Лерана, который являлся хозяином Далькотта. Само обручение - лишь формальность и мало кого интересовало. Вейн в который раз кольнуло понимание, что ее продали, словно товар. Матушка даже не захотела ехать на церемонию, сославшись на слабое здоровье, а отец и вовсе отмахнулся. Хвала вирам, хотя бы отпустили с ней Люсинду.

Впрочем, Вейн привыкла к такому отношению со стороны родителей. Вот Люси была всеобщей баловницей. И это понятно. Белокурая девочка казалась небесной вирой в нежно-розовых платьицах. Даже хмурая и всем недовольная Бета расплывалась в улыбке при виде этого чуда. Да и сама Вейн нежно любила сестру, потому что в придачу к такой небесной внешности виры наградили Люси смешливостью и живой непосредственностью, которыми никогда не отличалась темноволосая и своенравная Вейн.

В один из дней Вейн решила прогуляться по склону. Люси с ней не пошла, мило сморщив носик на ее предложение.

— Там можно превратиться в ледышку, — ответила она. — Лучше уж я посижу в саду, среди роз...

Вейн не настаивала. Вместо этого надела теплое платье, меховой плащ и прихватила рукавицы. Ей не хватало простора, она привыкла к конным прогулкам по полям родного Талара, а в стенах замка, пусть и гостеприимного, ей было тесно. Хотелось на воздух. К тому же день выдался погожий - солнечный и тихий.

Она вышла из замка и направилась по утоптанной тропке, с интересом разглядывая заснеженные, словно сказочные деревья, маленьких пичужек на пушистых ветках, да мелькающих среди еловых лап белок. Погрузившись в размышления, Вейн не заметила, как отошла довольно далеко от замка. Лишь на мгновение мелькнула мысль, что надо было сообщить о прогулке Лерану, но тут же покинула голову, вытесненная чем-то другим. Как потемнело небо, и померк в пелене солнечный свет, она и не заметила, находясь во власти все тех же мыслей. Очнувшись только, поняв, что снова мерзнет, и повернула обратно к замку. Погода портилась так стремительно, что девушка удивленно осмотрелась. Никогда раньше она не видела, чтобы солнечный день вдруг сменялся ненастьем, а искрящиеся мягкие снежинки вдруг начинали закручиваться маленькими снежными вихрями. Не прошло и десяти минут, как на скалах стало настолько темно, словно уже наступили сумерки. Снежная пелена почти скрыла замок. Поднявшийся буран налетел столь неожиданно, что девушка даже не успела сообразить, и лишь осознав, что стоит посреди снежной бури, на лютom морозе, совершенно не понимая в какой стороне замок, Вейн испугалась.

— Ау! — крикнула она. — Есть тут кто-нибудь? Помогите!

Снег завьюживал все сильнее. Девушка ужасно замерзла, ноги в ботинках уже покалывало ледяными иголками. Она все шла и шла, не понимая куда, и с ужасом осознавая, что заблудилась, и долго на таком холоде не продержится.

Вейн снова закричала, но в ненастной круговерти ее голос утонул, словно заглушенный старым тюфяком. В голову пришла страшная мысль, что никто не кинется на ее поиски, но Вейн тут же отмела ее. Ведь Люси знает, что она отправилась на скалы, а значит, слуги уже брошены на ее поиски. Что же так долго их нет? Неужели она так далеко ушла от замка? Ведь, казалось прошла всего ничего...

— Помогите! Я здесь! Здесь! Ау! — снова и снова кричала Вейн, чувствуя, как саднит уже сорванное горло.

Ветер выл всюду, швыряя ей в лицо комья снега и льда. Отчаяние душило паникой, но она заставляла себя успокоиться. И снова попыталась закричать, но получилось выдать лишь слабый хрип.

Когда из белой бури вылетела темная фигура, девушка уже потеряла всякую надежду и не поверила своим глазам. Всадник резко натянул поводья, останавливая жеребца. Вейн шарахнулась в сторону, опасаясь угодить под копыта. С трудом удержала равновесие, не повалилась в сугроб. Подняла голову и прошептала окончательно замерзшими губами:

— Помогите.

Незнакомец протянул руку и легко закинул ее в седло, прижав к себе. В любое другое время подобное обращение должно было вызвать у благовоспитанной лейны негодование, но все, что испытала Вейн сейчас, это приступ горячей благодарности и бурной радости, что спасена. Да она готова была расцеловать всадника. Обернулась, желая поблагодарить, но не смогла, пораженная до глубины души. У всадника были удивительные глаза, словно расплавленное серебро...

— У вас еще будет возможность поблагодарить меня, путница, — произнес мужчина, прищипывая жеребца и одной рукой прижимая ее к себе.

А Вейн вдруг накрыло волной необъяснимого ужаса. Она провалилась в темноту и уже не чувствовала, как они мчатся сквозь бурю, как незнакомец на руках несет ее в теплый холл замка...

После неудавшейся прогулки Вейн свалилась с горячкой на несколько дней и вынуждена была находиться в кровати, злясь на себя за глупость. Впервые спустилась к ужину лишь через пять дней и удивилась, увидев за столом того самого незнакомца, что спас ее.

— Мы не успели познакомиться, — поклонился он, и в голосе проскользнула легкая насмешка. — Александр Далькотт. Рад, что вам стало лучше, лейна Вейнитта.

— Называйте меня Вейн, прошу вас, — отозвалась она. Голос все еще хрипел, простуженное горло саднило.

— Мы так испугались за вас, — обеспокоенно сказал Леран. — Как вы себя чувствуете?

— Уже лучше, — улыбнулась ему девушка, усаживаясь на отодвинутый служкой стул.

Она уже знала, что в тот день, когда ушла гулять, ее не искали. Люсинда поведала ей это, плача и держа за руку, когда она металась в горячке.

— Прости, — причитала она, — прости меня! Я думала, ты уже в замке. Я даже предположить не могла, что ты не вернулась с прогулки! Сидела в зимнем саду, смотрела на розы, а ты там одна... В снежном буране... Чуть не погибла! Прости меня! Умоляю! Я так виновата!

— Ты не виновата, — хрипло успокаивала ту Вейн и гладила по волосам. — Не терзайся.

Все время, пока она болела, сестра неотлучно находилась рядом, держала ее за руку, рассказывала что-нибудь увлекательное или читала. Она изо всех сил старалась загладить вину, хоть Вейн и убеждала ее, что не о чем беспокоиться. Но Люси так убивалась, что вскоре уже Вейн почувствовала себя виноватой. Может, потому она и постаралась как можно скорее выздороветь, чтобы не видеть больше жалостливых глаз Люсинды.

— Лучше, — повторила Вейн и расправила на коленях льняную салфетку. Она подняла голову и улыбнулась: — Рада познакомиться со старшим братом моего нареченного. Мы много слышали о вас, дер Александр, хотя я не думала, что нам доведется встретиться при таких ... необычных обстоятельствах! И благодарю вас, вы очень вовремя оказались на той дороге.

Вейн снова посмотрела в его холодные глаза. Надо же, совершенно не похож на брата. Скорее, Ксандра можно было назвать братом самой Вейн. У них обоих были темные волосы и светлые глаза, только у нее зеленые, а у него - серые, словно расплавленное серебро.

Впрочем, Вейн знала, что Леран и Александр братья лишь по отцу, матери у них были разные. Старший после смерти родителей унаследовал Далькотт, но мало времени проводил в родовом замке, в основном проживая в столице при дворе короля. На этом знания девушки заканчивались, общительный Леран не слишком любил говорить о своей семье. И тем более о старшем брате. Вейн хотела поинтересоваться, надолго ли

Александр пожаловал в Далькотт, но решила, что подобный вопрос может показаться двусмысленным, словно она уже мнит себя хозяйкой замка. К счастью, повисшую тишину нарушила непосредственная Люси:

— Дер Александр, а это правда, что при дворе девушки и дамы стали носить под платьем брюки? Прямо как... как принявшие Тьму? Знаете, в нашей глуши мы совсем отстали от жизни, ничего не знаем о современных нравах!

— Честно говоря, я тоже не очень о них осведомлен, лейна Люсинда, — ответил мужчина. — А что касается одежды лейн при дворе... хм. Брюк под платьем я не заметил. Но, возможно, я был не слишком... внимательным.

— Как жаль, — искренне огорчилась Люси.

— Люсинда! — строго отдернула ее мистрис Алесс. — Ты задаешь много вопросов!

Вейн отвела глаза. За спокойным ответом дера звучала насмешка, но Люси этого не заметила.

— Вас тоже интересует мода при дворе, лейна Вейн? — обратился к ней Александр.

— Не очень, — честно ответила она.

— Отчего же?

— Не думаю, что эти сведения как-то пригодятся мне в жизни. К тому же Далькотт так далеко от столицы, что, когда столичная мода дойдет до наших мест, я уже буду шить распашонки для внуков.

— А вы планируете провести всю жизнь в Далькотте?

— Станный вопрос, брат, — с улыбкой заметил Леран. — Где же еще должна проводить свою жизнь моя супруга, как не в нашем родовом замке?

Александр промолчал. Он пил вино, задумчиво смотрел на Вейн поверх кубка, и ей было не по себе от его взгляда.

— Дер Александр, а вы видели принявших Тьму? Или эри? — не унималась Люси.

— Люсинда Брайнс! — возмутилась мистрис Алесс, а тетушка Рута поджала губы. В приличном обществе говорить о таких вещах, было не принято, даже возмутительно.

Между тем, несмотря на возмущение, в глазах мистрис скользнуло жадное любопытство, смешанное со священным ужасом. И они обе застыли, отчаянно делая вид, что совершенно не интересуются этим вопросом.

— Да, я их видел, — кивнул Александр, рассматривая свой бокал, словно было в нем что-то чрезвычайно интересное.

— И как они? — Люси поддалась вперед, совсем забыв о правилах приличия. — Они такие монстры, как о них говорят? Чудовища? У них есть огромные рога и копыта? А в глазах сверкает пламя Тьмы?

— Люси! — с отчаянием простонала мистрис Алесс.

— Нет, лейна Люсинда. Ни рогов, ни пламени я не заметил, — вежливо ответил ей дер Александр. — Но, как уже говорил, возможно, я не слишком внимателен.

— А...

— Достаточно! — Мистрис Алесс сурово посмотрела на воспитанницу, и Люси сникла.

Служки принесли горячее, и беседа перешла на более безопасные темы. Обсуждали погоду и разгулявшийся буран, новую книгу скандального дера Оливьера и предстоящее празднование Дня Света. Вейн в разговоре не учувствовала. Аппетит пропал вовсе, и она сидела, погрузившись в свои мысли, и делая вид, что ест. Но кусок в горло не лез. Устав притворяться, она поднялась, сославшись на недомогание после болезни, и ушла наверх.

Вейн брела по галерее замка, пытаясь избавиться от ощущения тревоги, что поселилось в ней. Но получалось плохо. Она поднялась на башню и застыла, бездумно рассматривая раскинувшуюся внизу заснеженную долину и прислушиваясь к воющему в вышине ветру.

Разговоры за столом оставили в ней гнетущий осадок, и она не знала, как избавиться от него. Так бывает иногда, вроде и нет причин, все благополучно, а душа отчего-то мечется, не спокойно ей.

Девушка не услышала шагов за спиной и вздрогнула, когда рядом возникла темная фигура.

— Я напугал вас? Просту простить, — Александр говорил приветливо, но почему-то с каждым его словом Вейн становилось все больше не по себе.

— Немного. Я не слышала, как вы подошли.

Он внимательно рассматривал ее, и девушка занервничала под его взглядом. Она не знала, что еще может сказать ему. О чем ей вообще разговаривать с этим человеком? И зачем он сюда пришел?

— Я уже собиралась уходить...— пробормотала она.

— Скажите, лейна Вейнитта, вам понравилось в Далькотте?

— Я пока не смогла рассмотреть долину, но ваш замок очень красив, дер Александр, — негромко, предельно вежливо ответила она.

— Зовите меня по имени, — вдруг велел он, — мы ведь почти родственники. Ксандр. Так меня называют... друзья.

Вейн не смогла скрыть удивления. Но возможно, он действительно лишь проявляет вежливость?

— Что ж, тогда буду рада, если и вы будете звать меня Вейн. — согласилась она. — К тому же вы правы, мы с вами действительно совсем скоро породнимся.

— Вы с Лераном уже назначили дату обряда?

Он отошел к стене, встал у узкого окна-бойницы, за которым завывала метель.

— Еще нет, — Вейн замаялась. К чему все эти вопросы? Ей снова захотелось уйти. — Скорее всего, церемония состоится после Дня Света. Люсинда и мистрис Алесс должны возвращаться в Талар. Родители будут беспокоиться, если они слишком задержатся. Сестра шлет домой письма с вестниками каждую седмицу.

— Вы с сестрой удивительно непохожи, — глядя на нее в упор, снова заговорил он о другом.

— Да, это так,— без эмоций откликнулась она.

— Наверное, вы слышите эту фразу так часто, что она вам порядком надоела, — усмехнулся мужчина.

Вейн тоже чуть улыбнулась.

— И это тоже верно, дер Александр. В нашей семье все светловолосые, кроме меня. Я пошла в бабушку.

— Если это так, смею предположить, что она была красавицей, — ровно отозвался он. Вейн взглянула на него, не скрывая изумления, и вспыхнула. Он, что же, таким образом сделал ей комплимент? Но слова не вязались с выражением лица, потому что смотрел он равнодушно и без тени улыбки.

Вейн неуверенно отступила, собираясь вежливо попрощаться. Но мужчина опередил ее.

— Скажите... Вейн, вы хотите стать женой моего брата?

— Вы задаете странные вопросы, — пробормотала она, не зная, как реагировать. — Конечно, я стану женой дера Лерана. Этого хотят наши семьи, дер Александр.

— Семьи. Да. А вы?

— Леран очень приятен мне. Уверена, что он станет мне хорошим мужем, виры очень добры ко мне.

Он вдруг резко шагнул к ней. Остановился так близко, что Вейн разглядела, как расширились зрачки в его серых глазах. Почувствовала, как внутри снова поднимается волна неконтролируемого страха. И чего-то еще. Незнакомого, тягучего, словно патока, обволакивающего...

— А чего хотите вы, Вейн? — спросил он, наклоняясь и заглядывая ей в глаза.

Девушка осторожно отодвинулась. Ужас сжимал горло с такой силой, что мешал дышать. Она вдыхала короткими глотками, почти не чувствуя воздуха.

— Вейн, что с вами? — встревожился он. — Вейн?

Перед глазами все поплыло. Она судорожно сделала еще один вдох, но воздуха не было, и Вейн начала медленно оседать на пол. Он подхватил ее, поднял на руки, торопливо шагнул к лестнице.

— Отпустите, со мной все... в порядке, — слабо запротестовала она.

Мужчина остановился и снова внимательно посмотрел на нее, но не отпустил.

— Я отнесу вас в вашу комнату, — сказал он. — Вероятно, вы еще слишком слабы после болезни. Не стоило подниматься на башню, здесь слишком крутые лестницы.

— Отпустите! — повторила девушка. — Не надо меня... нести. Это неприлично.

Он вдруг улыбнулся, и Вейн задохнулась. Улыбка совершенно меняла это холодное лицо, делая его удивительно привлекательным. Хотя, девушка не могла не признать, что дер Александр был красивым мужчиной, и, если бы не это чувство безотчетного страха, что он порой вызывал в ней, возможно, она сочла бы его гораздо интереснее Лерана.

— Не переживайте, лейна Вейн. Я никому об этом не расскажу.

— Но...

Он только крепче прижал ее к себе.

— Я не хочу, чтобы вы свалились где-нибудь посреди лестницы и свернули себе шею. Это будет очень негостеприимно с моей стороны, вы не находите? Прошу, не возражайте. Я все равно сделаю по-своему.

— Какая интересная манера просить, — буркнула Вейн.

Он снова улыбнулся и продолжил спуск по лестнице, без усилий удерживая ее на руках. И Вейн вдруг успокоилась. Волна дикого ужаса, что накрывала ее, так же внезапно отступила, и сейчас она уже не понимала, почему так испугалась. Она украдкой бросала взгляды на его лицо, рассматривала серые глаза с прямыми черными ресницами, суровую линию подбородка и скул, четко очерченные губы, темные волосы... Александр встретился с ней глазами, и Вейн почувствовала, как он замер на миг. Внезапно захотелось, чтобы он остановился, остался тут, на темной лестнице, еще крепче сжал ее в руках, и... Что?

Он на самом деле остановился, склонился к ее лицу, заглядывая в глаза. Где-то на галерее хлопнула дверь, и донесся звонкий смех Люси. Вейн словно очнулась, отвела взгляд и дернулась, высвобождаясь из его рук.

— Отпустите.

Странно, но он послушался, молча поставил ее на ступеньку. Девушка одернула платье и торопливо сбежала вниз, не оглядываясь. Александр за ней не пошел, или она просто не

расслышала его шагов. Она достигла своей комнаты и захлопнула дверь, прислонившись к ней спиной. И нахмурилась, вспоминая свои ощущения на лестнице. Когда Александр склонился над ней, Вейн дико, просто до боли захотелось, чтобы он ее поцеловал. И в его глазах она разглядела ответное желание.

Мертвые земли. Антар

Вейн смотрела на него, не веря своим глазам. Все то же лицо с четкой линией скул и твердым подбородком, те же жесткие губы. Только серая радужка глаз обведена красным, почти багровым ободком. Она сглотнула. Как при таком голоде он все еще не набросился на нее?

— Значит, ты в Темном Мире... — медленно произнесла она.

— Как видишь, — усмехнулся Ксандр. — Но мы не будем сейчас обсуждать твою очевидную радость от этого события. К тому же ты в Антаре для другого. Мне нужна эри.

Вейн отвела глаза и скинула плащ. Стянула длинные, до самых плеч перчатки, обнажая руки. Протянула ему левую, не глядя. Почему-то привычный за много лет процесс сейчас вызывал у нее страх. Сущность эри всегда сопротивляется и в то же время жаждет... Она привыкла к этим ощущениям, к тому же, в них уже давным-давно нет ничего личного.

Ксандр сжал ее ладонь, и Вейн напряглась еще сильнее. Он усмехнулся. Прикоснулся губами к ее запястью, в том месте, где синела метка эри.

О, виры...

Вейн откинула голову, не сдержав вздох. Свет жизни тек толчками, колот кожу иголками. Его губы были теплыми. И слишком о многом напоминали... Она тряхнула головой, не желая вспоминать. И возмущенно зашипела, когда Ксандр сжал ее тело и припал губами к бьющейся жилке на шее.

Вейн закрыла глаза и начала считать.

Раз. Сила жизни течет потоком.

Два. Губы пересыхают.

Три. Дыхание становится рваным. Она незаметно пошевелила ладонью, развела пальцы, выпуская иглы. Все сразу.

Четыре. Тело слабеет... И все сильнее ждет продолжения...

Пять... Еще немножко и остановиться будет сложно... Им обоим.

Он отпустил ее так резко, что Вейн пошатнулась.

— Неплохо, — сказал Ксандр. Багровый ободок вокруг зрачков побледнел, но они все еще были обведены красным. Значит, он все еще голоден.

— Ты хорошо себя сдерживаешь, — безразлично отозвалась Вейн, снова надевая перчатки и застегивая ворот. Мало кто из Темных мог остановиться, дорвавшись до источника жизни. Она убрала иглы, и Ксандр снова усмехнулся. Но что делать, порой только игла с парализующим ядом могла остановить Перерожденного. Или со смертельным. Если выбирать между своей жизнью и жизнью тех, кто ее пьет, Вейн всегда останавливалась на своей. В конце концов, все знают правила.

И по тем же правилам Вейн не имела права задавать вопросы или вмешиваться в его дела. Но один она все-таки не могла не задать, хоть и знала, что будет за это наказана.

— Что ты отдал Тьме, Ксандр? — тихо спросила она.

Он повернулся, посмотрел прямо в глаза. И Вейн вздрогнула. Темный не ответил, просто улыбнулся, но девушке стало жутко от этой улыбки.

И направился к двери, приглашая следовать за собой.

Коридор тонул в темноте, света почти не было, только в конце тускло мерцал зеленый светящийся шар, отбрасывая на стены узкие тени. Вейн шла за мужчиной молча, напряженно рассматривая его спину. В ее голове билась тысяча вопросов, но она не

задаст их, слишком хорошо зная, что за каждый приходится платить. Одно она знала точно: он не убьет ее... слишком быстро. Темному нужна эри, а Ксандр, судя по его состоянию, слишком долго не прикасался к силе жизни. Впрочем, ей это только на руку. Возможно, она останется единственной эри в Антаре, и тогда ее задача значительно упростится. Но поверить в такую удачу Путнице мешал опыт.

Она вспомнила темный зал с тысячей коридоров во Тьму и закутанную в плащ фигуру Смотрящего. Привычно не позволила этой мысли задержаться и оформиться в голове, пропустила ее, закрыв ничего не значащими образами и видениями. Она не знала точно, мог ли Ксандр читать ее мысли, но семь слоев Тьмы возле замка говорили о том, что стоит быть осмотрительнее.

И глухому отчаянию она тоже не позволила проникнуть в душу, безжалостно растоптав в зародыше.

Они миновали коридор, ведущий к лестнице. Здесь было совершенно темно, и Вейн вздохнула. Темные не любили свет. К этому она уже привыкла, но порой даже ее это сильно раздражало. Так же, как и личи, которых они использовали в качестве прислуги. Один такой встретился им, со склоненной головой и совершенно пустыми глазами.

— Твои комнаты, — Ксандр распахнул дверь и остановился, пропуская Вейн вперед.

Она вошла и осмотрелась. Покои были декорированы в светлых тонах, и здесь горел камин. Да и ламп было достаточно, чтобы залить все помещение светом, если она пожелает. Ксандр позаботился о своей новой эри.

Вейн кинула плащ на кресло и повернулась к камину. Некоторые вопросы она все же могла задать.

— Что стало с прежней эри? — спросила она, снимая перчатки и протягивая руки к огню. После прикосновения Темного привычно знобило и хотелось согреться.

— Ее свет закончился, — ровно ответил он.

Вейн кивнула. Конечно, что же еще? Она промолчала и не повернула головы, продолжая рассматривать пляшущие языки пламени. Подавила невольный вздох. Нельзя спрашивать, нельзя...

— Ты знал, что приеду именно я? — тихо, очень тихо все же спросила. И вздрогнула, когда его дыхание коснулось завитка волос у шеи. А ведь она была уверена, что он все еще стоит у двери.

— Ты ведь знаешь, что я могу наказать тебя за лишние вопросы, эри? — спросил Ксандр. Вейн не поворачиваясь, кивнула. И он продолжил: — Тогда будем считать, что два наказания ты уже заслужила. Нет, я не знал. Собственно, я давно тебя похоронил, Вейни... Так что, это такой приятный сюрприз, дорогая.

Она резко повернулась и посмотрела ему в глаза. Сейчас он не скрывал своих чувств, и девушка вздрогнула, когда увидела то, что бесилось и выло в его серебряных глазах, обведенных красным ободком.

Значит, Тьме он отдал не все, кое-что все же оставил. Ненависть. Смертельную, разрушительную ненависть к ней.

Ксандр ушел. Вейн еще немного постояла у камина, греясь у огня, но дрожь не проходила. Она заставила себя отойти и подышать, как учил ее Дир. Закрывает глаза, сосредоточилась на своих ощущениях. Вдох - выдох. Вдох - выдох... Свет жизни течет по телу, ускоряясь и согревая, сердце успокаивается и уже не бьется в груди, словно подбитая в полете птица.

Она снова вызвала в памяти образ Дира - медовые глаза, привычную, чуть кривую усмешку... Зацепилась за образы, чтобы успокоиться. Потом прошла по комнате, нарисовала на стенах знаки, поставила щит и рассыпала у двери белый песок. Вейн пока не знала, с какой силой ей придется столкнуться, но защита, по крайней мере, не

позволит посторонним войти бесшумно. И если не спасет, то хоть предупредит.

Она отстегнула кинжалы, освободила рукава от шипов, из волос убрала бусины и камни, вытащила из голенища сапога метательные звезды и полумесяцы. Оставила только кольца и амулеты, с которыми не расставалась никогда. Сложила оружие на стол и придиричливо осмотрела. Со вздохом облегчения разделась, аккуратно убрав одежду, и осматривая все швы и потайные вкладки. Первое, чему стоит научиться после перерождения — это защищать себя. Иначе даже Тьма не спасет. Она научилась и делала это хорошо. Конечно, яд и металл не всегда помогали против силы Темных, но и у Вейн были сюрпризы для Перерожденных. По крайней мере, она все еще была жива, а это о многом говорило.

Увы, не всех Тьма награждала силой, некоторые и в Темном мире оставались товаром.

Вейн усмехнулась и качнула головой, отбрасывая ненужные мысли. Следить за сознанием было так же привычно, как и тренировать тело. Она потянулась. В комнате было тепло, и девушка согрелась, так что даже без одежды не мерзла. Путница прошла, с удовольствием ощущая мягкий мех под босыми ступнями. Толкнула дверь купели и порадовалась предусмотрительности хозяина Антара. Круглая чаша была полна горячей воды, от которой поднимался пар. Годы жизни за Изломом не прошли бесследно, поэтому прежде чем спуститься по ступенькам, она кинула в середину гладкий камушек и внимательно пригляделась. Камушек утонул, ни на миг не задержавшись на поверхности воды. Только тогда с довольным вздохом Вейн ступила в воду, легла в каменное углубление и закрыла глаза, позволяя телу расслабиться.

Раз. Два. Три... Пять...

Привычно отсчитала про себя минуты отдыха и села, потянулась за мылом и пахучими смесями для волос и тела. Выбрала любимый аромат - тонкий с толикой горчинки. Неторопливо вымылась, ополоснулась, встала и потянулась за большой холстиной на притолоке.

И уже выходя из купели, посмотрела в запотевшее зеркало. Усмехнулась. Да, в купели было безопасно, но это не значит, что за ней никто не наблюдал. Но к этому эри тоже привыкла. В конце концов, все любят нарушать правила.

Ксандр отвел взгляд от мутной поверхности темного зеркала. Откинул голову на спинку кресла, пытаясь сдержать рвущееся дыхание. Ее тело почти не изменилось за семь лет. Лишь стало еще прекраснее. Разве что появились метки Тьмы, которых не было раньше, клеймо принадлежности, охранные знаки на плечах. И несколько шрамов на светлой коже. Он слишком хорошо помнил ее... Полная грудь, стройные бедра, длинные ноги... Шелк черных, как ночь, прядей. Теперь в эти волосы вплетены шипы, а ее тонкие пальцы украшены кольцами, в каждом из которых по смертельной игле.

Его сущность содрогнулась, когда туман коснулся нутра подъезжающей к Антару эри. Туман не видит оболочку, у него нет глаз. Туман зрит в суть. И эту суть он узнал сразу же. Не поверил, решил, что ошибся, что не может этого быть... коснулся снова. Обвил кольцами, клочьями, плетями, до самой сердцевины ее черной души. Наблюдал, пока она ехала, спала, ела...

Это была она. Вейни...

Ксандр сжал зубы, пытаясь удержать рвущееся изнутри желание ворваться в ее комнату... и зубами разодрать в клочья эту нежную шею. Убить, уничтожить, успокоить ненависть и боль, что долгие годы сжигали его. Но ярость взметнулась и привычно погасла, задушенная темнотой. За эти годы он научился усмирять ее. Насмешница Тьма любит своего Темного, раз сделала ему такой восхитительный подарок, и он сумеет достойно отблагодарить.

Александр улыбнулся. Впервые за семь лет в душе шевельнулось что-то, смутно похожее на человеческую радость. Хотя, какая издевка... Души-то у него уже нет.

Вейн лежала в темноте, рассматривая узор теней на потолке. Тело молило об отдыхе, но

уснуть не получалось. И она знала, что уже не удастся. Если приходила бессонница, то бороться с ней было бесполезно, легче просто смириться и постараться расслабиться, чтобы хоть немного отдохнуть. Она думала и прикидывала, пытаясь просчитать хоть что-нибудь и найти выход. Но выхода не было. Вокруг Антара семь слоев тьмы, которые ей никогда не пройти. А даже если бы она смогла это сделать, что дальше? Не для того она прибыла сюда, чтобы сбежать. Да и кто ей позволит бежать?

Она подтянула колени к груди, сворачиваясь клубочком. Как ни старалась Вейн отбросить эти мысли, они снова и снова возвращались. Александр. Ксандр... Человек, которого она похоронила семь лет назад. Память о котором она вырвала с корнем, изничтожила в себе, выжгла... Она сделала так много, чтобы забыть о нем. Если бы она хоть на миг могла предположить, кого встретит в Антаре... То что?

Вейн не привыкла врать самой себе. Даже если бы она знала, что встретит здесь Ксандра, все равно приехала бы. Это не ее выбор и не ее решение, но Мастер обещал, что это будет в последний раз. Она горько усмехнулась. Что ж, Тьма последовательна. С чего все началось, тем и закончится. Как тривиально...

...Темный зал, закутанные в черные плащи фигуры.

— Призрак, — шелестит Мастер.

Вейн вскинула голову.

— Не уверена, что хватит сил, — сказала она. Вопросы задавать нельзя, но высказать сомнения — нужно.

— Ты единственная, у кого есть шанс, Путница, — ответил Мастер, и Вейн вздохнула. Есть ли он у нее, этот шанс? А если и есть, не слишком ли он ... призрачный? Она чуть улыбнулась своим мыслям.

— Не о том думаешь, — оборвал ее Мастер. — Да, ты единственная, у кого может получиться. К тому же он хочет самую сильную эри, а это, несомненно, ты.

Вейн задумалась. И уже готова была отрицательно качнуть головой, но Мастер не позволил ей этого.

— Если справишься, будешь свободна. И сможешь уйти за Излом, — пообещал он. — Вы оба сможете уйти.

Девушка замерла, не веря своим ушам. Уйти... неужели такое возможно? Оставить все на этой стороне, забыть, начать нормальную жизнь? Есть ли шанс?

— Ты знаешь, что мое слово нерушимо, — вновь прошелестел Мастер. — Так будет. Если справишься...

А если нет? Она тревожилась не о себе, собственная жизнь давно не имела значения, только его... что будет с ним, если Вейн погибнет? А, скорее всего, так и случится...

Девушка промолчала, но вопрос повис в воздухе. Фигура в черном чуть пожала плечами. У нее было право отказаться.

— Хорошо, — медленно произнесла она. — Я согласна. Последний раз.

— Тьма слышит, — отозвался Мастер.

Только под утро эри забылась тревожным сном. Проспала совсем ничего, но пробудилась, как обычно, на заре. Быстро умылась, достала из сумки чистые штаны и короткое платье-тунику с разрезами по бокам. Разложила оружие, собрала волосы и вышла в коридор.

Пора познакомиться с Антаром поближе.

Замок оказался большим и ожидаемо темным. Безмолвные личи скользили тенями, смотрели пустыми глазами. Первым делом она вышла во двор и решила найти конюшню,

чтобы проведать свою лошадку. Верная Птичка встретила довольным ржанием и с удовольствием приняла угощение с ладони девушки.

— Моя хорошая, — улыбнулась Вейн, поглаживая жесткую шерсть кобылки и внимательно осматривая загон. Впрочем, увиденное ее удовлетворило.

Из конюшни она отправилась в обход замка, определяя границы Тьмы. Незаметно начертила на стенах свои знаки, внимательно проследила, как быстро они истаяли на черном камне, и вздохнула. Да, все сложнее, чем она думала. Ну что ж... отступать Вейн не привыкла, да и некуда.

Замок оказался огромным, за пару часов она не исследовала и половины. Но быстро поняла, что центральная часть — жилая, северное крыло — либо пустует, либо там проживает прислуга, а вот в южном крыле и башне, видимо, обитает сам хозяин. Попасть туда Вейн не смогла, как ни старалась, ее просто откинуло тьмой, да еще и приложило о камень так, что зазвенело в ушах.

Антар окружала стена, за которой темнел лес, облепленный все теми же клочьями тумана. Даже лучи утреннего солнца с трудом проникали через его белесую муть, словно не хотели освещать мертвые земли.

— А я тебя жду, — вдруг донесся откуда-то сбоку голос, и Вейн удивленно обернулась. Возле стены стояла девочка лет семи, смотрела лукаво, сжимая в руке палку. Путница склонила голову, рассматривая девочку и не делая попыток приблизиться.

— А ты кто?

— Я Трини, — девочка провела палкой по каменной кладке. — Я здесь живу.

— Ты живешь в замке? — изумилась Вейн. Надо же, ребенок здесь, в Антаре? Удивительно. Откуда она здесь взялась?

— Давно ты здесь, Трини?

— Давно, — вздохнула она. — А ты?

— Я приехала на вечерней заре, — Вейн приблизилась на пару шагов к девочке. — Раз ты здесь давно, может, покажешь мне замок? Я заблудилась.

— Я покажу, — важно отозвалась малышка. — Только туда нельзя ходить, — она махнула веткой в сторону башни. — Там целый слой тьмы, может так ударить, что за стену улетишь.

— Я уже заметила, — пробормотала Вейн. — Тогда рассказывай, где можно.

Трини провела ее уже знакомыми коридорами, показывая, где гостиная, а где библиотека. Ничего нового Путница не узнала, но общаться с ребенком было забавно.

— А там живут Анариш и Хло. Они еду готовят. Только Анариш совсем не умеет кашу варить, прежняя эри жаловалась.

Девочка вдруг замолчала, а Вейн подобралась и напряглась. В центре комнаты, где они стояли, медленно появились клочья тумана, сгустились, уплотняясь в центре. Путница раскрыла ладони, и Трини ойкнула, увидев длинные иглы, что скользнули в пальцы эри.

— Убери свои игрушки, Вейн, — насмешливо сказал Ксандр, выходя из туманного нечто. Трини снова ойкнула и унеслась из комнаты, даже не попрощавшись. Темный посмотрел на Путницу.

— Расстегни ворот, — приказал он.

— Я не люблю, когда к моей шее прикасаются, — ровно произнесла она и сняла перчатку с левой руки. Протянула ему запястье.

Миг, и он уже стоит рядом, прижимает ее к своему твердому телу.

— А я не люблю прикасаться губами там, где побывало множество губ до меня, —

посмотрел он ей прямо в глаза. — Расстегни ворот, Вейн.

Она нахмурилась.

— Ты не имеешь права требовать этого, Ксандр, — холодно возразила. — Это мне решать.

— Ты ошибаешься. Это буду решать я, как и все остальное.

Он провел пальцем по ее щеке и сам расстегнул пуговицы на вороте ее блузы. Погладил кожу, обрисовал контур ключицы, не отрывая от нее взгляда. Вейн вздохнула и закинула руки ему на шею, прижала ладони к плечам. Иглы вошли в кожу все разом. Он дернулся, застыл, а потом усмехнулся.

— Неправильный ответ, — и губы Ксандра коснулись ее шеи.

Его губы были твердыми и сухими, такими же, как в ее воспоминаниях. Только сейчас он не целовал, а пил. Он вытягивал из нее свет жизни, каждым глотком высушивая почти полностью, до дна... И крепко держал одной рукой запястья, не давая дотянуться до клинков.

Чувствуя, как отказывает разум, Вейн сосредоточилась. Мысли тонули в вязком тумане, желание поддаться его иссушающей силе становилось непереносимым. Еще немного, и она сама с радостью отдаст ему дыхание и жизнь, станет личем, оболочкой... Она вздохнула и вспыхнула огнем, отбрасывая от себя Темного. Ксандр отлетел от нее, перевернулся через голову и приземлился на ноги. Растворился туманом, опал рваными серыми клочьями и тут же возник рядом. Но Вейн уже держала наготове свои клинки. Поворот и оба кинжала проткнули его грудь. И почти сразу Путница сдула с ладони ему в лицо черную пыль.

Клочья тумана поползли по его телу, но зачарованные кинжалы не давали обратиться и сбросить оболочку, держали сущность Темного. Вейн отпрыгнула в сторону. Черная Смерть убивала быстро, и Ксандр упал, пытаясь вытащить из себя клинки. Через мгновение он замер на полу без движения. Путница приблизилась к нему на шаг. Потом еще на один. Неужели она его убила? Хм... Все же Вейн думала, что будет сложнее. Еще один шаг. В любом случае стоит удостовериться...

Она повертела в руках метательную звездочку и резко выбросила ладонь. Металл вонзился в ногу Ксандра. Он не шелохнулся. Вейн быстро оглянулась, прислушалась. Тихо. Она поставила на дверь охранку и щит, сейчас ей совсем не нужны случайные глаза и любопытные уши. Обернулась. Метнула сразу две звездочки, внимательно проследив их траекторию. Одна вошла в плечо Ксандра, вторая в бок. Он все так же не шевелился. Вейн вытащила из голенища сапога нож и поморщилась. Вот это она не любила больше всего, но что делать, Смотрящие всегда требовали доказательства выполненной работы. Да и Темные имели гнусную привычку возрождаться. А вот без головы это уже... сложно.

Она осторожно приблизилась к телу и ткнула его носком сапога. Снова прислушалась. Дыхания не уловила и тока силы — тоже. Села ему на грудь, потянула за темные волосы, открывая шею и стараясь не смотреть в глаза. Но все же не удержалась, взглянула. Все-таки выпил он из нее достаточно, даже красный ободок вокруг зрачка пропал. Вейн замерла, рассматривая его лицо. Четко очерченные губы, твердый подбородок. Длинные черные ресницы. Тонкий шрам на виске, которого раньше не было. Расплавленное серебро его глаз.

Она закусила губу. Внутри словно все свернулось в тугую жгут. Хотелось закричать или заплакать. Но она не могла себе позволить ни того, ни другого. Да и разучилась она. Так что надо просто... завершить начатое.

Путница занесла руку с ножом и застыла. Он так и не пошевелился, даже бровью не повел, но в его глазах явственно дрожала насмешка.

— Ну же, Вейн, — спокойно произнес он, — что же ты остановилась?

Ее кинжалы выскочили из его груди и отлетели в сторону, туда же последовали звездочки.

— Шантар! — выругалась Путница и хотела вскочить, но он лишь повел ладонью, и девушка упала, не в силах пошевелиться. Ксандр приподнялся, сбросил ее с себя и лениво прижал к полу.

— Как интересно. Ты не можешь причинить мне вред, если я не позволю. Я позволил. Скажи, мне показалось, или ты собиралась отрезать мне голову? Надо же, какая своевольная эри мне попалась, — он говорил и неторопливо расстегивал на ней одежду.

Вейн выгнулась, но сбросить путы так быстро не смогла. Силы вернулись, но Путница замерла, не желая раньше времени демонстрировать свои возможности. Черная смерть, что она сдула Ксандру в лицо, не подействовала совершенно, значит, стоит повременить и понаблюдать. Она и не ожидала, что будет легко, а теперь знала это наверняка.

Он расстегнул ей тунику, обнажая грудь, прочертил теплую дорожку от шеи до груди.

— Не надо.

— Почему же? Скажи, почему я должен остановиться? — он поднял голову, посмотрел ей в глаза.

— Не хочу, — сказала она.

Силы восстановились, и она пошевелила кончиками пальцев, незаметно сбрасывая его магию. Ксандр рывком встал и чуть брезгливо поморщился.

— Не переживай, ты мне не интересна. Но вот твоя способность так быстро восстанавливаться и сбрасывать путы занимательна.

— Собираешься убить меня? — Она уже тоже стояла на ногах. Повела рукой, призывая кинжалы и не спуская с мужчины настороженного взгляда. — Поквитаться решил?

Он не ответил. Прошелся по комнате, словно и забыл о ее присутствии. Но когда Вейн уже собиралась уйти, решив, что так и не дождется ответа, Ксандр заговорил, не поворачиваясь в ее сторону.

— У тебя интересные клинки. И огонь. Откуда? Ты ведь обычная эри, я чувствую силу жизни.

Она толкнула дверь.

— Ты ведь помнишь, что я могу не отвечать, если не хочу? — с насмешкой бросила через плечо и вышла.

На сегодня хватит. Темный сыт, и эри ему пока не нужна. А вести с ним беседы просто ни к чему. Кроме того, все, что хотела, она уже узнала и поняла, что обычными способами с ним не справиться. Ну что ж, придется проявить фантазию.

Но уйти Вейн не успела. Ксандр догнал ее и дернул за руку.

— Я выбрал наказание, — сказал он. — Ты ведь не забыла, что нарушила правила? Я хочу посмотреть воспоминания.

Она застыла. Воспоминания? Открыть ему разум, впустить в свои мысли, в самые сокровенные уголки памяти? Практически в душу?

— Нет, — отрезала она. — Наказание несоизмеримо с нарушением. Читай Кодекс, Ксандр. Можешь даже подать на меня жалобу Смотрящим. Воспоминания я для тебя не открою.

Он вдруг откинул голову и рассмеялся.

— Читать Кодекс? Вряд ли мне это нужно, я ведь сам его написал. Могу и переписать, кстати. Хотя не нужно, я оставил там массу лазеек. Например, ты ведь помнишь, что означает дать Клятву Жизни? Ты не можешь мне сопротивляться, эри, не можешь сделать того, чего я не захочу. И выполнишь все, чего я пожелаю. И твою лояльность своему харису я уже проверил. Она удручает.

— Ты написал Кодекс? — опешила она. Хотя, чему тут удивляться... Это вполне возможно. Может, поэтому она здесь? Смотрящим не понравилась усиливающаяся власть Антара?

Вейн так удивилась, что даже не сразу осознала, о чем он говорит. Клятва Жизни... конечно. Клятва впечатывается в самую суть, полностью подчиняя хозяину. И если он прикажет открыть воспоминания, она должна будет подчиниться.

— Ты не посмеешь, — холодно произнесла она, в упор глядя в его серые глаза.

— Почему же? — кажется, Ксандр забавлялся.

— Только попробуй влезть в мою голову, — прошипела Вейн. — Сделаешь это и останешься без эри. У меня достаточно силы, чтобы закончить эту жизнь в один миг. Мою жизнь. А пока в Антар прибудет новая, ты станешь Одичалым. Или тебе придется покинуть слои Тьмы и выйти в мертвые земли, где так много желающих пообщаться с Призраком. И никто из них Клятву Жизни тебе не даст. Хочешь?

— Твои воспоминания так ценны, что ты готова умереть, но не показать их?

— Я готова умереть, но не позволю тебе или кому-то еще копаться в моей душе, — глухо отозвалась Вейн. — И, пожалуйста, больше не прикасайся ко мне, Темный. Это неприятно.

— А у тебя есть душа, Вейни?

— Меня зовут Путница.

Она вырвала руку и, резко отвернувшись, зашагала по коридору, прислушиваясь к звукам за спиной. Но все было тихо, Ксандр за ней не последовал.

Вейн вышла во двор, глотнула сырого воздуха, невидящим взглядом рассматривая верхушки сосен, что темнели за каменной стеной. Конечно, она блефовала, и умирать не собиралась. Воспоминания... Их она не отдаст никому. Потому что это единственное, что у нее осталось, единственное, что сохранилось от той, настоящей Вейн. Она не любила вспоминать, не позволяла себе думать о прошлом, но иногда... очень редко, отпускала память. И тогда они приходили к ней: воспоминания. Дни, минуты, часы, словно сверкающие песчинки в колбе песочных часов, крохотные кусочки ее жизни. Песок — для всего мира. Драгоценности — для нее. В них была радость, счастье, и был тот, ради кого она хотела жить. Самый дорогой, любимый, необходимый, как свет жизни. Тот, без кого она уже давно словно лич — пустая бесчувственная оболочка без души и чувств.

Вейн решительно тряхнула головой. Нет, сегодня не тот день, когда она может себе позволить расслабиться и вспомнить. Нужно подождать. Пока здесь только Путница со всеми своими личинами. Только эри. Та, которая умерла и приняла Тьму. Та, что должна сильно постараться, чтобы иметь право вспоминать.

Она привычно вогнала в ладонь иглу, и боль прошла насквозь, заставляя зашипеть сквозь зубы. Но голова мигом стала ясной, чувства успокоились. Если повторять этот трюк много лет подряд, тело привыкнет реагировать правильно. И сознание тоже. Путница спрятала иглу и решительно двинулась вдоль стены, намереваясь исследовать замок дальше. Заодно познакомиться с местными обитателями. Как говорит Дир, врагов надо знать в лицо. А свое тщательно прятать под маской.

Ключья тумана стянулись с одну точку и уплотнились. Ксандр задумчиво проводил взглядом удаляющийся силуэт девушки. Первый раз за много лет он с трудом удержал сущность. Она рвалась из тумана, уплотнялась, не подчиняясь его воле, торопилась вернуться в тело. Потому что он разозлился. Ярость ужалила плетью, когда он почувствовал ее эмоции. Любовь... Она любила. Сильно и трепетно, беззаветно и яростно, до боли, до безумия! Любила кого-то за пределами Антара, в Мертвых землях. Любила и тосковала. Он пил ее эмоции только миг, но и этого хватило, чтобы почти потерять контроль, потому что таких сильных чувств он не ощущал с тех пор, как умер.

Далькотт

За пару дней Вейн окрепла окончательно и почти забыла о своей болезни. Но почему-то продолжала на нее ссылаться, чтобы не сидеть за общим столом и обедать в своей комнате. Леран выглядел обеспокоенным и порывался вызвать какого-то прославленного лекаря, что проживал за перевалом. Девушка несколько раз отговаривала его, объясняя свое состояние всего лишь сменой климата.

— Право, Леран, не стоит, — уговаривала она. — Вы ведь знаете, лейны подвержены мигреням. Скоро все пройдет, не переживайте. И спасибо, что тревожитесь обо мне.

— Конечно, я тревожусь, — с улыбкой уверял ее Леран. — Так нам придется откладывать церемонию до самого лета. Боюсь, мистрис Алесс нам этого не простит, ей уже порядком надоели наши холода.

Вейн улыбалась, но мысли ее были далеко.

— Я хотел предложить вам прогулку в долину, но теперь не уверен, что вам стоит с нами ехать, — сказал Леран.

— А куда вы собрались? — оживилась Вейн.

— На ярмарку. Там бывает очень весело, поверьте мне. Люси уже загорелась идеей купить там пуховые шали, она говорит, что в Таларе таких нет. А Ксандр хочет посмотреть оружие, за перевалом живут настоящие ремесленники, их клинки даже в столице ценятся на вес золота.

Вейн опустила глаза.

— Боюсь, я еще недостаточно окрепла для такой поездки, — пробормотала она.

— Понимаю, — вздохнул Леран. — Что ж... Если хотите, я станусь с вами... С тобой. Или можно и вовсе отложить эту прогулку!

— Что вы! Леран, не надо, Люси расстроится. Ведь я увижу еще много ярмарок в этой долине, а она после обряда покинет Далькотт. Пожалуйста, Леран, отправляйтесь и не волнуйтесь обо мне. Я с удовольствием проведу время за чтением книг. А вы привезете мне с ярмарки гостинец, договорились?

Он прикоснулся мягкими губами к ее запястью.

— Вы так великодушны, Вейн. Мне с вами очень повезло.

— И мне с вами, Леран, — улыбнулась девушка.

И вздохнула с облегчением, когда дверь за ним закрылась. Она постояла у окна, наблюдая, как удаляются от ворот замка всадники. Обе мистрис тоже отправились в долину, правда, в экипаже, а не верхом. Видимо, и им надоело сидеть взаперти. Да и погода благоприятствовала прогулке. Стояло тихое солнечное утро, снег сверкал и переливался, словно сахарная пудра на печеном кренделе.

Вейн отвернулась от окна и сняла надоевшую шляпку. Расплела косы, пропуская сквозь пальцы темные пряди, откинула их за спину и улыбнулась. Дома она часто носилась в полях с распущенными волосами, но здесь приходилось соблюдать приличия и вести себя достойно. И от этих приличий у Вейн уже сводило скулы. А от туго стянутых кос болела голова и хотелось заорать. Но мистрис Алесс строго блюла обычаи, зная любовь своей воспитанницы к вольностям.

Поэтому сейчас Вейн улыбалась, предвкушая несколько часов желанной свободы. И пусть она не попала на ярмарку, зато сможет провести время так, как ей хочется.

Девушка сбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и ворвалась в музыкальный зал. Она покружила, раздумывая, чего ей хочется больше всего. И решила начать с танцев, все-таки это всегда помогало отбросить дурные мысли. Самым лучшим средством, конечно, являлась скачка на ее любимой лошадке, но, увы, сейчас это было недоступно.

Она улыбнулась и открыла музыкальную шкатулку. А когда по комнате поплыли звуки музыки, раскинула руки, сбросила туфли и закружилась. Мелодия была знакомая, она даже знала слова, и девушка принялась напевать, а там, где слова забывались, просто мурчала себе под нос. Настроение резко улучшилось. Вейн подумала, что не зря отказалась от поездки, все-таки возможность попрыгать в свое удовольствие того стоит. В конце концов, ей всего девятнадцать, и она уже до одури устала вести себя правильно!

На последних аккордах Вейн подпрыгнула, взмахнула руками и рассмеялась. И открыла глаза, чтобы сразу наткнуться на смеющиеся серебряные глаза Александра. От неожиданности она совсем не благородно ойкнула, смутилась и тут же разозлилась.

— Дер Александр! Вы разве не знаете, что подглядывать некрасиво?

— Я не знал, что подглядываю, лейна Вейн, — с улыбкой ответил он. — Просто услышал музыку и зашел посмотреть, кто здесь веселится. А вы меня удивили, лейна.

Он окинул ее насмешливым взглядом, и Вейн вдруг очень четко осознала, что стоит босиком, в одних суконных чулках, с растрепанными волосами, и, наверняка, покрасневшая. Как простолудинка, право... Стыдно.

— Вейн, перестаньте, — он подошел ближе, провел пальцем по краю музыкальной шкатулки, и песенка зазвучала вновь. — Вы были такой искренней в танце, не стоит портить это лицемерным смущением. Которого вы, к тому же, совсем не испытываете.

— С чего вы взяли? — растерянno пробормотала она.

— Вижу. Вы просто осознали, что должны смутиться и даже покраснеть, но на самом деле вовсе не испытываете этих чувств, не так ли? — он посмотрел на нее через плечо.

— Я... я... Я не знаю. Наверное, вы правы, — чуть улыбнулась Вейн. — Хотя это странно осознать.

— Иногда я думаю, что наша жизнь была бы куда проще, если бы мы перестали прятаться за нормами и правилами. Вы так не считаете?

Вейн поджала пальцы на ногах и осторожно пригладила растрепавшиеся волосы.

— Я не знаю, дер Александр! — растерянno пожала она плечами. — Я никогда об этом не думала.

Он оторвался от созерцания шкатулки и подошел к ней. Протянул руку и сжал в ладони ее темную прядку, намотал на палец. И улыбнулся, рассматривая девушку.

— Нормы, правила, ярлыки... Они сильно усложняют нашу жизнь, Вейн, — негромко произнес он, и чуть потянул ее волосы. Девушка переступила ногами, не понимая, что он делает. — Разве можно скрывать за чопорностью такую живую натуру, как ваша... Это просто преступно. Я хотел бы увидеть, какая вы настоящая.

— Зачем? — тихо спросила она. Он стоял так близко, что Вейн видела, как расширяются зрачки в его глазах, чувствовала тепло его тела.

Александр выпустил прядь и убрал руку, чуть задев пальцами щеку девушки.

— Это доставило бы мне удовольствие, — мягко ответил он. И взял ее за руку: — Потанцуете со мной, лейна Вейн? Если я вас смущаю, могу тоже разуться.

Она ошарашенно посмотрела в его смеющиеся глаза и тоже рассмеялась. И кивнула. Почему бы и нет? Вейн вложила свои пальчики в его ладонь и сделала шаг, повинувшись его рукам и музыке. Он хорошо вел, легко придерживая ее за талию и сохраняя между ними расстояние, требуемое все теми же приличиями. Шаг, второй, поворот. Шаг, назад, поворот! Снова шаг... и поворот!

Солнечный свет падал на светлые доски пола яркими квадратами, и танцующие скользили из света в тень. Из тени на свет. словно фигуры на доске желаний, в которую играют дети. Светлый квадрат. Темный квадрат. Кто победит в этой игре, исполняет желание...

Шаг, поворот, шаг.

У Александра теплые руки и серебряные глаза, у Вейн снова растрепались волосы. Он смотрит на нее, не отрываясь, и внутри девушки поднимается странное чувство, которому нет названия. Это похоже на страх и на ожидание.

Шаг и вперед.

Поворот.

Шаг.

И назад. Поворот.

Музыка смолкла, и Вейн застыла. Голова кружилась. Он легко коснулся губами ее ладони.

— Спасибо, — тихо произнес.

— А... а разве вы не поехали на ярмарку? — запоздало вспомнила девушка.

— Нет. Я вернулся, когда понял, что вы остались в замке, — спокойно сказал он.

— Но...

Ксандр усмехнулся.

— У меня есть плохая привычка, Вейн.

— Какая? — у Вейн вдруг испуганно заколотилось сердце. Он мягко положил ладони ей на талию и прижал к себе.

— Получать то, чего хочу, — тихо сказал он и поцеловал ее.

Она дернулась в его руках, но он лишь прижал ее крепче. И нежно тронул ее губы, легко, почти неощутимо. Его руки скользнули по телу девушки, и левая ладонь легла на ее затылок, придерживая и осторожно поглаживая, перебирая темные пряди. Он нежно целовал ее, не желая испугать, лишь чуть прикоснулся к ее губам, не стремясь проникнуть внутрь. И вдруг замер, сжал ее чуть сильнее, так что Вейн инстинктивно попыталась вырваться. Он глубоко вздохнул и разжал руки, вглядываясь в ее лицо.

Вейн вскинула подбородок и отвесила ему звонкую пощечину.

— Да как вы смее! — выдохнула она.

Он неотрывно смотрел на ее губы, потом медленно перевел взгляд на глаза. То, что она ударила его, Александр, кажется, даже не заметил. И если бы не красное пятно на его щеке, Вейн сама бы подумала, что сделала это лишь в своем воображении, настолько неподвижно он стоял.

— Вы... вы... — возмущенно начала она, чувствуя, как дрожат губы. Стало почему-то ужасно обидно, только она не понимала отчего. Внутри дрожало что-то злое и темное, хотелось ударить его еще сильнее.

— Я вас напугал, — медленно произнес он, хотя в глазах не было ни капли раскаяния. Только легкое удивление.

Она поспешно отошла от него и вскинула голову.

— Вы меня не напугали, дер Александр, — как можно холоднее сказала. — Вы меня возмутили. Все эти разговоры о столь ненужных правилах и приличиях были для чего? Чтобы совратить нареченную своего брата? Это подло и мерзко. Скоро состоится церемония и я... вы... мы...

Она все-таки сбилась, вспыхнула, схватила свои туфли и выскочила в коридор.

Вейн пронеслась по лестнице и галерее так, словно за ней гналась сама Тьма. Влетела в

свою комнату и в ярости швырнула туфли о стену. Каблук на одной туфельке надломился и треснул, и это окончательно расстроило девушку. Она опустилась на пол, пытаясь сдержать слезы и не понимая, что именно ее так расстроило. Поцелуй? Так она и раньше целовалась. Конечно, тайком от родителей и даже Люси, но ее как-то поцеловал сын соседского дера. С ним они частенько дрались в детстве, но вырос он во вполне привлекательного парня. И неровно дышал к Вейн, так неровно, что даже грозился выкрасть ее и тайно обручиться, хоть и знал прекрасно о состоявшемся еще в детстве наречении. Да и сам Рауль тоже с детства был помолвлен с дочерью какого-то дера из соседних земель.

Конечно, Рауль ее так и не выкрал, зато как-то поймал в темном коридоре, когда мистрис были увлечены беседой за чашечкой душистого чая, и попытался засунуть язык ей в рот. Вейн сопротивлялась, но больше для вида, потому что ей было любопытно, как это, целоваться. А Рауля она знала с детства, ничуть не боялась, так почему бы не удовлетворить свою любознательность? Исключительно в исследовательских целях, конечно.

Впрочем, изучение сего процесса девушку сильно расстроило. Ничего похожего на чувства, описанные в скандальных книгах дера Оливьера, которые она читала тайком от отца, Вейн не испытала. Напротив, было противно и гадко, когда язык Рауля начал быстро ощупывать ее рот, всовываясь так глубоко, что Вейн едва не задохнулась. Так что оттолкнула парня она с чувством глубокого разочарования. Потом они еще пару раз повторяли попытку, но каждый раз девушка убеждалась, что приятнее не становится, и по-прежнему не видела в этом процессе ничего хорошего.

Зато сегодня, когда теплые губы Александра прикоснулись к ее губам, и его руки сжали тело... Вейн закрыла глаза, вспоминая. Она испытала не только то, что описывал дер Оливьер, а гораздо, гораздо больше. Она даже не думала, что легкое касание губ мужчины может заставить тело до такой степени ослабеть и задрожать. И именно это ее испугало, то, насколько сильно ей захотелось обвить руками его шею, прижаться крепче, почувствовать его всей своей кожей, всем телом... обнаженным телом.

Вейн в ужасе приложила руки к горящим щекам. О, виры! Да она хуже продажных девок, о которых ей рассказывала тайком старая Бета, и участью которых пугали девочек из благородных семей! Позор, какой позор! Она желала чужого мужчину, постороннего, хуже того, брата своего жениха! В то время как к самому Лерану не испытывала ровным счетом ничего, кроме легкой симпатии!

Девушка сжала зубы, приказывая себе успокоиться. Это ничего не значит. Все произошедшее в музыкальном зале просто... ошибка. Она не знала, для чего Александр сделал это, возможно, поддался порыву? И конечно, Вейн не станет рассказывать об этом ни мистрис, ни даже Люси. Она постарается забыть. В конце концов, это всего лишь поцелуй. Даже не поцелуй, а так, легкое прикосновение губ. Ничего страшного.

Когда в комнату ворвалась румяная с мороза Люси, Вейн все еще сидела у окна, задумчиво рассматривая заснеженные просторы. Сестра схватила ее за руки и закружила по комнате.

— Вейн! Ну перестань хмуриться! У тебя испортится цвет лица, и появятся морщины. И Леран тебя бросит. Посмотри, какой чудесный день! Ты даже не представляешь, как в долине здорово! Какие там продают украшения! А деревянные поделки! А камни! А шелка! Даже из-за Перевала приезжали торговцы! Ты все пропустила со своей хворью!

Она затанцевала по комнате так, что шляпка сбилась набок, и золотые кудри Люсинды чуть растрепались. Румяное лицо в обрамление розовых лент выглядело сегодня на редкость привлекательным. Впрочем, Люси всегда была красавицей, и невозможно было удержаться от улыбки, глядя на ее щечки с ямочками и яркие голубые глаза. Ворох желтых и сиреневых юбок, словно пена, кружились вокруг ее ног, и Вейн поневоле залюбовалась ею - такой схожей с ярким и свежим весенним цветком.

— Рада, что ты хорошо провела время и повеселилась, — рассмеялась она и потянула носом. — Ого, Люси! Ты, кажется, попробовала хмель?

— Совсем капельку, — сестра ничуть не смутилась. — Леран сказал, что в северных землях хмель дают даже юным девушкам, потому что без него можно замерзнуть

насмерть!

— Ну да? — усомнилась Вейн. — И что на это сказала мистрис Алесс?

— А мы ей не рассказывали! — Люси хитро подмигнула сестре, бросила шляпку на кресло и плашмя упала на кровать. — Ах, Вейн! Мне так хорошоооо!

— Да ты просто пьяна! — возмутилась старшая. — Иними сапоги, я на этой кровати вообще-то сплю!

— Ты просто зануда, Вейнитта! — резюмировала Люси, даже не подумав подняться. — Кстати, Леран, оказывается, гораздо богаче, чем думали мама с папой! Если бы они увидели бесконечные стада овец, которые принадлежат Далькоттам! Ты знаешь, что в горах есть пастбища, где даже зимой растет трава? Представляешь? А долина? А озера? Это все принадлежит Далькоттам, до самого Перевала! Если бы папенька это узрел, его хватил бы удар от мысли, что он слишком дешево тебя продал!

Она засмеялась, а Вейн обхватила себя руками, почувствовав озноб. Радостное оживление, что принесла с собой сестра, схлынуло, оставив привычную горечь. И вроде нет причин для грусти, ей повезло, достался хороший молодой жених, богатый и красивый. Радоваться надо, а она все печалится! Но все же... Все же. Да, такие обручения обычная практика, но вот та же Люси все еще ни с кем не связана, родители не хотят ее неволить, хоть к златокудрой красавице выстроилась очередь из женихов с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Но стоит отцу заикнуться о том, что пора и определиться, мама закатывает глаза и бледнеет, и родитель сдается, лишь с любящей улыбкой треплет Люси по щечке.

— Успеется, — неизменно говорит он с улыбкой. — И правда, пусть наше солнышко еще посияет в родительском доме.

Вейн вздохнула, отвлекаясь от грустных мыслей. Нельзя гневить небо и роптать. Пусть родители сделали выбор за нее, но они уготовили ей прекрасную судьбу. Ну, а то, что маменька перед отъездом строго-настрого запретила ей возвращаться и слушаться мужа, несмотря ни на что, это мелочи...

И снова помимо воли вспомнила последние дни в родительском доме...

— Терпи, — поджав губы, наказала ей мать перед отъездом. — Это долг жены, терпеть и смиряться. Так что и ты смиришься я, Вейнитта. А в Талар возвращаться не смей. Теперь твой дом — Далькотт.

И отвернулась, чтобы дать наставления Люси, которая переживала, достаточно ли у нее с собой платьев. Родители не хотели отпускать младшую дочь, но Люсинда, как обычно, настояла. Она всегда умело вертела родителями, улыбаясь так, что те не могли ей ни в чем отказать.

— Перерожденная сказала, что мне надо ехать с тобой, — жарко шепнула как-то ночью сестра, забравшись к Вейн под одеяло.

— Люси, ты такая большая, а все веришь в эти небылицы, — пробурчала Вейн. — Глупости! Никакая она не Перерожденная, просто старая шарлатанка, которая зарабатывает на таких романтических дурындах, как ты и твои подружки! Хватит уже к ней бегать, если отец узнает...

Люси пренебрежительно фыркнула.

— Она настоящая, Вейн! Ты просто ее не видела! Перерожденная... Жуткая, до мурашек. Космы седые, до самых пяток, заплетены в косички, глаза черные, словно у нежити! Хотя, она же и есть нежить...

— Глупости! — уверенно сказала Вейн и отпихнула сестру, чтобы та не дышала ей в ухо. — Все знают, что Перерожденным запрещено жить по эту сторону Излома. Если бы она была Темной, ее давно отправили бы в Мертвые Земли или просто отрезали голову. Так что она точно шарлатанка.

— Так ее не могут поймать, — уверенно заявила Люси и раскинула руки, не смущаясь,

что занимает большую часть кровати сестры. — Она же туман, сумрак. Захочет, появится, пожелает — исчезнет. Захочет, станет сном, кошмаром, подождет, пока ты уснешь, заползет в твою голову и... как схватит!

Она подпрыгнула на кровати и оседлала сестру.

— Как задушит!

— Прекрати! — Вейн расхохоталась, пытаясь отпихнуть от себя Люсинду, но мешала длинная ночная сорочка, что опутывала ноги и сковывала движения. — Слезь с меня, ненормальная!

Люси тоже захихикала, чуть сбившись с роли, но с сестры не слезла, продолжая на ней прыгать и вещать замогильным голосом:

— Я знаю все твои тайны, Вейниттаа... Я пришла совершить возмездие... уууу....

— Сумасшедшая, — задыхаясь от хохота, прокричала Вейн.

Сестра, наконец, успокоилась и, скатившись, снова разлеглась, раскинув руки.

— Она точно Перерожденная! — снова заговорила она, отдышавшись. — И она сказала, что мне нужно ехать с тобой в дальний северный край. Так велит Тьма.

— Конечно, Тьма — отличный советчик! — съязвила Вейн. — Лучше бы ты слушала, что говорят виры, они хотя бы за людей, а не за Темных.

— Ну, и общаться виры с людьми не спешат, — заметила Люси. — Разве что со жрицами, а с обычными людьми они не слишком-то разговорчивы. Зато вот Тьма — пожалуйста. Только попроси лучше!

— Люси! — Вейн чуть испугано прислушалась. — Если тебя услышит мистрис Алесс, нам обеим влетит! И даже твоя жалостливая улыбочка не поможет! А еще вероятнее, что больше всего попадет мне, за то, что я, как старшая, тебя вовремя не отдернула! Так что помолчи, пожалуйста!

Сестра в ту ночь больше не приставала с кощунственными разговорами, но идея отправиться с Вейн в Далькотт ее не покинула. И она все-таки смогла убедить родителей отпустить ее. Впрочем, в этот раз Вейн была рада настойчивости сестры, ехать в чужие края, в неизвестность совсем одной, ей было боязно. А так, пока рядом Люси, создавалась иллюзия, что они просто в гостях и когда-нибудь вернутся в родной дом.

Вейн снова вздохнула и решительно мотнула головой. Все, хватит. Теперь ее дом здесь, и надо привыкать. В конце концов, ей действительно повезло, вон даже Люси в Далькотте нравится. И пора уже поближе познакомиться со своим будущим мужем, не прятаться в своей комнате и не избегать общения. Все равно, обратной дороги нет.

Следующим утром мистрис Алесс разбудила сестер еще до восхода солнца. Люси по детской своей привычке снова уснула рядом с Вейн, благо, кровати в Далькотте были гораздо шире, чем в их родном доме. И недовольно заворчала, когда мистрис решительно раздвинула гардины.

— Просыпайтесь, сони! — громко сказала она и стянула с сестер покрывало. — А ну живо!

— Мистрис Алесс! — чуть ли не взывала Люси, но глаза не открыла. Вейн обреченно вздохнула и села в кровати, по опыту зная, что их попечительница все равно не отстанет.

— День Света! — торжественно провозгласила мистрис.

— Каждый месяц повторяется этот день света, — непочтительно пробубнила Вейн и вздохнула. — Да встаем мы, встаем! Люси, просыпайся.

— Жду вас внизу, лейны, — пропела мистрис и так же торжественно удалилась.

Люси сразу же снова укуталась в одеяло.

— Не поможет, — с сожалением сказала ей сестра, — ты же знаешь. Так что лучше встать самой, пока Алесс не примчалась с кувшином холодной воды.

Сестры слажено охнули, вспомнив, как безжалостная мистрис порой будила их дома. Для наставницы день Вир был священным, даже несмотря на то, что повторялся с завидной регулярностью. Люси села на кровати и отчаянно зевнула.

— Ну почему надо воздавать хвалу вирам на восходе? — простонала она.

— Потому что виры — это лучи солнца и любви, — поучительно ответила Вейн, расчесывая свои темные волосы. — И ты прекрасно это знаешь! Давай, Люси, просыпайся. Алесс ждать не любит. Ты же не хочешь, чтобы она отходила нас хворостиной на глазах у Лерана и... его брата?

Такая перспектива заставила Люси охнуть и, резво соскочив с кровати, кинуться в купальню. Вейн только хмыкнула, проводив ее взглядом.

На этот раз они не опоздали, даже Люси собралась на удивление быстро. А Вейн и вовсе лишь умылась, стянула волосы в тугий низкий пучок, надела темно-зеленое платье и маленькую шляпку с пером и вуалью, закрывающей лицо. Сестра как всегда была в ярком, сегодня в сиреновом с золотом платье, но лицо прикрыла, как того и требовал поход в храм.

— Лейны! — внизу их уже ждал Леран. Он поклонился, приветствуя их, и повернулся к Вейн: — Вам уже лучше? Жаль, что вы вчера не смогли посетить с нами ярмарку, вашей сестре очень понравилось.

— Да, она рассказала мне со всеми подробностями, — улыбнулась девушка. — Действительно, жаль. Но надеюсь, у меня еще будет такая возможность.

— Несомненно. Думаю, эти ярмарки еще успеют вам надоесть, лейна Вейн, — рассмеялся Леран.

— Солнце не будет ждать! — с легким возмущением воскликнула наставница.

— Конечно, мистрис Алесс, уже идем, — ответил Леран.

Вейн оглянулась.

— А дер Александр с нами не едет? — как можно безразличнее спросила она.

— Брат еще вчера отправился на Перевал, у него там дела, — ответил жених. — Даже на ярмарку с нами не поехал.

— Понятно, — пробормотала девушка и положила руку на любезно предложенный локоть Лерана.

Морозный воздух мигом прогнал остатки сонливости и отчистил разум. Звезды на небе ярко сияли - синие, словно драгоценные камни. И только на востоке уже бледнели, оповещая о начале нового дня и восходе солнца.

Сестры и наставницы поехали в экипаже, Леран - верхом. На подходе к храму уже ожидали люди и зажженные светочи — символы солнца и тепла мягко светились множеством желтых точек. Сверху, с дороги, казалось, что в долине сроились светлячки. И на фоне снега это выглядело необычно и красиво.

Несмотря на то, что Вейн наблюдала эту картину бесчисленное количество, она все равно замерла в восхищении, замороженная торжественной красотой.

— Вейн, прикрой занавесь, дует, — недовольно пробурчала Люси, кутаясь в меховой плащ. Вейн со вздохом опустила плотную ткань.

Скоро экипаж свернул и остановился невдалеке от храма. Девушки вышли и с любопытством осмотрелись. Вейн особенно внимательно, ведь именно в этом храме произойдет самое счастливое событие в ее жизни - обручение с нареченным. С Лераном.

Она попыталась представить, как будет подниматься по этим ступенькам, одетая в красное платье и ритуальные браслеты, с тяжелым покровом на голове. А возле огня будет стоять Леран, одетый в серебряную хуту - ритуальный обряд мужчины, похожий на длинное женское платье с широкими рукавами.

И вот идет она по храму, сияют светочи, тихо поют жрицы, слава вир и прося у них счастья и любви для обрученных. Она движется вперед и видит в глазах нареченного улыбку...

— Вейн! — возмутилась сестра. — Долго ты стоять будешь? Пойдем уже, холодно!

— Иду, — вздохнула девушка. Даже представить собственное обручение не получалось.

Храм здесь был огромный и гораздо красивее того, что стоял в Таларе. Белые стены мягко светились в предрассветном сумраке, а множество желтых камушков образовывали замысловатые узоры вокруг витражных окон. И сами окна — настоящее произведение искусства: узкие, высокие, в два человеческих роста. Каждое из них представляло собой картину, выполненную из разноцветных стекол. Вот мчится на крылатой колеснице верховная вира, поражает камнем познания Тьму, и та сворачивается змеей, уползает, спасается от испепеляющего света солнца...

Люси снова дернула за руку засмотревшуюся сестру.

— Понравились окна? — заметил Леран интерес нареченной. — Этот храм - наша гордость. Знаете, после нашествия Темных, прежний храм был полностью уничтожен, а этот отстраивали уже под руководством Ксандра. А мастера по витражам он привозил из столицы. Истинный художник оказался. Красиво, правда?

— Очень! — искренне отозвалась Вейн. — Нашествие и сюда докатилось?

Леран вдруг нахмурился, отвернулся, и девушка встревожилась.

— Леран? — она осторожно коснулась его руки. — Я сказала что-то не то?

Он вздохнул.

— Вы здесь не при чем, конечно. Просто это ... черная страница в истории нашей семьи. Когда Перерожденные перешли Излом, много людей погибло, все это знают. К сожалению, нашествие не миновало и наши горы. Родители... их выпили Темные, Вейн. Досуха. Я думал, твой отец тебе рассказал.

— Нет, — тихо ответила она. — Я не знала, прости, что напомнила.

Он с благодарностью сжал ее ладонь и грустно улыбнулся.

— Я почти не помню этого, маленький совсем был, а вот Ксандру тогда досталось. Он тоже еще мальчишкой был, но смог меня защитить. Знаешь, самое страшное, что родители не погибли, а стали личами. И пытались меня сожрать... Я только и запомнил, что дикие глаза да оскаленный рот отца. Ксандру пришлось их убить. Родительским кинжалом и заколол. Обоих, и отца и мою маму... Вернее то, что от них осталось. Мы потом долго в подвале прятались, потом что Темные не только родителей выпили, но и тетюшку, и ее детей, и всех служек, и даже собак дворовых. И многие стали личами, жаждали свежего мяса и крови. Надеюсь, никогда не придется такое пережить снова. Хотя я и помню все это смутно, говорю же, маленький был... Мне всего пять тогда исполнилось.

— А брату?

— Ксандру было тринадцать.

Вейн молча сжала его руку. Слова были излишни. Та ночь, когда Перерожденные перешли Излом, до сих пор наполняет души людей ужасом. Такие нашествия и раньше случались, но последний был просто ужасным.

— Надеюсь, когда-нибудь свет победит, и люди смогут прогнать Перерожденных навсегда, — вздохнула Вейн. — И отомстить за своих потерянных близких.

— Я тоже на это надеюсь, — кивнул Леран и улыбнулся. — Не грустите, Вейн. Я совсем не хотел испортить вам настроение своими грустными воспоминаниями. Сегодня хороший день, не будем его омрачать.

Она тоже улыбнулась.

— Ну вот, теперь вы оба здесь застряли, — к ним подошла недовольная Люсинда. — И что вы уставились на эти окна? Как будто на них цветы растут!

— Уже идем, — улыбнулся Леран, но руку Вейн так и не отпустил. — Кстати, Люси, цветы ты еще увидишь, обещаю. И совсем скоро.

Храм был переполнен, но для Лерана и его спутников предназначалась целая ложа, с удобными сидениями и мягкими подушками. Они расположились как раз вовремя, юные жрицы запели гимн восхваления.

Вейн положила руки в перчатках на деревянные перила. Она всегда любила этот момент, когда юные девичьи голоса раздаются в темном храме, освещенном лишь крошечными светлячками светочей, и шум стихает. Люди замирают, внимая. Их дыхание успокаивается, смолкают разговоры вокруг. Толпа становится недвижима и безмолвна, и все ждут.

Песня нарастает, голоса жриц взлетают к своду храма, и сотни людских сердец словно следуют за ними к самому большому окну, на котором всегда одно и то же изображение: огромный диск восходящего солнца. И когда мелодия уже дрожит на пике, и голоса певчих разве что не срываются на самой высокой и пронзительной ноте, витраж светлеет. На нем проявляются цветы и деревья, и лучи взошедшего солнца потоком льются в храм, на стоящих внизу людей, словно благодать небесных вир.

Вейн столько раз наблюдала эту картину, но всегда проникалась, как впервые. Конечно, с возрастом она узнала, что такой эффект льющегося света достигается какими-то хитрыми установками зеркал и стекол на крыше, но все же, это было столь прекрасно, что хотелось верить в чудо. Ради этого момента она готова была встать затемно и ехать в храм даже по лютomu морозу. В этот день Вейн особенно верила, что небесные виры смотрят на нее и оберегают.

— Очаровывает, правда? — шепнул Леран, и Вейн с улыбкой кивнула.

Дальше было уже не так интересно. Обычные знакомые наизусть храмовые гимны почитания вир, танец жриц, больше похожий на монотонные раскачивания из стороны в сторону, речь Верховной, которая здесь была на удивление моложавой, не то что в родном Таларе.

Люси уже откровенно скучала и даже пару раз зевнула, не обращая внимания на гневные взгляды мистрис. Впрочем, их наставница была истовой виринией, и ее сейчас больше занимало происходящее в храме, чем поведение подопечных.

Вейн незаметно погрозила сестре кулаком. Все-таки она была старшей, и на ее плечах лежала обязанность присматривать за избалованной сестрицей. Люси отмахнулась.

— Каждый месяц одно и то же, — мрачно изрекла она. — Хотя бы гимн новый придумали, что ли.

Вейн покачала головой.

— Вот ты привереда, Люси, — отчитала ее она. — Смотри, какие здесь витражи красивые, в Таларе таких нет.

— Тоже мне достижение, — фыркнула сестра. — Зато наши жрицы лучше поют. А эти столько раз сфальшивили, что я со счета сбилась.

На это возразить было нечего, потому что в отличие от Люсинды, Вейн не обладала ни слухом, ни голосом и судить о чистоте исполнения гимна не могла.

— Привереда! — повторила она. — Ничего, скоро вернешься домой и будешь слушать правильный гимн.

Люси дернула плечиком, нахмурилась, но вдруг оживилась.

— Что это? — спросила она и тронула Лерана за руку. Он повернул голову и помрачнел. По проходу шли стражники, а между ними с трудом волочил ноги грязный, бородатый мужчина, закованный в кандалы. Люди безглаголиво расступались, чтобы не коснутся идущих даже кончиком платья.

— Суд Света, — хмуро сказал он. — Мы можем уйти, если не хотите смотреть.

— Мы останемся! — торопливо сказала Люси.

Вейн посмотрела на нее с сомнением. Дома родители запрещали сестрам присутствовать на Суде Света, считая, что это зрелище не для юных лейн. Говорят, даже почтенные матроны теряли сознание на таких судах, что уж говорить о нежных девах. Поэтому отец строго настрого запретил им смотреть на это, и даже если и случалось такое во время службы, сестер всегда отправляли домой или в экипаж, дожидаться родителей. Люсинду такая несправедливость всегда злила. Вейн же было все равно, она и сама не стремилась присутствовать на Суде.

Люси, зная отношение сестры, вцепилась ей в руку и посмотрела умоляюще. Сквозь тонкую дымку вуали голубые глаза сияли, словно горные озера.

— Пожалуйста, Вейн, давай останемся? — взмолилась она. — Ты же знаешь, что дома папа мне не разрешает смотреть! А мне любопытно... Прошу тебя!

Вейн вздохнула. Сейчас, когда скорая разлука с сестрой неизбежна, разве могла она ей отказать? Тем более что и мистрис Алесс, кажется, не против.

— Вы уже взрослые, — пробормотала наставница. — В конце концов, нельзя скрывать от вас это вечно!

— Хорошо, — сдалась Вейн, — остаемся.

Люсинда порывисто обняла сестру и почти улеглась грудью на деревянные перила, чтобы лучше видеть. Тем временем храм покинули дети и подростки, на Суде Света можно присутствовать только тем, кто встретил уже семнадцатую весну.

Мужчину в кандалах подвели к помосту, и стражники отошли. Верховная жрица смерила притихших людей горящим взглядом и повернулась к обличителю.

— В чем провинился этот человек, и почему он взывает к свету? — звонко спросила она.

— Он убил свою жену, Светлейшая, — почтительно ответил тот. — Его вина доказана, и приговор вынесен — виселица. Он взывает к Суду Света.

Верховная перевела взгляд на убийцу. Вейн тоже присмотрелась и удивилась, что по лицу мужчины катятся слезы, а рот раскрывается, словно он силится что-то сказать. Но не издает ни звука. И стоит совершенно неподвижно. Ей стало не по себе и захотелось уйти.

— Суд Света состоится! — так же звонко объявила жрица и повела рукой. — На время Суда в храм Света я выпускаю Тьму, чтобы решить судьбу этого человека! Если виры простят его преступление, Тьма отринет его!

В центре помоста стало темнее, словно там пролегла более густая тень. А потом эта тень стусилась еще сильнее, перелилась в очертания фигуры, и вышел Темный.

В толпе кто-то ахнул и все-таки лишился чувств. Люси поддалась вперед, с жадным любопытством осматривая Перерожденного. Хотя смотреть там было особо не на что — черный плащ с объемным капюшоном полностью скрывал черты нелюдя.

Жрица окинула Темного презрительным взглядом, но склонила голову в приветственном поклоне.

— Камень Познания! — торжественно возвестила она.

Четыре юные девы в длинных церемониальных одеждах медленно вынесли на полотне

камень. Вернее, его осколок. Один из сотни осколков Камня Познания, который раскололся от грехов людских, и в тоже время на земле образовался Излом. И Единое разделилось на Свет и Тьму. Тогда появились первые Перерожденные, те, что были темны в душе своей. Эти осколки бережно хранились в храмах, потому что даже маленький кусочек небесного камня всегда мог отделить свет от тьмы, определить, чего в человеке больше.

Девы дошли до помоста и осторожно возложили полотно с камнем на алтарь.

По лицу бородатого все так же катились слезы. Перерожденный неподвижно стоял сбоку, словно черная тень.

— Суд Света свершится! — крикнула жрица и подняла руки, взывая к вирам. Ее жест повторили все девы, и певчие тихо затаили песню, вознося благодарность мудрости и терпению всевидящих вир, что присматривают за глупыми и заплутавшими человеческими душами.

Мужчина вскинул голову, словно прислушиваясь к пению. С трудом, через силу, сделал шаг к алтарю. Потом еще один. На лице его застыло выражение муки и обреченности. Еще шаг. Его рот снова открыт, но не издает ни звука. И еще...

И вот он останавливается около камня, протягивает закованные руки к осколку. Толпа замирает. Очень медленно осужденный опускает ладони, касается Камня Познания... И его отбрасывает с такой силой, что он пролетает мимо неподвижного Темного и врежется в стену храма. Падает на пол с глухим стуком и замирает.

Тишина. Все молчат и снова ждут.

Вейн уже сто раз пожалела, что уговорила себя остаться. Все-таки правы были родители — зрелище не для девушек. Это просто... ужасно. Она до крови закусил губу, мимолетно порадовавшись, что вуаль хоть немного скрывает лицо. Может, для этого в храм и принято ее надевать?

Мужчина все так же не двигался. К нему подошел обличитель и дотронулся до шеи.

— Мертв, — коротко и равнодушно констатировал.

— Суд Света состоялся! — возликовала Верховная жрица. — Виры простили прегрешения этого человека и отчистили его душу, не позволили Тьме забрать его! Его имя отныне освещено светом!

Под купол взлетел благодарственный гимн и люди зашевелились, зашептались. Перерожденный растаял черной тенью, и Вейн вздрогнула, увидев это. Тело бородатого убийцы унесли стражники. И снова звенит песня, снова льется в храм утренний свет, но на душе так противно и гадко...

— Ты расстроилась? — встревожено спросил Леран, заглядывая ей в глаза сквозь дымку вуали. И добавил грустно: — Прости, надо было сразу вас увести.

— Просто мы еще ни разу не видели Суд Света, — через силу ответила девушка.

К ним подскочила Люси.

— Вейн всегда слишком близко к сердцу все принимает! — фыркнула она. — Тут надо радоваться, а не грустить, сестра! Виры помиловали этого человека, теперь его душа в их царстве. Он не стал Темным, не стал проклятым Перерожденным!

— Но он... умер.

— Ну и что? — удивилась Люси. — Он ведь убийца, его все равно ждала виселица. А так он смог сохранить свое доброе имя и умереть достойно. Вейн, ну что ты как маленькая!

— Простите. Конечно, все правильно. Суд Света справедлив... — она улыбнулась, не желая портить своим спутникам настроение. Но неприятный осадок остался.

И даже ночью, уже засыпая, девушка все думала о бородатом мужчине. О его открытом

в безмолвном крике рте, о слезах на грязных щеках. И когда все-таки провалилась в беспокойный сон, он снился ей и все силился что-то сказать.

Мертвые земли. Антар

Вейн обошла не только башни, но и весь замок. Молчаливых личей здесь было множество. Они безмолвными тенями скользили по коридорам и галереям, споро и слаженно выполняли всю работу.

На кухне хозяйничала толстая, неприветливая Темная и Вейн порадовалась, что в Антаре есть люди, пусть и Перерожденные.

Кроме Ксандра, «живых» Путница узнала пятерых: кухарку Хло и ее помощницу Анариш, мужчину, что встречал ее за слоями, кареглазого шатена, который принимал клятву, и блондина, род деятельности которого она пока не выяснила. Девушка внимательно, но ненавязчиво осмотрела цветные всполохи над головой каждого и удовлетворенно улыбнулась. Силы у Перерожденных было немного, плюс способности к трансу. У кухарки наблюдалась повышенная чувствительность к вкусу и запаху. У кареглазого — умение различать правду и ложь. Настоящая темная сила и умение входить в слои и создавать их, были только у Ксандра. Неудивительно, что он потребовал Клятву Жизни, как ни безумно это звучало. И в Антаре не было ни одного воина. Все Темные, сытые и спокойные, на вошедшую эри даже не оборачивались. Глаза ясные, без признаков безумства, с бледным красным ободком вокруг зрачков. Хотя, все правильно. Чем меньше сила, тем слабее голод. К тому же, вполне возможно, Путница предназначена для хозяина, а у остальных есть другие эри.

Она попыталась беседовать с женщинами на кухне, зная, что и темные склонны к сплетням, но кухарка лишь недовольно поджала губы и указала ей на дверь.

— Мое дело хозяину еду готовить, а не языком чесать, — грубо заявила она и отвернулась.

Вейн пожала плечами и отправилась на поиски более сговорчивых собеседников. Им оказался блондин Сайкериос, который тут же предложил звать его Сай. Он сообщил, что служит при хозяине писчим, при этом широко улыбался. Вейн чуть отстранилась. Яркие красные всполохи над Темным ясно указывали на способность приманивать противоположный пол. И судя по тому, как полыхнули искры пожаром, он прямо сейчас решил этой способностью тьмы воспользоваться.

Путница про себя усмехнулась. Наивный Сай. Но сделала вид, что чары Темного на нее подействовали, и широко распахнула глаза, легко входя в привычную роль Кьяры: соблазнительницы и соблазняемой.

— Рад познакомиться с очаровательной эри, — почти пропел блондин, картинно облакачиваясь на невысокую ограду. — В этот раз Смотрящие прислали в Антар дивный цветок! Красота и сила эри, что может быть лучше?

— Может, красота и сила Тьмы? — улыбнулась Вейн.

— Тоже недурственно, — расхохотался Сай.

Путница чуть улыбнулась. В Темном мире не принято спрашивать, кем был человек по ту сторону Излома и за что попал сюда, но по манере разговаривать и держаться, становилось очевидно, что Сайкериос благородного происхождения.

— Скажите, Сай, в Антаре всегда так... немногочленно? И где другие эри? А то я чувствую себя неуютно. Меня, знаете ли, на всех не хватит!

— Не переживай, красавица, — улыбнулся Темный. — Ты предназначена только для хозяина. Он никогда не делится своими... девушками. А жаль... У него встречаются такие редкие экземпляры...

Вейн смотрела на блондина все с той же легкой улыбкой, ни на миг не показав охватившего ее омерзения от скабрезного тона собеседника. Она ненавидела Темных, что принимали эри не только за источник жизни, но и за развлечение. Жаль, но таких было слишком много. Продолжая мило улыбаться, Путница подумала, что на обратном пути нужно будет отправить этого блондина к праотцам, вслед за хозяином.

— У нас обычно многолюднее, — не подозревая о кровожадных мыслях собеседницы, продолжал Сай. — Конечно, не то чтобы намного... Хозяин не любит общения, живет затворником, хотя при его-то силе, мог бы уже и в Ниарант перебраться.

— Что же не переберется? — почти влюблено промурлыкала Вейн. Право, такие разговорчивые писчие — просто находка! И знает о хозяине много и не принимает ее всерьез. А уж поболтать и покрасоваться как любит! Путница облизнула губы, заставляя Темного восторженно замереть. Он чуть сбился с мысли, но быстро опять собрался. Красные всполохи уже сияли без перерыва, Сай использовал свою силу на полную мощность, рассчитывая приятно провести время с эри хозяина.

— Не хочет, я же говорю: затворник. Эх, а в Ниаранте сейчас время Полночи! Можно знатно повеселиться! Вы любите Полночные игры, прекрасная эри? — с придыханием спросил писчий.

Вейн улыбалась все так же обворожительно, хотя мысленно скривилась от столь откровенного намека. Полночные игры столицы славились развратом и полной безнаказанностью ошалевших от силы Темных. Ей подобные развлечения были глубоко противны, хоть и приходилось пару раз принимать в них участие. Правда, те, кто развлекался с ней на играх, уже давно сгнили в сырой земле Темного мира, без надежды на возрождение.

— Ах, вы меня смущаете, Сайкериос, — похлопала ресницами Вейн. — Увы, мне не довелось принимать участие в играх. Но я о них слышана... Там говорят, бывает так... горячо!

Блондин шагнул к ней, заглядывая в глаза. Красный ободок вокруг зрачка все такой же бледный, значит, Темный жаждет другого общения.

— Как жаль, что нам не довелось встретиться на играх, восхитительная Путница! — проворковал он. — Но я готов все вам показать... в подробностях! Быть вашим учителем и наставником, так сказать...

— Даже не знаю, — она сделала вид, что задумалась. — Возможно, мне стоит спросить позволения у хариса?

Упоминание хозяина заметно погасило жаркие всполохи Сая, и теперь они дрожали бледными тенями.

— Не надо! — торопливо проговорил он. — Эри свободны в своем выборе, так что не думаю, что хозяину нужно знать о нас...

— О нас? — Вейн придвинулась ближе, томно повела плечами и тяжело задышала.

— О нас, — Сай запыхтел еще тяжелее. Девушка подавила желание рассмеяться в голос. Светло-голубые глаза блондина отливали масляным блеском. Он торопливо оглянулся, удостоверился, что рядом никого нет, и прикинул, стоит ли зайти за конюшни, где у него было укромное местечко для таких неожиданных встреч.

— Не хотите ли прогуляться? Тут есть одно очень уютное место... — склонившись почти к ее губам, прошептал он.

Вейн разочарованно вздохнула, раздумывая, как вернуть писчего к разговору. Но кажется, Темный всерьез вознамерился развлечься и говорить больше не желал. Она с легким удивлением окинула его взглядом. Неужели, он, правда, думает, что она пойдет с ним на конюшню, спустит штаны и позволит такую... близость? Хотя, притяжение у него действительно сильное, так что, скорее всего, для Сая это обычная практика. И если бы не ее защита, вполне возможно, они уже приступили бы к активным действиям.

Но пора заканчивать этот балаган. Хотя и делать из писчего врага не стоит, еще пригодится.

— Очень хочу, — с придыханием прошептала она, томно облизывая губы. — К сожалению, увы... Никак не могу. Я буду мечтать об этом, Сайкериос, обещаю!

Она выскользнула из его рук, которые уже по-хозяйски легли на ее талию, и пошла к

замку, оставив позади недоумевающего писчего. Серый туман хлопьями опадал при каждом ее шаге, змеей обвивал тело, и Вейн взмахнула рукой, отгоняя его.

Разговор ее разочаровал. Она надеялась узнать больше. Девушка достигла массивной двери, ведущей в нижний зал, и вошла в нее. В животе настойчиво заурчало, напоминая, что эри живая и ей давно пора пообедать.

Путница кивнула, подзывая молодую девушку с пустыми глазами. Ошейник на лице был именно с общими символами, значит, она подчиняется всем обитателям Антара, а не только хозяину.

— Я хочу есть. Проводи меня в гостиную, — громко и четко приказала Вейн. И добавила мысленно: «Нет, проводи меня в кабинет хозяина».

Лич застыла. В безжизненных темных, как эбонит, глазах дрожало отражение зеленных светильников. Потом она дернулась в сторону, сделала два шага, замерла и повернула обратно, туда, где располагалась гостиная. И уже уверенно пошла вперед, размеренно переставляя ноги. Вейн, чуть улыбнувшись, спокойно двинулась следом.

В гостиной было пусто, и Путница с комфортом расположилась за небольшим столиком, приказывая принести ей обед. Две безмолвные прислужницы выполнили ее распоряжение быстро, и вскоре она уже наслаждалась восхитительным вкусом грибного супа и нежнейшей запеченной тартейкой. Эти птицы водились лишь на востоке, в болотах Великой Глуши, но, похоже, у Призрака не было проблем с доставкой деликатесов, чему Вейн искренне порадовалась. Она смаковала десерт, когда серый туман вполз в щель под дверью и перелился в фигуру Ксандра.

Он опустился на стул напротив и вытянул ноги.

Вейн безмятежно продолжала есть маленькой ложечкой яблочное суфле и молчала. Поддерживать беседу эри не обязана. Закончив трапезу, со вздохом сожаления отложила блюдо. Облизнулась, сняла перчатку с левой руки и протянула Темному. Он не двигался, молча рассматривая на ее коже спираль Тьмы и клеймо принадлежности.

— Печать Северного Оста, — задумчиво произнес он. — Откуда она у тебя?

— Откуда у эри появляется клеймо? — с легкой насмешкой ответила Вейн. — Разве ты не знаешь, Призрак?

Он резко наклонился вперед и сжал пальцами ее запястье, словно заключил в кандалы. Чуть придвинулся, рассматривая бледное клеймо.

— Владелец Гнойной Впадины умер за год до твоего появления в Темном мире, Вейн, — спокойно сказал Ксандр. Поднял голову, заглянул ей в глаза. — И он не оставил приемников. Ветвь чертополоха — узнаваемое клеймо, но владелец никак не мог поставить тебе его, потому что я точно знаю, сколько лет ты здесь. Так откуда у тебя этот знак, Путница?

Вейн попыталась вырвать руку, чувствуя, как заползают в душу холодные щупальца страха. Но освободиться от его хватки было невозможно. Ксандр держал крепко, с холодным безразличием рассматривая ее лицо.

— Я не обязана отчитываться, — прошипела Вейн. — Ты делаешь мне больно!

Он разжал пальцы и откинулся в кресле.

— Я все чаще задумываюсь, кого именно мне прислали Смотрящие. Слишком много... несоответствий. — также безразлично обронил Ксандр.

— Ты просто ищешь к чему придраться, — Вейн постаралась, чтобы ее голос прозвучал обиженно, с легкой ноткой усталости и скорби. — И в чем-то обвинить меня. Это клеймо не Гнойной Впадины, а Хряков. Если ты так хорошо разбираешься в геральдике, то должен знать, что их отметки почти одинаковы, кроме одной детали, — она повернула руку и пальцем провела по белесому шраму над клеймом. — Вот здесь была корона.

Он молча смотрел на нее, не мигая. Зрачки глаз были расширены, и тьма струилась

вокруг Темного бесконечным потоком. Вейн внутренне сжалась. Его сила не мелькала цветными всполохами или темными вкраплениями, она окутывала его, словно непроницаемый плащ, заполняла собой все пространство, черной ртутью зачерняя серебро глаз. Но Вейн продолжала смотреть, не отворачиваясь, зная точно, что Ксандр не может проверить ее слова. Хряки живы и здоровы, хоть и живут за тысячи лье от Антара. Наличие или отсутствие на отметке короны уже не проверить: удар ножом оставил на запястье некрасивый рваный рубец, перечеркнувший клеймо.

Она внимательно прислушивалась к своему сознанию, не позволяя себе отвлечься и опасаясь пропустить прикосновение чужого разума. Но его так и не последовало. Ксандр просто придвинулся и кивнул на ее правую руку.

— Другую, — коротко бросил он.

Вейн протянула запястье, на котором не было клейма, и мужчина склонил голову, прижался к нему губами. Она не сдержала надрывного вздоха. В теле разлилась блаженная истома, голова сладко закружилась. Внутренний хронометр привычно отсчитывал глотки, а она все смотрела на его склоненную голову, подавляя в себе желание зарыться в эти темные волосы пальцами. Внизу живота заныло, и горло перехватило от острого, нестерпимого желания близости с ним.

...Три... Четыре... Пять.

Хронометр щелкнул в голове, заставляя девушку убрать руку, но она медлила, тянула. Ксандр сам отодвинулся, снова откинулся в кресле и закрыл глаза. Вейн отвернулась. Реакция собственного тела испугал ее больше, чем его вопросы.

Она поднялась и пошла к двери, стараясь двигаться неспешно, чтобы не было ощущения, будто она убегает. Почти ожидая, что он бросится в вдогонку, прислушивалась к тишине за спиной. И только выйдя за дверь, Путница до крови закусил губу и с яростью вогнала в ладонь иглу, чтобы прийти в себя. Боль отрезвила и охладила разбушевавшиеся чувства.

«У меня просто слишком давно не было мужчины, — со злостью подумала Вейн. — Или магия Сая все-таки пробил защиту и вызвала возбуждение? Шантар!»

Она вышла во двор и подставила лицо сырому ветру, а потом решительно вскинула подбородок и двинулась к каменной стене.

Далькотт

Утро нового дня выдалось солнечным и ясным. Хотя в долине еще лежал снег, но с юга отчетливо тянуло теплым ветром и, казалось, даже пахнет уже по-особому - весной.

Вечером Леран предложил Вейн осмотреть уголья и ознакомиться с ее будущим хозяйством. Конечно, как и всех девушек из благородных семейств, ее тоже учили всему необходимому: вести счетные книги, контролировать слуг, принимать и рассматривать жалобы от жителей угодных земель. По большей части все эти обязанности должна выполнять жена дера Александра, а сама Вейн после обручения с его братом становится сейшатай, то есть супругой сейша, правой руки хозяина. Но как объяснил ей нареченный, пока Ксандр холост, все эти функции лягут на плечи Вейн. Да и сам Александр почти не проживал в Далькотте, полностью передав управление Лерану.

— Я хочу показать тебе наши земли, хоть немножко. Ты хорошо себя чувствуешь? Ехать желательно верхом, — предупредил Леран.

— Да, я совершенно здорова, не беспокойся, — уверила его Вейн.

— Я хотела бы поехать с вами! — загорелась идеей Люси. — Тем более что завтрашний день обещает быть чудесным. Посмотрите, какой закат!

— Люсинда, это не увеселительная прогулка, — строго урезонила ее мистрис Алесс. — И тебе там совершенно нечего делать!

— Но мне интересно!

— Тем более, мне не нравится твой румянец, — непреклонным тоном добавила наставница, окидывая свою любимицу встревоженным взглядом. — Как бы ты не захворала! Завтра останешься в замке.

— Вы совершенно... непереносимы! — выкрикнула Люси, резко развернулась, взметнув ворох желтых юбок, и бросилась к лестнице.

— Что вы себе позволяете, юная лейна! — возмутилась мистрис и покачала головой, поджав губы. — Простите дер Леран, Люси еще ребенок.

— Лейна Люсинда не ребенок, — с улыбок ответил Леран. — Просто очень эмоциональна. Это по-своему очаровательно, мистрис Алесс. И не извиняйтесь, что вы!

Вейн промолчала. Они с Люси были погодки, и в свои девятнадцать старшая сестра считалась вполне взрослой и для замужества, и для ответственности. Поэтому, она тихо подозревала, что мистрис Алесс просто не хочет тащиться с ними завтра верхом осматривать уголья. А если поедет Люси, то ее необходимо будет сопровождать. На нравственность самой Вейн наставница уже махнула рукой. В конце концов, воспитанница поедет в компании нареченного, достойного человека, как все успели убедиться. Да и девушка совсем скоро станет его супругой, так что, если Леран и сорвет с ее губ поцелуй, ничего в этом страшного нет. Дело-то молодое...

Мистрис Алесс была прекрасно осведомлена о наказе матушки Вейн, запрещающем той возвращаться в Талар. Другое дело Люсинда. Ее необходимо беречь и охранять, хоть никто на нее здесь, вроде, не посягает. И да, наставнице ужасно не хотелось покидать с утра теплые стены гостеприимного замка.

Так что, осматривать уголья Вейн и Леран отправились вдвоем. К обеду нареченный успел показать ей и стада в загонах, и бескрайние заснеженные поля, и темную кромку леса.

— А там, за лесом, находятся два озера. Отсюда их не видно. Это северный предел Далькотта. До остальных пределов ехать трое суток, так что осмотрим их, когда потеплеет.

— Леран, у меня голова идет кругом, — с улыбкой отозвалась Вейн. Они остановились на горном плато, и отсюда вся долина лежала как на ладони, напоминая белую скатерть, исчерченную тенями от домов и окаймленную лесом. Дальше извивалась лента реки,

тоже еще скованная коркой льда.

Леран рассмеялся.

— Да, наверное, я тебя утомил.

— Нет, мне очень интересно, что ты! Просто не ожидала, что ваши угоды так обширны. Их получил ваш отец?

— Меньшую часть. Большую король пожаловал уже брату.

Вейн внимательно смотрела на долину.

— А чем занимается дер Александр при дворе?

— Разве я не говорил? Ксандр принадлежит Лиге Камня. Хотя брат не любит об этом упоминать. И пожалуйста, не стоит его расспрашивать.

Вейн продолжала задумчиво рассматривать долину. Вот как. Значит, брат ее нареченного состоит в самой таинственной и закрытой Лиге их королевства. И основной деятельностью этих людей является контроль и уничтожение Темных. Вся ответственность за нашествие Перерожденных, если такое случится, тоже ложилась на Лигу.

— Конечно, я не стану с ним об этом говорить, — уверила нареченного Вейн. — Не беспокойся.

Он тронул поводья, подъезжая ближе.

— Знаешь, я рад, что у нас появилась возможность пообщаться наедине, — сказал он и робко улыбнулся. — Я бы хотел узнать тебя лучше. Ты расскажешь о себе?

Он смотрел просительно, и Вейн подавила в себе желание поморщиться. Совершенно нехотая подумала, что карие, чуть влажные глаза Лерана точь-в-точь такие же, как у телков, которых они недавно осматривали в загонах.

Девушка торопливо прогнала глупое сравнение и улыбнулась.

— Конечно. Что бы ты хотел узнать?

Подкрепиться они остановились в деревне, в доме управляющего. Их накормили сытным обедом, а пока Леран смотрел учетные книги, Вейн вышла прогуляться. Солнце сияло уже высоко, и грело по-весеннему. С крыш домов стекала талая вода, и этот перестук капли наполнял душу радостью и ожиданием счастья.

Вейн остановилась на пороге и улыбнулась, сощурившись от яркого света.

— Лейна Вейнитта! — окликнула ее жена управляющего. — Если вам интересно, за домами есть лавка, там продают местные поделки и ткани. Даже оружие, что привозят с Перевала, и украшения. Иногда попадаются занятные вещицы.

— Спасибо, Софи, — кивнула Вейн. — Пожалуй, туда я и отправлюсь. После вашего сытного и вкусного обеда пройтись просто необходимо!

Женщина ушла в дом, а лейна неторопливо пошла вдоль оград, наслаждаясь неспешной прогулкой и одиночеством. Она чуть нахмурилась, поняв это. Да, Леран не вызывал в ней неприязни, но со временем его общество становилось утомительным. И сейчас она порадовалась, что нареченный занят, и у нее есть возможность прогуляться без него.

Она шла совершенно бездумно, порой кивая встречным людям и с удовольствием рассматривая дома с черепичными и соломенными крышами, крепкие ограды, расчищенные от снега дорожки и хлева со скотиной. По всему было видно, что простой люд в Далькотте не бедствует, и лица случайных прохожих не были омрачены нищетой или страхом голодной смерти. Значит, года были урожайные, а господин не зверствует, отбирая последнее. И это тоже порадовало Вейн.

Она шла и шла, пока не поняла, что заблудилась. Никакой лавки поблизости не было, только длинные постройки, из которых ощутимо тянуло навозом и сеном. Конюшни. Такой знакомый с детства запах. И сразу нахлынула тоска по оставленной в Таларе Птичке - ее любимой лошади.

Не удержавшись, Вейн шагнула к темнеющему проему. Ей навстречу вышел бородатый конюх, посмотрел удивленно и склонил голову в поклоне.

— Света вам, — поздоровалась девушка. — Я немного заблудилась. Искала лавку, а вышла к конюшням.

— Так лавка-то в другой стороне! — конюх хлопнул себя шапкой по колену. — А вы никак, нареченная лейна? Из замка?

— Вы хорошо осведомлены, — улыбнулась девушка.

— Так в долине-то новостей никаких, — хитро прищурился конюх. — Ваш с сестрицей приезд, да будущее обручение — большое событие. А с сестрицей вас не перепутать, все знают, что нареченная с волосами темными, как ночь, а глазами светлыми, что вода озерная.

Вейн не сдержалась, рассмеялась.

— Как поэтично. Кто же так обо мне отзывался?

— Так люди говорят, — уклончиво пояснил конюх. — Меня кличут Огаром, я здесь старшой, на конюшнях.

Вейн хотела ответить, но откуда из глубины донесся шум и свист хлыста. И одобрительные мужские выкрики.

— А что там? — заинтересовалась она.

— Так господин дикого жеребца объезжает! — простодушно ответил Огар. — Только сегодня привезли. Чистокровный онтариец!

Вейн удивилась. Наверное, Леран знает короткую дорогу до конюшен. И специально сказал, что будет книги смотреть, а сам сюда... Ну она ему... Все выскажет!

Девушка решительно двинулась на звуки, внимательно глядя под ноги и обходя навозные кучи. Впрочем, конюшня была чистой и опрятной, а стояла новыми, еще пахнущими строганным деревом. Все это она отметила краем сознания, торопясь и не обращая внимания на конюха, который тащился следом, и бубнил:

— Но лейна... госпожа... Негоже как-то... Не для девичьих глазок-то...

— Огар, я столько раз видела, как объезжают лошадей, что вряд ли это зрелище меня удивит! — бросила она. — К тому же я всю жизнь мечтала увидеть онтарийца! Это же такая редкость!

— О да! — просиял конюх. — Красавец невиданный! Хоть и дикий, как степной ветер! Настоящий ураган!

Они прошли конюшню насквозь, и оказались под открытым небом. Здесь была площадка, обнесенная деревянным ограждением, возле которого толпились конюхи и одобрительными криками встречали каждое движение господина. Вейн подошла ближе и замерла, рассматривая мужскую фигуру. На нем были узкие штаны и высокие сапоги, белая рубаха расстегнута на груди. Камзол небрежно брошен на доски. Темные волосы растрепаны, а в серых глазах застыла насмешка.

Конечно, как она могла подумать, что увидит здесь Лерана. Дикого онтарийца собирался объезжать Александр.

Вейн притаилась в тени здания, чтобы не привлекать к себе внимания. Впрочем, все были так увлечены противоборством человека и дикого жеребца, что даже не заметили появления гостя. Онтариец был поистине великолепен: черный, как деготь, с длинными

тонкими ногами, и невероятно грациозными движениями. В нем сплетались сила и красота, дикость и грация. Его движения завораживали, и Вейн казалось, что она могла бы любоваться им вечно. Или мужчиной, что не уступал дикому животному.

Вейн даже забывала дышать, наблюдая этот поединок. Броски жеребца из стороны в сторону в попытках избежать петли и вырваться на свободу. Конь вставал на дыбы и вскидывал задние ноги, метался по загону, гневно фыркая, в попытках сбежать. Но больше всего Вейн удивилась, не увидев в руках Александра хлыста. Дома, в конюшнях отца объездчики всегда пользовались кнутом, болью доказывая лошади свое превосходство. А Ксандр стоял только с арканом, и, как ни метался жеребец, довольно быстро набросил петлю на его лоснящуюся черную шею.

А вот дальше начиналось самое интересное, и девушка подошла ближе, не в силах оторваться от происходящего. Миг, и мужчина уже вскочил в седло. Конь яростно заржал, брыкнул задними копытами. Встал на дыбы, метнулся в сторону, в отчаянной попытке сбросить седока. Из его ноздрей валит пар, уши почти прижаты к голове, хвост хлещет по бокам, пытаясь достать человека. Он метался по загону с такой скоростью, что казался черным смерчем. Вейн даже не представляла, как Ксандр все еще удерживается в седле. Но вскоре даже ей стало очевидно, что дер не только не собирается падать, но и настойчиво показывает жеребцу, кто тут главный, умиряя его. И уставший онтариец успокаивается, хоть и фыркает гневно, но уже не так рьяно. Александр улыбается, похлопывает его по шее, говорит что-то ласковое.

Вейн перевела дух. Кажется, она и правда не дышала, пока длилась эта дикая скачка. И только тут осознала, что ее появление здесь, наверное, действительно... неуместно. Но тихо сбежать не получилось, потому что Ксандр повернул голову и в упор посмотрел на нее. Вейн замерла на месте, и так и стояла, пока он спрыгивал с онтарийца и приближался к ней.

— Кажется, вы собирались сбежать, даже не поздоровавшись, лейна Вейн? – сказал он, оказавшись рядом, и чуть склонил голову, рассматривая ее.

— Света вам, дер Александр, — пробормотала она. — Я подумала, что мне здесь... не место.

— Отчего же? Неужели вас так смутил процесс объездки дикого жеребца?

Она вскинула голову, внимательно всматриваясь в его глаза. Лицо мужчины спокойное, почему же ей кажется, что он смеется?

— Меня совершенно не смущает этот процесс, — ответила она. — Я имела удовольствие неоднократно наблюдать его на конюшнях моего отца.

— Хм... у вашего родителя своеобразные понятия о воспитании лейны.

В серых глазах разливалось серебро, и кончики губ чуть дрогнули.

— Дер Александр, вы надо мной смеетесь? — не выдержала она.

— А вы всегда задаете вопросы так прямолинейно? — теперь он уже откровенно улыбался.

— Это лучший способ получить ответ! — Вейн, не сдержавшись, тоже улыбнулась и кинула быстрый взгляд на жеребца, уже спокойно стоящего у ограждения. — Никогда не видела настоящего онтарийца! Он прекрасен...

— Да, самое прекрасное, что я видел, — тихо произнес Ксандр, не отрывая от нее взгляда. Вейн покраснела. Почему его слова всегда кажутся ей двусмысленными?

— Вы здесь одна? Где ваша сестра? Или Леран? Или несравненная мистрис Алесс?

— Леран остался в доме управляющего, а Люси и наставница в замке. А я вот... заблудилась. Не ожидала вас тут встретить. Я думала, вы уехали на Перевал.

— Уже вернулся, — Ксандр задумчиво ее рассматривал, и девушка вдруг остро ощутила, что он стоит слишком близко.

— Я, пожалуй, пойду, — пробормотала она. — Леран будет волноваться.

— Не беспокойтесь, — возразил он. — Я пошлю кого-нибудь предупредить брата.

— Но...

— Останьтесь, Вейн, — он вдруг улыбнулся. — Неужели вы не хотите погладить настоящего онтарийца? Поверьте, вы редко встретите такого жеребца.

Девушка заколебалась. Уходить не хотелось совершенно, но все же...

— Не бойтесь, — вкрадчиво уговаривал Ксандр. — Я даже не буду пытаться вас поцеловать.

— Что? Да как вы...

Кажется, она снова покраснела и жутко разозлилась. Вскинула голову и холодно посмотрела в его смеющиеся глаза.

— Я совершенно этого не боюсь, дер Александр. Напрасно вы думаете, что...

Он резко шагнул к ней, и она испугано отшатнулась. Ксандр рассмеялся.

— Да, то, как вы не боитесь, очень заметно, — с насмешкой сказал он.

— Вы намерено меня провоцируете! — возмутилась она.

— Конечно, намерено. Вейн перестаньте, вы дрожите, как мышь перед прожорливым котом. Я не буду вас... есть. Я не ем очаровательных лейн.

Ей так и хотелось спросить, а что он с ними делает, но она сдержалась. И правильно сделал, потому что, судя по насмешливо вздернутой брови, он ждал от нее именно этого вопроса.

— И откуда же в ваших конюшнях, настоящий онтариец, дер Александр? — елейным тоном заговорила Вейн на совершенно другую тему.

— О, это потрясающая история, я вам расскажу. Вы не сбежите, если я оставлю вас на несколько минут? Боюсь, после такого близкого знакомства с этим жеребцом, мне требуется пара ведер холодной воды.

Он улыбнулся, и Вейн сжала зубы, заставляя себя не глазеть на него, словно деревенская девка. Но это было трудно, и ее взгляд упорно возвращался к его расстегнутой рубашке, растрепанным волосам и серебряным глазам.

— Не сбегу, — она удивилась, что сказала это достаточно спокойно. — Разве я могу уйти, не услышав обещанную вами историю?

Он кивнул и отошел. Вейн прошла вдоль ограждения, рассматривая онтарийца в загоне. Она повернула голову, услышав плеск, и вздохнула. Говоря о ведрах холодной воды, Ксандр не шутил. Он стоял, склонившись, и Огар лил воду на его обнаженную спину и плечи. И благородный дер фыркал и мотал головой, как тот жеребец, которого он только что объезжал. Закончив омовение, он быстро вытерся холстиной и накинул камзол на голое тело.

Вейн отвернулась.

— Вам не холодно? — спросил она, когда он подошел.

— Нет, я привык. К тому же, сейчас уже достаточно тепло.

Лейна красноречиво осмотрела талый снег, что окружал площадку, и Ксандр улыбнулся.

— Жители гор с детства привыкают к холоду. В Таларе значительно теплее, конечно, поэтому вы мерзнете.

— Вы были в Таларе?

— Случалось.

Он не стал ничего добавлять и проявлять ненужную вежливость, расписывая красоты ее родины.

— Вы обещали мне историю, — напомнила Вейн.

— Конечно. Итак, все началось в одну из моих поездок на Перевал...

Вейн не стала уточнять, для чего он так часто посещает Перевал. Всем известно, что оттуда совсем близко до Излома. За Перевалом начинаются сторожевые башни, отслеживающие перемещения Темных. Но эти темы обсуждать не принято. Зато вот историю его встречи с диким жеребцом — пожалуйста. Тем более что Ксандр был отличным рассказчиком. Вейн заслушалась, живо представив себе и суровые горы, и неожиданно выскочившего на дорогу коня.

— Но как там оказался онтариец? — недоумевала она. — Ведь их родина — степь? А это гораздо восточнее и южнее перевалов!

— Это загадка, лейна Вейн, которую я так и не смог разгадать, — кивнул Ксандр. — Так что могу только предполагать.

— И каковы предположения?

Неспешным шагом они дошли до загона и остановились возле деревянных ступенек у ограждения.

— М-м-м... я думаю, его перенесли фиры. Вы верите в фир, лейна Вейн?

Она посмотрела в его совершенно серьезное лицо.

— Фиры? Это такие маленькие стрекозы с крылышками? Из детских сказок. Вы их имеете в виду, дер Александр?

— Да.

— Замечательная версия, — она изо всех сил старалась сохранить серьезное выражение лица. — Очень... правдоподобная! То есть, о том, что его просто везли на Перевал, но онтариец по дороге сбежал, вы не подумали?

— Ну почему же, подумал, — вздохнул он. — Но разве версия с фирами не выглядит более романтической? — усмехнулся он. — Лейна Вейн, по всем правилам, вы должны были широко распахнуть глаза и сказать удивленное и восторженное «Ах!»

Вейн послушно распахнула очи, похлопала ресницами, сложила губки бантиком и выдохнула.

— Так? — медовым голосом поинтересовалась она.

Он рассмеялся.

— Ужасно, — сквозь смех проговорил Ксандр.

— Да вам не угодишь, дер Александр! — возмутилась Вейн, но потом не выдержала и тоже рассмеялась.

— У вас чудесный смех, лейна Вейн, — негромко произнес он. Странно, но она снова смутилась, хотя никогда не отличалась особой восприимчивостью к чужим словам и комплиментам. Но ей казалось, что Александр все произносит как-то... особенно.

— Так как, лейна Вейн, попробуете погладить этого онтарийца?

— А зачем еще, по-вашему, я так долго выслушиваю все эти байки? — насмешливо сказала она и, отвернувшись, легко поднялась по ступенькам. Александр кивнул Огару, который водил по загону жеребца, чтобы тот подвел его ближе.

— Знаете, лошади всегда смотрят на нас свысока. Для них люди слишком маленькие и

хрупкие, — прокомментировал Ксандр. Он встал за ее спиной, так что Вейн ощущала тепло его тела. Но отодвинуться ей было некуда, она и так почти упиралась животом в доски ограждения. Зато Александра, похоже, их близость ничуть не смущала. Голос его звучал совершенно ровно. — Поэтому прежде, чем сесть на лошадь ей нужно доказать свое превосходство. Показать, что вы сильнее, умнее, быстрее...

Огар подвел жеребца и тот замер, нервно перебирая ногами и готовый сорваться в галоп от одного неосторожного движения.

— Снимите перчатки, Вейн, — негромко велел Ксандр.

Она осторожно оголила руки и повесила перчатки на ограждение. Старалась не дергаться, когда Александр взял ее за руку и положил ее ладонью на шею онтарийца. Жеребец фыркнул, но остался стоять на месте.

— Вот так... молодец... — тихо приговаривал Ксандр, и Вейн не поняла, кому он это шепчет — ей или жеребцу. Но, кажется, звуки его голоса зачаровывали их обоих.

— У него такая мягкая шерсть, — удивилась девушка. — Просто как шелк...

— Да. Онтарийцы особенные лошади, Вейн. Поэтому их осталось так мало. Все особенное так редко...

Он говорил тихо и проводил ее ладонью по шее жеребца, а тот чуть фыркал, но уже, похоже, от удовольствия. И сама Вейн поймала себя на мысли, что тоже чувствует удовольствие и странное томление от происходящего. Она понимала, что он стоит непозволительно близко, что вообще не должен к ней прикасаться, даже к руке, но не сделала ничего, чтобы прекратить это. И даже почувствовала досаду, когда услышала голос Лерана:

— Вейн! Ксандр! Я не знал, что ты уже вернулся!

— Я еще не был в замке, брат, — Александр сошел со ступенек и протянул руку девушке, помогая спуститься.

— Вейн? Как вы здесь оказались? Вы тут давно? — удивился ее нареченный.

— Я заблудилась, видимо, не там свернула. Вы уже закончили свои дела, Леран?

— Да, можно возвращаться. Но что вы здесь делали?

— Любовалась на онтарийца, — чуть раздраженно ответила Вейн. — Прекрасный жеребец, вы не находите?

Леран скользнул по загону равнодушным взглядом.

— Да, наверное... Пойдемте, думаю, мистрис Алесс уже беспокоится.

Он согнул руку в локте, предлагая ее девушке, и Вейн ничего не оставалось, как положить на него кончики пальцев. Они пошли к выходу, провожаемые внимательным взглядом Ксандра.

Мертвые земли. Антар

Путница проскользнула вдоль стены и напрягла слух. Показалось, или она, действительно, слышала этот звук? Внимательно осмотрела каменную кладку, оглянулась и тихо свистнула. Тут же из ключев тумана спикировал вниз черно-синий красноглазый комок, и, издав хриплый клекот, опустился на руку девушки.

— Кхха! Ты умница, милая! — рассмеялась Вейн, с любовью рассматривая безобразное до притягательности создание тьмы: кожистые черные крылья, тело, с выступающим изогнутым хребтом, покрытое короткими синими перьями, лапы, с длинными когтями, острый клюв, способный пробить череп, и умные красные глаза.

Ядовитую кьяру Вейн нашла пять лет назад. Тогда это был птенец, почти дохлый, выпавший из гнезда и потрепанный дикой кошкой. Удивительно, что грязный окровавленный комочек со сломанными крыльями вообще дышал.

Что заставило ее подобрать это создание и выходить, девушка не знала. Возможно, кьяра напоминала саму Вейн - такую же бескрылую и потрепанную.

Дир был уверен, что птица сдохнет уже к утру, и искренне предлагал свернуть ей шею, чтоб не мучилась. Вейн лишь плечами пожимала, продолжая капать из мягкой тряпочки в клювик молоко. Будущее показало, что в птенце, как и в самой Путнице, таилась неумная жажда жизни. Кьяра поправилась, даже крылья почти срослись, хотя летать на длинные расстояния она так и не научилась, предпочитала перемещаться, сидя на голове хозяйки. Зато, благодаря этому, Вейн однажды обнаружила весьма занимательную способность порождения Тьмы...

Птица снова коротко и хрипло крикнула, а потом привычно забралась к девушке на шею, обхватила крыльями голову и плотно облепила ее кожистыми перепонками. Она положила голову так, что клюв теперь свисал надо лбом Вейн.

Путница удовлетворенно кивнула и решительно двинулась к башне, туда, где путь ей преграждала тьма.

— Давай, Кхха, надо поработать, — пробормотала она, сосредотачиваясь. Птица еще плотнее прильнула к голове девушки, словно кожаный капюшон с перьями, и тихо заурчала, как кошка. Вейн настроила дыхание, расслабила тело и сделала шаг. Тьма мягко играючи обволокла ногу, поднялась выше, скользя по коже и покалывая ее иголками. Кхха тихо урчала, прикрыв красные глаза желтой полупрозрачной пленкой.

Еще шаг. Тьма поднялась выше, обвилась вокруг тела, присматриваясь. Еще шаг. Сознание заволокло страхом, паника забилась внутри, моля уйти, покинуть слой тьмы пока не поздно. Вейн глубоко вздохнула и снова шагнула.

В слоях всегда царит тишина, такая глубокая, какой не бывает в реальном мире. Пространство — искаженное, изломанное, без горизонта и перспективы. Башня, которая была всего в десятке шагов, сейчас проглядывалась маленькой точкой вдали и постоянно перемещалась, прыгала по туману, словно детский мячик. Под ногами вязко и клейко, словно манная каша, хлюпала земля. Нормально идти не получалось - Путницу на каждом шагу подбрасывало то вверх, то в сторону. Тело не слушалось, а сознание билось мотыльком, удерживаемое лишь силой Кхха.

Несколько шагов-бросков, и башня вдруг выросла перед Путницей, встала черной стеной. Но в каменной кладке не было ни окон, ни дверей. Вейн тихо выругалась. Кинжалы она давно держала наготове, и озиралась, в любой момент ожидая нападения. Кьяра на ее голове все урчала и признаков надвигающейся угрозы не чувствовала.

Путница провела рукой по стене, надеясь обнаружить скрытое на ощупь, но пальцы чувствовали лишь холод камня и покалывание тьмы. Вязкая каша под ногами уплотнилась, и теперь каждый шаг давался с трудом - ноги проваливались и склеивались. Вся сущность девушки сопротивлялась, вопила и требовала уйти, вернуться. Приходилось сжимать зубы, пытаясь задавить собственный первобытный страх.

— Где же эта дверь! — прошипела она, с трудом волоча ноги вдоль стены и озираясь.

Башня снова отпрыгнула и оказалась за спиной. Зато в ней появилась дверь, правда, на высоте в два человеческих роста. Вейн придирчиво прикинула расстояние, уцепилась за выступ и подтянулась. Камни, твердые на вид, прогнулись под ее телом, словно мягкая перина. Из кладки лезли колкие травинки, впивались в руки, жалили рассерженными осами. Вейн шипела, но лишь быстрее карабкалась вверх, осторожно выбирая неустойчивую опору для рук и ног.

Доползла, уцепилась за оконную раму и рывком перекинула тело внутрь. Хорошо хоть нижние окна без стекол и не заколочены. Выдохнув, Вейн осмотрелась. Она попала в кабинет. Вдоль стен шкафы с книгами, непонятные приборы, исчерченная грифельная доска и широкий стол, на котором разложена карта, занимающая почти всю поверхность. Путница склонилась над картой и нахмурилась. Она узнала символы: Ниарант, заключенный в кольцо ядовитой кровавой реки, чуть дальше Брант, владения Гадюк, одичалые леса, Излом... На севере - Антар, на юге — огненные колодцы Шра...

На столе была карта Темного Мира, вся исчерченная какими-то линиями и знаками, непонятными словами и пометками. Путница, словно замороженная, пыталась их разгадать. Очевидно, что над ней работали долго и вдумчиво, но вот цель и смысл этой работы был Вейн не понятен.

Кхха заворочалась, подняла голову, прислушиваясь. Вейн оторвалась от карты, вспомнив, зачем пробралась сюда. Она спокойно вышла в коридор, зная, что если за дверью кто-то есть, Кьяра предупредит. Но птица снова успокоилась, опустила голову и даже прикрыла глаза. Внизу, кроме обширного кабинета, других помещений не было. Вейн бесшумно взбежала по узкой винтовой лестнице наверх. Здесь располагались жилые комнаты: спальня, гостиная и купальня.

Рассматривать обстановку было некогда, и Путница быстро сняла медальон с шеи, раскрыла его и стряхнула содержимое на простыню. Красные шарики покатались по белой ткани, вытянули длинные, живые, тела, зазмеились. А потом растаяли, словно растворились на полотне.

Вейн удовлетворенно улыбнулась, поправила покрывало и так же быстро вернулась вниз. Внутри башни Тьмы не было, и дверь нашлась без проблем. Путь сквозь слой в обратную сторону прошел легче, возможно, сработало удовлетворение от удачно проделанной работы.

Пройдя Тьму, Вейн ласково погладила Кхха по изогнутому хребту, торчащему шишками вдоль тела, и отпустила.

— Позову, — шепнула она.

Кьяра тяжело взмахнула кожистыми крыльями, сорвалась в неровный полет и скрылась за ключьями серого тумана. А девушка отправилась в замок.

Вечером, во время ужина, явился Ксандр. Удивительно, он не перетек из тумана по своему обыкновению, а просто вошел в дверь и сел напротив. Помолчал, рассматривая эри, невозмутимо доедающую десерт.

— Отличная у тебя кухарка, Призрак, — похвалила она, облизнув ложечку.

— Всегда предпочитал самое лучшее, — любезно отозвался он. — Понравился Антар, Путница?

«Вам понравился Далькотт, лейна Вейн?» — она чуть тряхнула головой, отгоняя непрошеное воспоминание, и улыбнулась.

— Слишком мрачно на мой вкус. Но, как говорится, эри не выбирают, — она сняла перчатку и протянула ему. Усмехнулась:

— Время обеда, Призрак?

Он придвинулся, сжал ее запястье, заглянул в глаза. Медленно улыбнулся и прижался губами. Не к метке Тьмы, а просто поцеловал ладонь. Медленно прошелся губами до

пальчиков, лизнул один. Вейн вздрогнула.

— Что ты делаешь?

— Разве это не очевидно? — вкрадчиво произнес Ксандр и втянул в рот кончик ее мизинца, тронул языком. Вейн нахмурилась.

— Мы так не договаривались, — прошипела она, чувствуя, как помимо воли тело откликается на его ласку.

— Ты против? — он смотрел ей в глаза, улыбаясь, и девушка напряженно размышляла, как ей поступить. Есть ли смысл отталкивать и злить его сейчас? Когда цель так близка? В конце концов, это всего лишь... поцелуи... Или всего лишь близость.

Она промолчала, но руку не убрала. И он все понял правильно. Медленные, нежные поцелуи теперь покрывали кожу на ее запястье, перемещаясь выше. На сгибе локтя, где кожа была особенно нежная и чувствительная, Ксандр провел языком, и Вейн против воли вздохнула, ожидая и желая большего. Но, похоже, он никуда не торопился, дразнил поцелуями, ласкал языком и губами. А потом выпрямился, крепко сжал ее ладонь, и Путницу знакомо кольнуло тьмой.

— Здесь нам будет удобнее, думаю... — сказал он, и девушка с изумлением поняла, что они стоят в спальне, в башне, куда она с таким трудом попала утром! Она старалась не смотреть на кровать, под покрывалом которой притаились смертельные слизи.

Ксандр спокойно прошелся по комнате, плеснул янтарного вина в два бокала, один протянул ей. Вейн взяла, сделала вид, что пригубила, с улыбкой глядя в его глаза. Он наклонился, слизнул капельку с ее губ.

— Разденься, Вейни, — тихо попросил мужчина. Хотя вряд ли он просил... И отошел, сел на покрывало, откинувшись назад и опираясь на локти.

Все так же улыбаясь, Путница медленно стянула оставшуюся перчатку, откинула в сторону. Расстегнула пуговицы на платье. Повела плечом, сбрасывая его. Осталась лишь в коротком корсаже, прикрывающем грудь. Неторопливо распустила волосы, пропуская пряди сквозь пальцы. Она проделывала все это медленно, соблазнительно выгибая спину и глядя ему в глаза. Ксандр смотрел, не отрываясь. Но невозможно было понять выражение его лица, и это слегка нервировало Путницу.

— Дальше, — сказал он.

Она легко наклонилась, сняла сапоги, переступила босыми ногами. Улыбаясь, повернулась спиной, сбросила корсаж. Провела руками по телу, расстегивая узкие брюки. Вывернулась из них, как змея из кожи. На миг замерла посреди комнаты, чтобы в следующее мгновение вздрогнуть, когда он провел пальцем вдоль ее позвоночника, прижался, склонил голову, целуя в шею. Теплые ладони мужчины легли ей на грудь, чуть сжали, лаская нежную кожу. Вейн откинула голову, прогнулась, еще теснее прижимаясь к нему. Желание наполняло тело сладкой истомой, и она едва удержалась, чтобы не вогнать в ладонь иглу.

Путница не помнила, когда до такой степени теряла голову от столь простых ласк. Или дело не в ласках, а в мужчине? Надо скорее заканчивать это...

Она повернулась в его руках и толкнула к кровати.

— О, да ты торопишься, Вейни? — с легкой насмешкой откликнулся Ксандр. Девушка облизнула губы.

— Твои ласки сводят меня с ума, харис, — нежно протянула она.

Ксандр упал на покрывало, прижал к себе обнаженную эри и поцеловал в губы.

— Тогда не будем медлить...

Его руки снова прошли по ее спине и ягодицам, скользнули между ног, и она выгнулась от сладкой дрожи, пронзившей тело. Девушка с наслаждением зарылась

пальцами в его волосы, их языки танцевали свой дикий танец вожделения, пробуя и узнавая друг друга заново. Мысли путались, терялись... Ксандр ласкал все настойчивее, и Вейн уже почти стонала от желания почувствовать его, ощутить глубоко внутри себя...

Он перевернулся, прижал ее к кровати, потянул покрывало. Его губы скользнули по ее ключицам, тронули соски. Вейн повернула голову, взгляд уперся в открывшуюся белизну простыней. И закусила губу. Слизни были прямо под ними, вернее под ней. Стоит им коснуться голой кожи...

Она попыталась отодвинуться, но Ксандр прижал ее сильнее, поднял голову.

— В чем дело, Вейни? — нежно спросил он и чуть толкнул ее, двигая дальше с покрывала. — Тебя что-то беспокоит?

— Нет...

Он улыбнулся и снова толкнул ее. Девушка дернулась, внутренне сжимаясь. Попыталась перевернуться, но он снова не дал ей пошевелиться. И подвинул еще дальше. Теперь Вейн наполовину лежала на простыне, с ужасом осознавая, насколько быстры слизи...

— Ты напряжена, эри, — тихо произнес Ксандр, целуя ей грудь. — Почему?

— Тебе показалось... — она обняла его, выгнулась, чувствуя, как дрожь возбуждения переплетается со страхом.

— Очень хорошо, Вейни.

Он приподнялся, выдернул из-под девушки покрывало и прижал ее к простыням. Нежно поцеловал в губы. Провел руками по телу, всматриваясь в лицо.

— А то я подумал, что это ты подложила мне ядовитых слизней, — лаская ей кожу, протянул Ксандр. — Впрочем, мне они не мешают, а тебе?

Он сжал ей грудь, внимательно глядя в глаза, и девушка выгнулась, но уже не от возбуждения, а от ярости. Она дернулась, пытаясь вырваться.

— Куда же ты, милая? Мы только начали.

— Уже закончили! — прошипела она. — Отпусти! Играй в свои игры с кем-нибудь другим!

— А разве это мои игры, дорогая? — в его глазах мелькнула злость. Он прижал ее руки к кровати, придавил ногой. — Какие еще у тебя сюрпризы, маленькая лгунья? Вот думаю, сразу тебя убить или прежде закончить начатое?

— Ты бредишь, Ксандр, — холодно ответила она. Прохладные простыни казались раскаленной сковородой, на которой она медленно поджаривалась. Каждый миг Путница ожидала смертельного укуса, и лишь усилием воли заставляла себя не дергаться, лежать спокойно. — Мне уже надоели твои постоянные придирки. Вокруг твоей башни слой Тьмы, как бы я попала сюда?

— Вот и мне интересно, — пробормотал он, чуть отклонившись и разглядывая ее тело. Вейн почувствовала, как он напрягся, словно отяжелел, зрачки расширились. Ей почему-то стало страшно. Сейчас он уже не притворялся и не играл. Путница ясно видела злость в его глазах, туго сплавленную с желанием.

Она вырвалась, перевернулась, скатилась с кровати. И попятилась.

— Я хочу уйти, — решительно произнесла Вейн, подхватывая одежду и уверенная, что Ксандр не отпустит. Торопливо натянула брюки и тунику, сапоги, шагнула к двери. Он лежал, подперев голову рукой, и смотрел на нее. Снова Вейн не поняла, что за выражение плескалось в этом взгляде.

Развернувшись, она выскочила из спальни и бросилась вниз по лестнице. Тело ныло от неудовлетворенного желания, а сознание — от злости.

«Все получится... — лихорадочно подумала она, — у меня все получится! Надо

успокоиться и подумать...Она сбежала вниз, рванула входную дверь и отлетела назад, к лестнице, отброшенная Тьмой. Тряхнула головой, вскочила и прижалась к стене спиной. Ксандр, в отличие от Путницы, спускался неспешно, с насмешкой рассматривая девушку.

— Выпусти меня отсюда, — со злостью сказала она.

— Выходи, — улыбнулся он. — Так же, как вошла утром. Покажи мне, как ты это сделала, Вейн.

— Я уже говорила, что не делал этого! И не подходи ко мне!

Он смотрел все с той же насмешкой.

— Почему же? Разве тебе не понравилось то, что я делал наверху? По-моему, тебе было весьма неплохо... Твое тело так хочет продолжения, что я отсюда чувствую запах желаний, Вейни... Зачем ты убегаешь? Если тебе нечего скрывать, то и бояться — нечего. Ведь так, моя сладкая эри?

Ксандр говорил, все приближаясь, и Путница вжалась в стену, чувствуя внутри безотчетный страх. За спиной была Тьма, впереди он, и Вейн знала, что он не отпустит ее, пока не вытряхнет из нее всю правду. Она глубоко вздохнула, опустила ладони, расслабляя тело. Бежать некуда, а правду она сказать не может.

— Не подходи, — тихо повторила она и замахнулась. Мелкие иголки-шпы слетели с пальцев, но опали, наткнувшись на невидимую стену возле Темного. Следом полетели кинжалы, но их полет изменился, минуя тело Ксандра. Он рассмеялся.

— Жженые камни и песок, милая. Попробуй их.

Она швырнула и то, и другое, но средства, действующие всегда и на всех, просто осыпались прахом.

— Может, слезы огня? — он уже откровенно издевался. — У тебя ведь найдется парочка, Вейни? Вон там, на левом бедре? Или яд аршы? Который спрятан в сапогах? Ну же, дорогая, не разочаровывай меня!

Он улыбался, приближаясь к ней, и Вейн закусила губу. И с усмешкой признала, что сильно сглупила, когда позволила ему прикоснуться к себе... Да уж, быстро же он проверил ее арсенал. Но не весь.

Путница чуть отступила и опустила руки. На обнаженной коже, чуть ниже локтей, там, где еще недавно были его губы, вздулись черные вены и зазмеились, вылезая наружу, оплетая руки, стекая на пол густым дегтем.

— Хаашшар...— нараспев сказала Вейн, — хааашшаарр Александр...

Он вскинул голову, в серых глазах мелькнуло удивление.

— Ты забыл, что значит знать истинное имя в этом мире, Ксандр, — так же тихо добавила Вейн, выпуская черных афритов знойного Шра. Они впитали имя, словно пустыня — влагу, обернули вокруг своей сути и бросились на добычу. Знание имени дало им силу, не позволяя Ксандру уйти в слои. Черные духи вихрем окружили его, выпивая силу так, как Темные пьют эри. За мгновения превращая в Одичалого.

Без возможности уйти во тьму или воспользоваться ее силой, Ксандр был полностью беззащитен перед ними. Никто не может противостоять афритам...

Ксандр отшатнулся, завернулся во Тьму, словно в плащ, вскинул руку, на которой блеснул осколок, и Вейн жадно уставилась на его ладонь. Камень Познания...

Осколок вспыхнул и втянул в себя афритов, словно в бездну, и от смертоносных духов остался лишь серый дым, быстро развеявшийся в воздухе.

Ксандр опустил голову, сжал осколок, и тот исчез в глубине его сущности.

— Вот теперь ты меня действительно завела, Вейни, — хрипло сказал он и исчез. А

возник уже перед девушкой, сжал ее так, что стало больно, дернул за волосы, впился в губы болезненным и злым поцелуем. Он целовал и пил ее свет эри, лишая сил и воли к сопротивлению. Подхватил под ягодицы, заставляя девушку обвить его ногами, чтобы удержаться, прижал к стене. От пары глотков внутри нее взорвалось желание, уже тлевшее в теле, и сам Ксандр, кажется, сорвался, потому что целовал так, словно это в последний раз... Он оторвался на миг, посмотрел ей в глаза, и Вейн ощутила то же, что почувствовала тогда, когда стояла у Излома и смотрела вниз. Почему так притягательна Бездна?

— Маленькая лживая паршивка, — с ненавистью сказал он. — Как же я хочу тебя... Невыносимо...

Хочу... Это слово отозвалось внутри нее эхом, и Вейн откинула голову, уже не сопротивляясь его страсти. Горячие губы опустились ниже, на ее шею, язык прошелся вдоль выреза туники, которую она так и не успела толком застегнуть. Сильные руки сжимали девушку, и она знала, что уже не отпустят... И так хотела, чтобы не отпускал. Внутри стало больно.

За его спиной была открытая дверь в кабинет, а там окно. Вейн прикоснулась к его лицу ладонями, разрывая поцелуй, заглянула в серебряные глаза.

— Прости... — прошептала она и поцеловала Ксандра так нежно, как только могла, выигрывая целый миг до того, как он понял...

Кхха, ждущая под потолком, камнем упала сверху и резко ударила Ксандра клювом в основание черепа. Он разжал руки и рухнул, придавив собой девушку. Она рывком перевернулась, встала. Кьяра, уставшая кружить в воздухе, опустилась на плечо хозяйки, потерлась чешуйчатой узкой головой о ее щеку, ожидая привычной благодарности. И не понимая, почему девушка медлит, смотрит с горечью на распростертое внизу тело. Кхха моргнула обиженно, осторожно клюнула хозяйку в плечо, но даже на это Путница не откликнулась, и птица, возмущенно застрекотав, тяжело взлетела.

Вейн отошла, подобрала свои кинжалы и вернулась к Ксандру. Он лежал неудобно, заломив руку, и она с трудом удержалась от глупого желания поправить его ладонь. Путница присела рядом, потянула за волосы, открывая шею. Серые глаза на этот раз закрыты, а стоит провести лезвием, уже не откроются никогда. Дир учил резать сразу двумя руками, с двух сторон, потому что не так-то просто перебить шейные позвонки. Он в этом вопросе всегда предпочитал свой серебристый клинок-плеть, ну а Вейн действовала парными кинжалами.

Она сжала зубы и резко опустила руки. И сдержала удар у самой его шеи, чуть задев кожу, отчего на ней выступила темная густая кровь. Вейн зашипела, уронила кинжалы и села на пол, обхватив колени руками, невидящим взглядом уставившись на полоску крови.

Она не может его убить. Просто не может. Только не его. Кого угодно в этом проклятом мире, но только не Ксандра. Или даже того, кем он стал. И что с этим делать, Вейн не знала.

Кхха тревожно вскрикнула, сделала круг под потолком и опустилась рядом, походила по ковру, склоняя голову, и подволакивая крыло. Путница рассеянно посмотрела на кьяру.

— Придется тебе постараться, милая, — прошептала она. — Сильно постараться. Чтобы пройти семь слоев тьмы...

Она закусила губу. С помощью Кхха она проходила лишь три и то, они обе тогда едва не погибли. Но семь... Это слишком. Если убить того, кто слои наложил, они ослабнут и через некоторое время исчезнут. Но убить Вейн не могла.

Ксандр застонал, и Путница торопливо придвинулась, сорвала со своей шеи стеклянный медальон, раздавила в ладони. Сила впиталась в руку, и Вейн дернула рубашку на груди мужчины, заботливо замотала слова заклятия.

— Ашара сантарра, яви скрытое, обозначь и позволь забрать, Александр...

Легкая улыбка удовлетворения скользнула по ее губам. Все же знание имени очень полезно в Темном Мире. Тусклый осколок проявился на коже мужчины, матово блеснул. Вейн осторожно взяла его рукой в перчатке, убрала в кожаный мешочек на поясе и осмотрелась. Когда-то этот осколок на шее Ксандра наполнял ее душу темнотой и погружал в пучину страха. В темном мире говорят, что так происходит с теми, кто помечен Тьмой, с теми, кого она избрала, и кто однажды придет к ней...

Вместо веревки Путница решила использовать шнур от гардин, содрав его с карниза. Связывала Ксандра крепко, так что шнур впился ему в кожу, и надеясь, что это хоть на какое-то время удержит Темного. Она обсыпала его остатками белого песка, сдерживающего магию, сдернула ковер и на темных досках торопливо начертила символы, все, какие знала, усиливая защиту с десять, в сто раз, и все равно с отчаянием понимая, что это не удержит его...

Но, может, даст ей время уйти. Только бы добраться до Мертвых Земель, а там... Там она что-нибудь придумает. Камень Познания — хороший козырь, с ним можно и поторговаться со Смотрящими.

Вейн махнула кьяре, и та уселась на шею, облепила голову хозяйки кожаными крыльями. Вздохнув, Путница пошла к двери, уже не оглядываясь на оставшегося на полу мужчину.

Далькотт

Первый день весны во всем королевстве празднуют с размахом, и Далькотт — не исключение. Уже накануне во дворе, на брусчатке установили шатры и длинные скамейки, в углах чаны с горящими углями, от которых расходилось тепло, и жаровни для жарки мяса. Из кладовых достали копченые грудинки и вяленую рыбу, сушеные грибы и фрукты, кольца телячьих колбас и соленья. И затянутые паутиной бутылки из темного стекла, на которые с заговорщицкой улыбкой облизывались мужчины.

Люси достала из сундука свое лучшее платье и уже два часа кружилась перед Вейн, в сотый раз спрашивая, стоит ли его надевать. Наряд с тремя пышными юбками разных оттенков зеленого и розового превращал сестру в нераскрывшийся бутон диковинного цветка, и старшая с улыбкой любовалась младшей.

— В таком наряде можно и к королю, — уверила Люсинду Вейн. — Поверь, даже там ты затмила бы всех своей красотой!

— Правда? Ты так думаешь? — Люси просияла и добавила томно: — Интересно, а дер Александр часто бывает на балах, как ты думаешь?

— Не знаю, — пробормотала Вейн и отвернулась к окну, — почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно, — пожала плечами Люси, скидывая с плеч пелерину из черной лисы и накидывая серебристую. — Он такой скрытный, ты не находишь? Ничего не рассказывает, а ведь наверняка при дворе происходит так много интересного!

— Наверное, дер Александр не любит говорить о своей службе, — не оборачиваясь, пробормотала Вейн.

— А он меня на прогулку позвал! — продолжая крутиться перед зеркалом, бросила Люси. Она вытягивала губы трубочкой и щипала щеки, чтобы придать им еще больше румянца. Вейн резко повернулась.

— Ксандр пригласил тебя на прогулку? Когда? — глухо спросила она.

— Вчера. Не знаю, стоит ли идти? Только не проболтайся мистрис Алесс, а то она точно запретит. Или потащится с нами. А что это за прогулка с интересным мужчиной, если в спину дышит вредная наставница? Никакого удовольствия...

Люси нахмурилась и расправила зеленые складки, чтобы юбка лежала идеально. Выставила ножку в кожаном ботиночке и улыбнулась.

— Как ты думаешь, сюда больше подойдет сиреневая шляпка или та, с красными цветами и желтыми лентами?

— И что ты ему ответила? — Вейн сцепила руки, ощутив, что они дрожат.

— Еще ничего. Ты же знаешь, что поклонников нужно помучить, прежде чем соглашаться! — Люси резко повернулась, взметнув ворох юбок. — Хотя, ты никогда не следуешь моим советам! А вот если бы слушалась умную младшую сестру, Леран уже давно ел бы из твоих рук!

— И куда он тебя пригласил? — резко спросила Вейн.

Люсинда посмотрела чуть удивленно.

— Сестричка, только не говори, что мне еще рано общаться с мужчинами наедине! — воскликнула она. — У тебя сейчас лицо, как у мистрис, такое же кислое!

Вейн глубоко вздохнула.

— Люси, тебе и правда не стоит этого делать, — уже спокойно сказала она. — Я поговорю с дером Александром, он не должен куда приглашать тебя одну.

— Вот этого я тебе точно не прощу! — воскликнула Люси. В голубых глазах блеснули слезы. — Неужели так трудно просто порадоваться за меня? Разве я делаю что-то

плохое? Это всего лишь прогулка на склоне! Что предосудительного может случиться? Ты ведешь себя, как ревнивая старуха, Вейнитта!

Вейн снова отвернулась и Люси подбежала сзади, обняла сестру, поцеловала в щеку.

— Вейн, ну не дуйся! Давай, тебе тоже платье выберем? Голубое тебе очень идет, наденешь его на праздник? Вейн, ты меня слушаешь?

— Конечно, Люси, — девушка обернулась и погладила сестру по щеке, тронула ее шляпку, — с лентами будет лучше...

Утром в замок приехали гости: семья из прилегающих земель, друзья Александра, родственники, живущие за озером. К тому же прислужники накрыли столы для жителей долины, и оттуда потянулись желающие послушать приглашенных менестрелей и отведать запеченного кабанчика. Так что в Далькотте стало чрезмерно оживленно и шумно, но это оживление было радостным и, поддавшись общему настроению, девушки тоже вышли во двор, накинув на плечи меховые пелерины.

И ахнули. Весь двор был украшен желтыми светочами, они мягко сияли в наступающих сумерках, освещая брусчатку, накрытые столы и улыбающиеся лица. В толпе Вейн заметила Александра, который смеялся, слушая долговязого усатого мужика. Леран тоже был здесь и, увидев лейн, пошел им навстречу.

— Вейн, Люсинда! А я уже хотел отправить за вами кого-нибудь!

Под навесом заиграла музыка, там расположились певчие и музыканты, и деревенские, уже отведавшие хозяйского вина, бросились туда, на ходу размахивая руками и подпрыгивая в танце.

— Пойдем, посмотрим! — потянула сестру Люси.

Деревенские выстроились кругом, выхватывая из толпы парней и девушек, и хохоча в голос. Задорные звуки музыки манили пуститься в пляс, ноги самой собой отбивали ритм, а губы начинали улыбаться.

— Хочу танцевать! — воскликнула Люси.

— Лейна Люсинда, ведите себя благоразумно! — отдернула ее подошедшая мистрис Алесс, но привычной строгости в ее голосе не было, наставница тоже не устояла перед всеобщим весельем.

— Отведайте угощения! — потянул их к столу Леран.

Кабанчик, приготовленный на углях, оказался великолепным, как и закуски. Пока мистрис Алесс разговаривала с гостями, Люси под столом протянула Вейн кубок.

— Ты с ума сошла? — прошипела та.

— Не будь занудой, — ответила Люсинда, — пей, пока наша мышь отвернулась.

Вейн хмыкнула. За любовь наставницы к серым платьям сестра еще в детстве прозвала ее мышью. Девушка торопливо оглянулась и осторожно поднесла кубок к губам. Резкий запах хмеля ударил в нос. Она сделала несколько глотков. Вино было терпким и сладким от меда, вкусным и казалось совсем легким.

Лейна отпила снова и с удивлением посмотрела в опустевший кубок.

— Мне оставь, — прошипела Люси. — Надо дождаться, когда мистрис устанет и спать пойдет, тогда и потанцевать можно будет!

— Так она нас раньше в кровать отправит, — улыбнулась Вейн, с удивлением прислушиваясь к своим ощущениям. Ей стало совсем тепло, голова сладко кружилось и хотелось чего-то неизведанного и чудесного... и танцевать тоже!

— А мы сбежим! — хихикнула Люси и снова незаметно отхлебнула из кубка, — ууу... смотри, как они здорово прыгают! Я тоже так хочу! И почему нам нельзя веселиться, как остальным!

Вейн посмотрел на круг деревенских. Там веселье уже шло полным ходом, высокий, рыжий парень кружил юную девушку, и та хохотала. Большинство отплясывали хороводом, взявшись за руки и совершая прыжки и подскоки в такт музыки, несколько девушек кружилось в центре, и яркие ленты в их волосах мелькали разноцветными всполохами.

Сестры с легкой завистью наблюдали за их весельем.

«Нормы, правила, ярлыки сильно осложняют нашу жизнь, правда, Вейн?» — вспомнила она и повернула голову. И сразу наткнулась на взгляд Александра, словно он все это время смотрел на нее.

Или мужчина смотрел на Люсинду?

Утренний разговор с сестрой отозвался внутри глухой злостью, и Вейн нахмурилась. О, мудрые виры, неужели она... ревнует?

Девушка поспешно отвернулась, а потом и вовсе ушла к Лерану и долго слушала престарелого дера из соседних земель, который нудно и монотонно желал им с нареченным долгой и счастливой жизни.

Когда Вейн все-таки обернулась, не выдержав, Александра под навесом уже не было. Так же, как и Люси.

— Леран, ты не видел, куда ушла моя сестра? — невежливо перебила старичка Вейн.

— Кажется, Ксандр повел гостей в розарий, — чуть удивленно ответил нареченный. — И лейна Люсинда отправилась с ними.

— ...вот помню я в дни моей молодости, было принято не запекать лося, а лишь чуть прожаривать сверху, чтобы внутри сочилась сырая кровь... И каждый должен был отведать кусочек, чтобы год был удачным...

Вейн еще постояла, с трудом удерживая на лице вежливую улыбку и не раз пожалев о том, что подошла. Гастрономические воспоминания старого дера грозили затянуться надолго. От выпитого вина кружилась голова.

— Вейн, ты хорошо себя чувствуешь? Ты побледнела, — забеспокоился Леран, и девушка взглянула на него с благодарностью.

— Простите, воздух слишком сырой... Я, пожалуй, вернусь в замок.

Она кивнула разочарованному старичку и поспешно сбежала, с легким стыдом подумав, что оставила бедного Лерана в одиночестве. Зимний сад встретил Вейн тишиной и теплым воздухом, она прошла между кадками с апельсиновыми деревьями, тронула клетку с маленькими ярко — желтыми птичками. Леран рассказывал, что их привезли с юга, почти из пустыни, и удивительно, что они настолько хорошо прижились в Далькоте. Обычно в зимнем саду всегда можно было встретить садовника, который ухаживал за растениями, но сегодня и он был на празднике.

Девушка дошла до розария и заглянула внутрь. Красные цветы горделиво покачивались на тонких стеблях, когда лейна проходила мимо, словно здоровались. Здесь тоже никого не было, и она повернулась, чтобы уйти. И застыла. На дорожке стоял Александр и смотрел на нее. Просто смотрел, но от этого взгляда Вейн стало жарко и щеки отчаянно покраснели.

— Дер Александр, я искала Люси... — неуверенно сказала она.

Он сделал к ней несколько стремительных шагов и замер, глядя девушке в глаза. И смотрел он как-то... жадно. Словно хотел взглядом прикоснуться к ее ресницам, щекам, губам...

— Лейна Вейн, — глухо сказал он, — я уже говорил вам, что вы просто непозволительно красивы?

— Нет... — пролепетала она, не в силах отвести взгляд.

— Так вот, — с какой-то странной злостью повторил он, — вы красивы. Очень. Вы словно ожившая мечта, Вейн. Моя мечта... Что мне с этим делать, вы не знаете?

Он чуть склонил голову, словно действительно ждал от нее ответа.

Смысл сказанного дошел до девушки, и она чуть испуганно прижала ладонь к губам.

— Дер Александр, прекратите, прошу вас... Вы не должны так говорить.

— Не должен, — он вздохнул, все так же глядя на нее, — а еще я не должен так смотреть на вас. Думать. И видеть во сне... каждую ночь...

— Все, я уйду! — Вейн решительно шагнула вперед, — пропустите!

Он медленно посторонился, и девушка придержала юбку, чтобы пройти. Сердце колотилось, словно сумасшедшее, голова кружилась и, кажется, уже не от вина. Она прошла мимо него, чуть задев на узкой дорожке. Теплая ладонь легла на ее запястье.

— Не уходи... — тихо сказал Александр.

Вейн застыла, невидящим взглядом глядя на розы. Мужчина не шевелился, только держал ее за руку, стоя позади. И все чувства девушки словно стянулись в одну точку, туда, где лежали, обжигая, его пальцы.

— Мне нужно... идти... — с трудом выдавила Вейн, не очень понимая, куда и зачем. Но зная точно, что оставаться в этом теплом помещении, наполненным ароматом роз, с этим мужчиной за спиной нельзя. Иначе случится что-то непоправимое.

Он разжал пальцы, отпуская ее. Не оборачиваясь, Вейн торопливо пошла к выходу, насторожено прислушиваясь к тишине за спиной и считая шаги. До двери их было всего девять, девять шагов, которые, оказывается, очень сложно пройти.

Раз, два.

Три, четыре. Как же сладко пахнут розы...

Пять, шесть.

До безумия хочется обернуться.

Семь.

Оборачиваться нельзя. А почему, вспомнить трудно. И сердце стучит так громко, что не слышно мыслей...

Восемь...

Он догнал ее на восьмом шаге, развернул к себе. Круглая меховая шапочка слетела с головы девушки, и Александр обхватил ее затылок ладонью, а второй рукой крепко прижал к себе.

— Вейни...

Один вдох, один взгляд, и он впился в ее губы горячим, лихорадочным поцелуем. Вейн хотела что-то сказать, но не успела, его язык уже ласкал ее, облизывал, пробегал по зубкам и губам. Нежности не было, была страсть и необузданное желание, которые чувствовались в его движениях, в силе, с которой он держал девушку, в его губах, что будили внутри нее что-то первобытное и мощное, неукротимую силу притяжения.

Он пах ветром, снегом и хмелем, его ладони гладила девушке спину, потом очертили контур ее тела, и каждое прикосновение обжигало огнем, опьяняло. Вейн откинула голову и закрыла глаза. Где-то в глубине сознания мелькнула тревожная мысль, что она не должна позволять ему это: трогать ее, целовать, скользить губами по лицу, потом шее в вырезе голубого платья, трогать языком нежную впадинку возле ключицы и снова возвращаться к ее губам, чтобы продолжить безумный, хмельной поцелуй. Ее голова кружилась, и совсем не хотелось останавливаться, хотелось продолжать... В меховой накидке стало нестерпимо жарко, внутри, словно цунами, поднималась горячая волна

истомы и возбуждения, и она сама не заметила, в какой момент обвила руками его шею, просто чтобы не упасть.

Или чтобы притянуть его еще ближе? Слиться воедино?

Останавливаться Вейн не хотела...

Он остановился сам, чуть отодвинулся, уперся руками в стену с двух сторон от нее и голову опустил, так что Вейн не видела его глаз. Ксандр молчал, и девушка вдруг совершенно отчетливо осознала, что именно сейчас произошло.

Вот, Тьма, да она же не только позволила ему целовать, но и сама висела на нем, прижимаясь всем телом, и дышала так же тяжело и протяжно, как и он! Позор какой...

— Вейни...

— Не называй меня так, — глухо сказала она, пытаясь вырваться из кольца его рук. Он вздохнул и прижал лейну к себе, одной рукой обхватив поперек тела, а второй приподнял ее подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Расставляя капканы, главное не попасться самому... — усмехнувшись, тихо сказал он. И провел большим пальцем по ее губам. Вейн дернулась, снова пытаясь вырваться.

— Отпусти меня! Не то я...

— Ударишь? — в серых глазах горело желание и еще... злость. Вейн не поняла, отчего он злится, но ей стало не по себе. Александр все так же прижимал ее к себе, не позволяя вырваться и уйти. — Я... даже не буду говорить, что сожалею, — продолжил он. — Ни о чем не сожалею, хочу продолжить и целовать тебя без остановки.

— Но так нельзя... Зачем ты это делаешь? Леран... Он ведь твой брат!

Вейн беспомощно прижала ладонь к губам, не зная, как реагировать и что делать. Ударить — глупо. Особенно после того, как сама столь красноречиво и откровенно отвечала на его поцелуи. У нее, наверное, все губы распухли от этих поцелуев!

Ее щеки отчаянно покраснели. Ксандр же, напротив, побледнел, зрачок в серых глазах расширился, сделав их темными.

— Да, брат, — глухо повторил Ксандр и разжал руки, отпуская ее.

Она постояла, ожидая, что он еще что-то скажет, но Александр молчал, и, резко развернувшись, Вейн выбежала из розария, ожидая, что он снова ее остановит. Но дверь с тихим стуком захлопнулась за ее спиной, а дер остался внутри.

Где-то в коридоре звучал веселый голос Люси и Лерана, смеялась тетушка Рута, и доносились звуки музыки и песен. Вейн показалось, что в оранжереи она провела несколько часов, а на самом деле, всего десяток минут.

Она метнулась за угол, в сторону от голосов, не желая никого видеть сейчас. Щеки пылали, ей хотелось на воздух, и девушка пробежала по коридору, выскользнула в боковую дверь. Веселье осталось в стороне, там, на освещенном светильниками и жаровнями пространстве, всю пражновали и развлекались, и на одинокую фигуру лейны никто внимания не обратил.

Девушка тихо обошла замок и прошла на конюшню, отвязала одну из кобылок, вывела из стойла. Седлать лошадей она умела с детства, так же, как и ездить верхом, так что и сейчас справилась за считанные минуты. Шапочка так и осталась лежать среди роз, но Вейн не чувствовала холода. Конюх, который должен был приглядывать за своей вотчиной, вместе с деревенскими отплясывал на празднике и поедал мясо, так что девушка незамеченной прошла до ворот и ступила.

Она качнула головой. Музыка так гремела, и веселившиеся люди так громко хлопали, топали и хохотали, что можно было даже не таиться, никому не было дела до лейны. Только хмурый стражник у ворот окинул ее взглядом, но узнав нареченную хозяина, лишь почтительно кивнул, пропуская.

Вейн тронула поводья, пуская лошадь рысью. На горы уже опустилась ночь, и чуть отъехав от замка, лейна окуналась во тьму, словно в черную воду. Только засыпанные снегом склоны белели под светом синих звезд и луны, да слабо светились вдали сигнальные огни Перевала.

Горечь подкатила к горлу, и девушка тяжело задышала. В голове был хаос, она не знала, что думать, не могла понять, что чувствует. Сцена в оранжерее так и стояла перед глазами, обжигая запоздалым стыдом и, увы, возбуждением. Она не знала, почему так реагирует на этого мужчину, почему тает от его прикосновений, не может и не хочет сопротивляться... Как злиться на него и ненавидеть, если она сама хотела этих поцелуев?

Погрузившись в свои мысли, лейна не заметила, как пустила кобылку уже в галоп, ударяя по бокам и с наслаждением подставляя разгоряченное лицо холодным порывам воздуха. Как ей не хватало этого! Бешеной скачки сквозь ветер, без мыслей, без обязательств, уносится прочь от всего и всех! Свобода...

Сердце забилося радостно, кровь забурилась, и девушка пригнулась к шее лошади, наслаждаясь скоростью. Темные скалы проносились мимо, остро пахло сосновой смолой и снегом. Александр, он тоже пах снегом...

Еще один удар каблуками и кобылка уже почти летит над землей, чуть тронутый ледком.

Белоснежный зверь мягко прыгнул на дорогу и замер, оскалившись, не спуская желтых глаз с приближающейся всадницы. Кобыла под лейной дернулась, резко затормозила и встала на дыбы, оглашая округу ржанием. Только годы тренировки позволили Вейн не вылететь из седла, но вот удержать перепуганную лошадь сил не хватило. Кобыла рванула в сторону от дорожки, не слушаясь поводьев и гневных окриков, она неслась, не разбирая дороги, гонимая страхом и запахом дикого снежного барса.

— Стой!!! Тпру!!!! Остановись!!! — кричала Вейн, сиюминутно остановив лошадь и изо всех сил натягивая поводья.

Замок остался далеко позади, и сейчас лейна даже не знала, где именно. Вокруг, насколько хватало взгляда, расстилалось белое поле, окаймленное черной кромкой леса. Кобылка замедлилась, успокаиваясь, и только Вейн вздохнула с облегчением, как передние копыта лошади провалились под лед. И с ужасом девушка поняла, что под ними не поле, а озеро... А последние дни стояли совсем теплыми, солнечными, и лед на озерах уже пошел трещинами...

— Тихо, милая, тихо, — забормотала она, успокаивающе поглаживая лошадку. Кобыла нервно перебирала ногами, чувствуя неустойчивый лед. Сухой треск ломающейся ледяной корки отзывался внутри громом. — Вот так, еще шагочек, не бойся... Сейчас мы отсюда выберемся...

Узкий зигзаг прорезал белый пласт, и кобыла наполовину ушла под воду. Вейн вскрикнула, когда ледяная вода обожгла тело. меховая пелерина миг промокла и повисла на плечах, словно каменная, так что лейна дернула ленты, сбросила плащ. Тяжелый бархат платья тянул под воду, и Вейн стиснула зубы, не позволяя себе паниковать. Лошадь била копытами, кроша и без того хрупкий лед, и он отламывался кусками, проваливался в черный ледяной омут.

Девушка крепко держалась за луку седла, плашмя прижавшись к лошади и понимая, что сама точно не выберется.

— Ну давай, миленька, давай.. моя хорошая... Еще немножко...

Лед трещал, и Вейн промокла почти полностью, только грудь, голова и плечи все еще не окунулись в воду. Кобыла хрипела, но раз за разом пыталась выбраться, и в какой-то момент рванула изо всех сил, вынося себя и всадницу на толстый лед. Черная вода потоком хлынула с них на снег, но Вейн уже не смотрела вниз, она сжала руками горячую шею лошади и чуть тронула пятками ее бока.

После купания в ледяном озере проблема найти замок казалась ничтожной.

Однако уже через десять минут это не казалось ей мелочью. Юбка встала колом, облепила ноги ледяной коркой. В высокие ботинки тоже попала вода, и девушка чувствовала, как заковались лодыжки. От холода ее трясло, зубы выбивали дробь, и даже язык, кажется, замерз, занемел. Она покричала, надеясь, что хоть кто-нибудь ее услышит, но по округе разнеслось только эхо. Некстати вспомнился барс, спрыгнувший на дорожку. Сколько в этих горах хищников? Много...

Лошадь фыркала, мокрая шерсть остро и тяжело пахла, но Вейн лежала на ней и радовалась теплу животного, без которого уже точно замерзла бы. Куда ехать она не знала, и решила довериться кобылке, зная, что лошадка, скорее всего, сама найдет дорогу на свою конюшню. Лейна распласталась на крупе, пытаясь хоть немного согреться. Они шли и шли, а потом ее кобылка дернула головой и остановилась, и Вейн удивленно вскинулась. И разочарованно застонала. Потому что рядом не было замка, а лишь темнели сосны, и сияли равнодушные звезды.

— Глупая, куда же ты нас завезла, — пробормотала девушка, оглядываясь.

За деревьями был темный провал, и, присмотревшись, Вейн дернула поводья. Ей не показалось, у сосен стояла сторожка лесника. Обрадовавшись, лейна похлопала лошадь по шее, благодаря ее. И сползла на землю, на подгибающихся ногах пошла к домику, обхватив себя руками в бесплотной попытке согреться.

К ее разочарованию, сторожка оказалась пустой, но хотя бы — открытой. Она знала, что такие лачуги никогда не запирают на случай заплутавших путников, ищущих кров и защиту от хищников. Брать здесь было нечего, кроме старой лежанки, укрытой лоскутным одеялом, да прибитой к стене доски, служащей лавкой. Здесь даже не было очага, а если бы и был, разжечь его все равно Вейн не смогла бы. Да и нечем.

Свет луны с трудом пробивался сквозь малюсенькое мутное окошко под потолком, и его едва хватило, чтобы рассмотреть скудную обстановку.

Вейн забралась на лежанку, укуталась в пахнущее плесенью одеяло и закрыла глаза.

Пробуждение было неприятным. Кто-то злой и жестокий теребил ее, вырывал из сладкого сна, срывал одежду...

Вейн открыла глаза и ахнула. На полу горел масляный светильник, освещая лачугу мягким желтым светом. Перед лежанкой на коленях стоял Александр и просто сдирал с нее платье, так что ткань трещала и рассыпалась на лоскуты. Она даже не успела опомниться или обрадоваться, что ее нашли, как тут же возмущенно засопела.

— Что ты делаешь? Как ты здесь оказался?

Он поднял голову, и Вейн отшатнулась, испугавшись ярости, что искажала его лицо.

— Убил бы... — прошипел он. — Идиотка безмозглая! Ты зачем полезла в горы, ночью? Не зная местности? — он говорил отрывисто, зло, а руки его, не останавливаясь, вертели девушку, освобождая от мокрой одежды. — Ты хоть понимаешь, что я подумал, когда нашел лошадь на тропе, мокрую и без всадницы?!

Он резко дернул за ворот, не утруждаясь расстегиванием пуговиц. Лиф платья треснул, не выдержав натиска. Юбку он стянул одним движением, быстро расшнуровал ботинки и откинул прочь. Вейн даже не сопротивлялась, понимая, что он во всем прав. Она действительно сделала большую глупость, что уж тут говорить. Но зачем он ее раздевает?

Вейн попыталась подтянуть колени к груди, чувствуя, что краснеет.

— Ты меня искал? Зачем? — пробормотала она.

Он сверкнул глазами.

— Лучше молчи, — процедил сквозь зубы.

И рывком стянул с нее нижнюю юбку. Вейн вскрикнула и ужом поползла под одеяло, пытаясь спрятаться, укрыться. Ксандр поморщился, поймал ее за лодыжку и вытащил обратно.

— Вейн! Мокрую одежду надо снять, понимаешь? Немедленно! Прекрати сопротивляться! Тебя нужно согреть. Я не хочу, чтобы к утру ты свалилась с лихорадкой!

Она все так же молча пыталась укрыться под одеялом. Ее трясло, и она уже не знала, отчего больше: от холода или осознания происходящего. Но мужчина, кажется, был настроен решительно и не церемонился. Он стянул с нее остатки сорочки, уложил, накрыл своим меховым плащом и присел рядом. Вытащил из-под вороха покрывал ее ноги и принялся растирать, греть дыханием, массировать. Его сильные руки беспощадно мяти ее ступни, каждый палец, узкие лодыжки, икры, прошлись по бедрам. Вейн зашипела, как рассерженная кошка, но Ксандр даже не бровью не повел. Закончив растирания, укутал ее плащом.

— Руки, — скомандовал он.

Девушка, вздохнув, оголила руки. И снова растирания, поглаживания, сильные горячие прикосновения.

Он не смотрел ей в лицо, сосредоточившись на своих действиях.

— Я уже согрелась, — пискнула Вейн. — Правда...

Он проник под одеяло, коснулся ее кожи на животе и нахмурился. Выругался сквозь зубы.

— Сколько ты пробыла в воде? — резко спросил Ксандр.

— Не знаю... Мне показалось, что очень долго, но на самом деле минут десять... как ты меня нашел?

— По следам, — он продолжал растирать ей тело. Горячие руки осторожно мяти ей живот, коснулись груди. — Перевернись, — спокойно велел он.

Девушка перевернулась, стараясь не думать о том, что происходит. Она понимала, что Александр пытается сделать все, чтобы согреть ее. Последствия переохлаждения могли оказаться плачевными. Она убеждала себя, что его действия - не более чем лечебные процедуры. Теперь он массировал ей спину. Пальцы прошли вдоль позвоночника, мягко нажимая на него. Коснулись ямочек у ягодиц, равномерно массируя кожу, и переместились на бедра, сжали их.

Вейн лежала, уткнувшись лицом в пыльный тюфяк, и старалась не думать. Ее все еще трясло от холода и пережитого страха. Внутри поселилась стужа, и неудержимо тянуло закрыть глаза, провалиться в сон.

— Вейни, не спи! — он встряхнул ее, с беспокойством заглянул в глаза, пытаясь рассмотреть там признаки надвигающейся болезни.

Ксандр раздумывал, как довести девушку до замка. Ночью снова похолодало, и сажать ее сейчас на лошадь было бы глупостью. В своей дикой скачке лейна успела отъехать на несколько лье. Счастье, что кобыла вышла на тропу, и снег не успел замести следы. Ксандр вздохнул, рассматривая лицо Вейн. Тело и сознание девушки, измученное пережитым испытанием, проваливалось в спасительный сон. Он решил, что ее сейчас лучше не будить. И сделать все, чтобы она согрелась.

Он торопливо снял сюртук и кинул его поверх плаща. Лег рядом с Вейн и одним движением прижал ее к своему горячему телу.

Вейн дернулась, забилась, но тут же успокоилась, почувствовав, как блаженно обволакивает ее тепло мужского тела. Потребность согреться была столь сильной, что лейна наплевала на все нормы и правила. Протянула руки, обнимая его.

— Под рубашку, — тихо велел он. — Засунь руки мне под рубашку.

Она потянула край ткани, вытаскивая рубашку из-за пояса брюк, и положила ледяные ладони на его грудь. А потом прижалась всем телом, чуть не замурчав от удовольствия. Александр заметно напрягся от ее действий, но тут же расслабился и сам притянул ее ближе.

— Утром я съезжу в замок за теплой одеждой для тебя, — порадовал он. — Сейчас самое важное, чтобы ты согрелась, Вейни... Я не хочу тебя потерять...

Она хотела спросить, что он имеет в виду, но не стала. Говорить было невыносимо лень, и она просто затихла, прижимаясь к нему и чувствуя, как медленно, очень медленно отогревается замерзшее тело.

Спасительное тепло окутало Вейн, и она закрыла глаза.

Фитилек лампы слабо освещал лачугу. За стенами выл ветер и скрипели сосны. А рядом лежал Ксандр, его руки крепко прижимали к себе девушку. И ей было удивительно приятно лежать вот так, в кольце его рук, и даже совесть ее сейчас не мучила. Стыдливую мысль, что это ужасающий позор, и Леран, если узнает, ни за что с ней не обрuchится, лейна отбросила, как ненужный хлам.

Словно услышав, о чем она думает, Александр тихо усмехнулся.

— Кажется, после сегодняшней ночи, мне нужно взять тебя в жены, — чуть хрипло сказал он.

— Чтобы спасти мое доброе имя? — Вейн подняла голову, желая видеть его глаза.

— И это тоже, — пробормотал он. Она пошевелилась, устраиваясь удобнее, и Ксандр шумно вздохнул. Его тело снова напряглось, и он сжал зубы. Мягко провел ладонью по ее спине, вдоль позвоночника.

— Ты вся дрожишь, — обеспокоенно сказал он, внимательно вглядываясь в светлую зелень ее глаз. — Вот тьма!

Александр снова провел руками по ее спине, с тревогой ощущая дрожь ее стройного тела. Кожа девушки все еще была холодной, хоть она и лежала под меховым плащом, прижатая к мужскому телу.

— А ты такой горячий, — задумчиво протянула она, и он снова напрягся. Вейн с легким удивлением провела ладонью по его груди, пальцами пробежала по гладкой коже.

— Вейни, что ты делаешь?

Она и сама не знала, что делает. Просто ощущала внутри эту настойчивую потребность прикоснуться к нему. В голове не было ни единой здоровой мысли, чтобы не делать этого. Казалось, мир исчез, его просто не стало, он провалился в дыру мироздания, и остались только эта лачуга из темных бревен, пахнущих смолой, тусклый огонек чадающей лампы и этот мужчина. Серебро его глаз, горячее тело и напряженные пальцы, застывшие на ее спине.

— Поцелуй меня, — тихо попросила она.

Он не двигался, напряженно всматриваясь в ее глаза, и Вейн смешалась. Виры, что она творит? Голова, словно хмельная. Или безумная? То убегает от него, как помешанная, то сама просит поцеловать...

— Нет, — чуть хрипло отозвался он.

— Не хочешь?

Он усмехнулся.

— Просто в отличие от маленькой наивной лейны понимаю, к чему приведет этот... поцелуй.

— К чему? — спросила Вейн, продолжая водить пальчиком по его коже.

— К тому, что твоя брачная ночь произойдет прямо сейчас, — выдохнул Ксандр.

Его руки скользнули со спины ниже, на ее поясницу, пальцы чуть прикоснулись к ягодицам. Он внимательно смотрел в ее глаза, ожидая, когда взгляд Вейн изменится, станет холодным и колючим, как тогда, в оранжерее. Желая этого взгляда, чтобы остановиться, не делать того, чего он так безумно хотел. Но она лишь смотрела снизу-вверх, чуть приоткрыв губы и вздрагивая от его легких прикосновений.

Желание уже стучало кровью в голове, сжимало горло так, что трудно становилось дышать. Ему было больно от близости ее тела, от ощущения нежной кожи, от запаха волос. Ксандр чуть отодвинулся и провел пальцем по ее щеке, задев губы. Теперь они дрожали оба, сжигаемые пожаром безумного притяжения.

— Останови меня, Вейни... — прошептал он. — Скажи, чтобы я прекратил, и я слушаюсь...

Она чуть откинула голову. Разве можно остановить вихрь? Или запретить прибор? Или замедлить бесконечное движение светила?

Вейн вздохнула, а потом обвила его шею руками и неумело прижалась к нему в поцелуе. Еще целый миг он боролся, с ней, с собой, а потом рывком перевернул ее на спину, придавил к лежанке. Накрыл ее губы, раскрывая их, лаская языком, терзая рот неудержимым поцелуем. Он едва сдерживался, чтобы не набросится на нее, словно зверь на добычу.

Александр прошелся губами по ее шее, спустился ниже, вылизывая ямочку у горла, еще ниже... Его ладони гладили и ласкали ее тело, нарочно медленно, потому что он боялся сделать резкое движение и сорваться в бездну страсти, где исчезает разум. Но все равно срывался, лишь усилием воли удерживаясь на краю.

Он провел пальцев вокруг соска и сжал ей грудь. Пальцы сменили губы. Вейн выгнулась, ощутив это влажное прикосновение, и вскрикнула, когда он чуть прикусил ей кожу. Руки мужчины гладили и дразнили, рисовали на ее коже горячие узоры, будили в ней что-то дикое и неизведанное. Внутри все ныло, требовало разрядки и наслаждения, которого она еще не знала, но понимала первобытным женским инстинктом.

Она снова вскрикнула, когда почувствовала его пальцы между ног, безотчетно отстранилась, сжалась.

— Не бойся, — прошептал он, нежно пробежал пальцами по коже бедра, снова пробуждая ее чувственность.

И стал целовать ее, дразня языком, нежно посасывая, облизывая. Медленно поглаживал ей бедра, изо всех сил сдерживая себя. Он боялся прижать к тюфяку нежную лейну, впиться в ее губы с силой, вбиться сразу, сделать то, чего требовало его тело. И в то же время, он наслаждался этой мучительно медленной игрой, исследованием и приручением ее, заставляя не бояться, а открываться ему навстречу.

Или это она играла и приручала его?

Вейн стянула с Александра рубашку, отвечая на поцелуй. Опустила голову и поцеловала его грудь. Повторила то, что он делал с ней, с удовольствием ощущая, как сильно бьется его сердце, как тяжело он дышит, сквозь зубы втягивает воздух.

Он отстранился лишь на миг, чтобы скинуть сапоги и брюки. И в следующий миг уже снова прижал ее к себе. И Вейн задохнулась, ощутив то, что упиралось теперь ей в живот. Его поцелуи становились все проникновеннее, неистовее. Ласки пугали откровенностью. Он снова коснулся между ее ног, и стал гладить, трогать, скользить пальцами, уверенно и жадно. Вейн выгнулась под его умелыми руками, застонала, с изумлением ощущая внутри себя жаркую и мучительную волну, которая словно прибор все нарастала от его бесстыдных ласк, от губ, посасывающих соски, от горячего сильного тела, вжимающего ее в лежанку.

— Ксандр... прошу тебя... — она не понимала, о чем просит и чего хочет от него. Зато он точно знал и давал ей это, наслаждаясь пробуждением ее чувственности, вздымающейся грудью и стонами наслаждения. Радость переполняла его, видя, как Вейн ощущает

первое в своей жизни чувственное удовлетворение. И этот стон, эти полускрытые губы все же заставили его сорваться в бездну. Александр развел ей колени и вошел в нежное лоно девушки с хрипом, переходящим в рык.

Резкая боль заставила ее выгнуться и забиться в его руках. Он замер, сжал зубы, сдерживая свое безудержное желание двигаться, двигаться, двигаться в ней... Толкнулся мягко, слизывая ее слезы, шепча что-то непонятное, нежное, завораживающее...

— Вейни... моя Вейни...

Боль прошла, схлынула. Она распахнула глаза, всматриваясь в его напряженное лицо, в глаза, в которых сейчас отражалась ее боль. Нутром понимая, что ему нужно, Вейн подалась вперед, выгнулась и закинула ноги ему на спину. И Ксандр задвигался, все ускоряясь, уже не в силах сдерживаться. Снова и снова входя в ее тело, прикусывая ей кожу, целуя губы, уже не скрывая стоны наслаждения, теряя голову от мощного удовольствия обладания ею.

И с силой прижал ее, впечатал в свое тело на последнем рывке, выдохнул ей в губы. Вейн ощутила, как он содрогнулся, выплескиваясь внутри нее.

А потом просто перевернулся на спину, не выпуская ее из объятий.

Вейн молчала. Ксандр вдруг засмеялся удовлетворенно, провел ладонью по ее спине.

— Вот теперь ты точно согрелась.

Девушка вскинула голову, подозрительно всматриваясь в его глаза, и он снова рассмеялся. Нежно прижал ее, чтобы не дергалась.

— Тихо, Вейни. Не злись, я пошутил, — и тут же стал серьезным. — Тебе больно? Шантар... Первый раз все должно было быть не так...

Она чуть смущенно улыбнулась.

— Мне уже не больно. И ты прав, теперь я точно согрелась. Но мне ужасно... мокро.

Он хмыкнул и легко встал, подхватил свою рубашку.

— Лежи, я сейчас.

Натянул сапоги и совершенно спокойно, обнаженным вышел из сторожки. Вейн торопливо провела рукой по бедрам и поморщилась от вида крови. Ксандр вернулся с походным бурдюком, такой обычно приторачивают к седлу. Без эмоций оторвал от своей рубашки рукав, намочил и подошел к лежанке.

— Я сама, — окончательно смутилась девушка.

— Позволь мне, — он улыбнулся, нежно протер ей кожу, вытер насухо остатками рубашки. А потом вдруг прижался лицом к ее животу и стал целовать, легко касаясь языком кожи, обрисовывая контур пупка...

Вейн, не сдержалась, расхохоталась, потому что было ужасно щекотно, да еще и сам вид всегда безупречно одетого и надменного Александра в одних сапогах и с голым задом почему-то сейчас казался ей ужасно забавным. Или это просто разливалась внутри эйфория от счастья, безудержного и неконтролируемого.

— Ах так? Смешно, значит?

— Щекотно... — Вейн попыталась вырваться, но он еще крепче сжал ее бедра.

— Смешно ей... — с угрозой повторил он и переместился чуть ниже, дотронулся языком до чувствительной точки между ее ног. И стал ударять по ней кончиком языка, а потом лизать то сильнее, то почти неуловимо.

— Ах-х-х... — протяжный вздох вырвался из ее горла, и смех замер на губах, сменившись стоном удовольствия.

А он все продолжал и продолжал свою сладкую пытку, поднимая Вейн на вершину удовольствия и наслаждения.

— Вейни, — нежные губы прочертили теплую дорожку от щеки до ключицы, язык пощекотал кожу. — Просыпайся.

Она потянулась, ощущая в теле сладкую боль, открыла глаза. Ксандр сидел на кровати и улыбался.

— Я уснула? — удивлено пробормотала девушка и села, прижимая к себе плащ. Он осторожно убрал прядь волос с ее щеки, и это легкое касание отозвалось дрожью внутри обоих.

— Я привез тебе одежду, — с улыбкой сказал он.

— Ты уезжал? Я не заметила, — Вейн смущенно отвернулась. Смотреть в его глаза было и притягательно, и стыдно. Сразу возвращались воспоминания об этой ночи и о том, что он с ней делал...

Но отвернуться Ксандр не позволил, обхватил ее лицо ладонями, внимательно глядя в глаза. А потом поцеловал, прижимая к себе уверенным жестом собственника, не позволяя вырваться или отстраниться. Впрочем, Вейн и не пыталась, наслаждаясь его силой и страстью.

Когда он ее все же отпустил, девушка поняла, что плащ сполз на колени, и Ксандр смотрит на ее грудь. Дотронулся пальцем до красного следа на белой коже, виновато улыбнулся.

— Прости... Не сдержался.

— Мне не больно.

Он поцеловал ее ладони, не отрывая взгляда от лица.

— Нам надо возвращаться. Не поверишь, но на празднике вчера все так... разгулялись, что даже не заметили нашего отсутствия. Люси перепутала вино с ягодным морсом, и ей всю ночь было плохо, так что мистрис Алесс было чем заняться. Но все же, нам не стоит задерживаться здесь. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — Вейн снова смутилась. Сейчас она старалась не думать о том, как вернется в замок и будет смотреть в глаза Лерану, Люси, наставнице... Теперь, когда все так изменилось, и она пала столь низко. Впрочем, раскаяния она не чувствовала, да и стыда тоже. Было только томление, легкая ломота в теле и ощущение чего-то... правильного.

— Вейн, не бойся, — повторил Александр. — Я поговорю с братом.

— Что ты ему скажешь? — испугалась Вейн.

Он улыбнулся.

— То, что должен сказать. Тебе помочь одеться?

— Я сама... отвернись...

Он насмешливо фыркнул, но выполнил просьбу, а потом и вовсе вышел, тихо притворив дверь сторожки. Вейн еще миг посидела, вдыхая запах мехового плаща. Ей казалось, что он пахнет... их близостью и его страстью... Потом заставила себя встать и одеться, зябко переступая ногами. Ксандр привез ей простое темное платье и серый плащ. Вероятно, взял в ее комнате первое, что нашел. Девушка снова смутилась, представив, как он рассматривал ее платья, шали, сорочки... Хотя после случившегося уже глупо краснеть от подобных мыслей. Ксандр видел не только ее белье, но и саму Вейн, целиком и в... подробностях.

Как ни странно, все эти мысли и воспоминания вызывали у нее шальную и глупую улыбку. Наверное, матушка была права, в гневе называя Вейн дочерью Тьмы... Провела

ночь с чужим мужчиной, отдала ему самое ценное - девичью честь, а внутри только блаженство и какие-то безумные мысли!

Лейна потрясла головой, возвращаясь в действительность.

На обратном пути они почти не разговаривали. Вейн порой чувствовала на себе задумчивый взгляд Ксандра, но головы не поворачивала, тоже погрузившись в свои мысли. То, что казалось простым и понятным в лесной сторожке, при приближении к замку уже не было таковым.

Все усложнялось. Рождалось много вопросов, и лейна пыталась решить, как ей вести себя дальше. В любом случае, об обручении с Лераном речи быть уже не может, это Вейн осознавала отчетливо.

На подъездах к замку Александр свернул с основной дороги, обходя его с тыла. Вейн облегченно вздохнула — въезжать через главные ворота совсем не хотелось.

Впрочем, переживала она напрасно. На попытку проскользнуть в дом мышкой, Ксандр покачал головой, помог ей спешиться и, взяв за руку, спокойно повел внутрь. Вейн тряслась, в любой момент ожидая столкновения с гневными очами мистрис Алесс или недоумевающими – Лерана. Но они так никого и не встретили.

Солнце лишь коснулось горизонта, мазнув багряной краской рассвета, и в замке было непривычно тихо. Уже скоро Вейн поняла почему, когда увидела уснувшую прямо в нижнем зале свою прислужницу Ширли, доверчиво прислонившуюся к бородатому садовнику из оранжереи. Судя по всему, вчерашний праздник удался на славу. Тут и там им встречались прислуга и деревенские, не сумевшие добраться до своих домов. Для таких бедолаг Далькотты даже распорядились положить в нижнем зале одеяла и тюфяки и оставить кувшины с водой.

Возле лестницы Ксандр чуть задержал Вейн, словно хотел что-то сказать, но промолчал и отпустил. Только стоял и смотрел, как она поднимается на второй этаж. Девушка чуть прикусила губу, не понимая, почему внутри вдруг разлилось желание заплакать. Всеми силами пытаясь сдержаться и не обернуться, она дошла до комнаты Люси, толкнула дверь.

Сестра спала. Лицо Люси цветом напоминало ее любимое желто-зеленое платье. Даже светлые волосы потускнели, а губы и во сне чуть обиженно дрожали.

В кресле притулилась наставница. Она вздрогнула, выпрямляясь, и сонно потерла глаза, услышав стук двери.

— Вейн? Ты уже проснулась? — рассеянно спросила мистрис Алесс. И тут же бросилась к своей любимице, заботливо поправила одеяло. — Бедная девочка! — искренне посочувствовала она, — перепутала ягодный сок с вином и выпила целую кружку! Всю ночь ее тошнило, только на рассвете и забылась!

Наставница обеспокоенно тронула бледную щеку Люси. Вейн незаметно хмыкнула. Конечно, станет Люсинде плохо от одной кружки! Вот уж вряд ли...

— А ты где была? — наставница вдруг вспомнила, что и Вейн все еще на ее попечении. — Я за тобой прислужницу посылала, но она сказала, что в комнатах тебя нет.

— Разминулись, верно, — спокойно ответила девушка. — Я была у себя.

Люси заворочалась во сне, и наставница шикнула на Вейн, чтобы не мешала, и тут же забыла о ней. И лейна с облегчением удалилась, с легким недоумением покачав головой. Да уж, порой, даже строгая мистрис не видит дальше собственного носа. Или Алесс уже мысленно сложила с себя обязанности по отношению к Вейн, и ее волновала лишь Люси, которую необходимо вернуть в Талар живой и здоровой? Скорее всего, так.

Девушка вышла в коридор и, не удержавшись, посмотрел вниз. Но Александра там, конечно же, уже не было.

Все-таки, ночные события вымотали Вейн, и почти до вечера она проспала. Проснувшись от того, что ее настойчиво тормозила Люси, уже вполне здоровая и бодрая.

— Вейн, вставай, сколько можно спать!!! Или я подумаю, что вы с Лераном ночью занимались кое-чем непозволительным!

Люсинда захихикала, довольная своей шуткой, а Вейн перевернулась и уткнулась лицом в подушку, чтобы сестра не увидела покрасневших щек.

— Радуйся, что Алесс поверила твоему вранью про ягодный сок, — пробормотала она в отместку, вставая.

Сестра снова рассмеялась и, деланно охая, схватилась за голову.

— Ну, конечно, поверила, — беззаботно пожала она плечами. — Наша мистрис только думает, что очень умная, а на самом деле ее так легко провести! Помнишь, как мы пугали ее в детстве, изображая висельницу Мэри?

Вейн против воли хмыкнула, вспомнив их детские проделки. Но задуматься Люсинда ей не позволила, дернув за руку.

— Вейн, не спи! Поторопись, ужин скоро, а я голодная, как снежный барс!

— Не говори мне о снежных барсах, — пробормотала Вейн и пошла одеваться.

За ужином Александра не было. Вейн временами бросала обеспокоенный взгляд на пустой стул во главе стола. Но спрашивать ничего не стала, опасаясь, что интонацией выдаст себя. Расторопная прислуга уже привела замок в порядок, и нигде не осталось следов вчерашнего пиршества, разве что на помятых лицах.

Вечером после ужина все собрались возле большого камина в маленьком зале, где стояли книжные шкафы, глубокие бархатные кресла и маленькие столики для игры в тартарс и доску желаний. Фигурки на расчерченной бело-черными квадратами доске представляли собой настоящие произведения искусства. Вейн с восторгом рассматривала точеную императрицу, страшную фигуру Темного в плаще и юную пастушку с корзинкой.

— Это доску приобрел за Перевалом наш дед, — с улыбкой рассказывал Леран, осторожно приподняв одну из фигурок. — Там всегда жили искусные мастера, гильдия ювелиров.

— Я видела их работы, — отозвалась из глубины кресла мистрис Алесс. — Удивительные вещи, глубокие, просто шедевры... Так жаль, что от гильдии почти никого не осталось... Нашествие...

— Да, Перевал ближе всего к Излому, увы...

— А в Далькотте тоже хозяйничали Темные? — звонко спросила Люси. — Вы ведь совсем рядом! Вам тут не страшно? А вдруг и к вам придут и всех выпьют?

Вейн обернулась и сразу наткнулась на внимательный взгляд серых глаз. Надо же, она и не услышала, как он вошел. Ксандр от вопроса Люси заметно напрягся, и Вейн непринужденно спросила:

— Вот всегда удивлялась, почему в этой игре пастушек целых три, а пастух всего один? Несправедливо ведь?

— Вот и в жизни так, вечно мужчин не хватает, — торопливо проворчала тетушка Рута, испуганно покосившись на братьев.

Мистрис Алесс чуть нахмурилась, но быстро поняла, что неинтересную тему про фигурки лучше поддержать.

— Какие на доске красивые виры! — чуть громче, чем нужно воскликнула она. — Люси, поднеси, будь добра, хочу рассмотреть...

— Но я хочу узнать о Темных...

— А давайте играть? — весело предложила Вейн. — На желания?

Александр чуть приподнял бровь, и Вейн показалось, что в его глазах мелькнула благодарность. Она с трудом отвела от него взгляд и опустилась в кресло, преувеличенно внимательно расправляя юбку.

— Вы очень смелая, лейна Вейн, — рассмеялся Ленар. — Давайте! Кто с нами?

— Ох, я для таких забав стара, — с доброй улыбкой отказалась тетушка Рута.

— А я, пожалуй, лучше угошусь еще этим восхитительным чаем, — вторила ей мистрис Алесс. Обе попечительницы склонили друг к другу головы, с воодушевлением принявшись за обсуждение ярмарки и условий выращивания айрисов.

— Люси? Ты играешь? — Вейн с энтузиазмом разложила доску, стараясь не поворачиваться в сторону Александра. Улыбка, с которой он смотрел на нее, смущала и окрашивала щеки лихорадочным румянцем. Она вообще чувствовала себя странно, словно снова хлебнула крепкого хмеля: голова чуть кружилась, и внутри бурлила веселая бесшабашность, хотелось беспричинно смеяться или танцевать. Она ощущала на себе взгляд серебряных глаз, и ей хотелось сделать что-то такое, чтобы снова увидеть в них восхищение. Или желание...

— Фи, по-моему, мы уже взрослые для этой игры! — капризно надула губки Люси, но сразу же улыбнулась, показав очаровательные ямочки на щечках. — К тому же, Вейнитта знает, что я никогда не проигрываю на доске желаний! Так что, готовьтесь их исполнять!

Она уселась рядом с Вейн, и расправила складки ярко-зеленого платья.

— Александр? — Ленар сел напротив Люси. — Присоединяйся, втроем играть неинтересно.

— Лейна Люсинда, несомненно, права, — с насмешкой отозвался Ксандр и сел напротив Вейн. — Но почему бы и не вспомнить детство? Это ведь такое прекрасное время, когда можно играть в доску желаний, петь во весь голос или... танцевать босиком. Правда, лейна Вейн?

— Или подглядывать за теми, кто это делает, дер Александр, — безмятежно пропела Вейн.

Он рассмеялся, глядя на нее. Ленар посмотрел на них чуть недоуменно и пожал плечами.

— Все помнят правила? Каждый должен написать желание для других участников игры и сложить на блюдо! Тетушка Рута, вы согласны стать хранительницей наших желаний?

— Почту за честь, мой дорогой! — рассмеялась тетушка, с любовью глядя на племянника.

Они написали желания, свернули записки и отдали их мистрис.

— Мой ход, — проговорил Ленар и передвинул «пастушку».

Люси, не задумываясь, тронула «ремесленника». Вейн внимательно смотрела на доску, раздумывая. Сейчас против нее играли Александр и Люси. Ксандр свой ход еще не сделал, а вот сестра была сильным противником. Как ни странно, но непосредливая Люсинда почти всегда побеждала в этой игре, и Вейн каждый раз удивлялась, как ей это удается. Сама Вейн играла, опираясь на чувства, и двигала фигурки больше наудачу, чем просчитывая ходы. Несмотря на то, что в доску желаний часто играли подростки и молодежь на смотринах, она не была слишком легкой и требовала умения сосредотачиваться и думать.

Вейн осторожно переставила тонкую фигурку благородной лейны. Александр широко улыбнулся и тут же его страж фигурку «сожрал». Вейн заглянула в его смеющиеся глаза

и чуть нахмурилась. Теперь ей вдвойне захотелось выиграть.

Через два хода Ленар потерял три свои фигурки, а Люси приобрела одну. У Вейн Ксандр захватил две, но и она смогла отвоевать у него одну пастушку и стража у нареченного. С каждым движением по квадратам игра становилась все напряженнее, фигурки перемещались между владельцами. Люси подпрыгивала в кресле каждый раз, когда ей удавалось завоевать квадрат. Ленар смеялся, а Вейн прикусывала губу, размышляя над следующим ходом. Один Александр сидел спокойно и попивал вино из хрустального бокала, с легкой улыбкой рассматривая игроков.

Люсинда завоевала основной квадрат Ленара и торжествующе рассмеялась.

— Ну вот, — с деланным расстройством произнес он, — придется покинуть вашу компанию и переместиться в ряды зрителей!

— Вы поддались мне, дер Ленар! — отсмеявшись, надула губы Люси. — Я прекрасно видела, что своего землепашца вы просто подставили! Так нечестно!

— Вы очень наблюдательны, прекрасная Люсинда! — улыбнулся Леран. — И какое же ваше желание я почту за честь исполнить?

Люси покраснела, как цветок олиры, и красиво сложила руки в притворной задумчивости. Леран хмыкнул, а Вейн спрятала улыбку. Ее сестра была мастерицей по таким жестам и паузам, и порой доводила игроков до паники, оттягивая момент оглашения желания.

— Тетушка Рута, позвольте...

Вдовая мистрис с улыбкой подала блюдо, и проигравший взял листок, подписанный Люси. Развернул, медленно прочитал и поднял на девушку взгляд. Люси захихикала.

— Лейна Люсинда! — возмутился Леран. — Вы жестоки! Я не знаю ни одной баллады о любви! И у меня совершенно нет слуха и голоса!

— Просим! Просим! — захлопали в ладоши присутствующие.

Леран мучительно покраснел, открыл рот и запел. Вернее, зашептал, заговорил, а потом принялся подвывать на высоких нотах. Сказать, что у дера не было голоса, значит не сказать ничего. Люси не выдержала и первая прыснула. Вейн хмыкнула, а Ксандр откровенно рассмеялся и закрыл уши руками. Тетушка Рута и мистрис Алесс хихикали, пытаясь прикрыть раскрасневшиеся лица ладонями. Тетушка так развеселилась, что хлопала себя пухлыми ладошками по коленям, обтянутым бархатной юбкой, и подпрыгивала.

— Леран, о-о-о! Пожалей наши уши, — простонала она.

— Прости, брат, это ужасно, — рассмеялся Ксандр.

— Сами просили! — Леран откинул голову и завыл еще громче, с чувством и выражением, размахивая руками, как делали артисты бродячих трупп, что порой давали представления на площадях городов.

Красивая старинная баллада в его исполнении звучала столь комично, что все хохотали, уже не сдерживаясь. А Леран, совсем перестав смущаться, еще и ногу поставил на скамеечку, так что сходство с бродячим менестрелем стало полным. Только вот голос исполнителя не ласкал слух, а вызывал прямо-таки гомерический хохот у слушателей.

— Леран! — тетушка Рута икнула, отчего блюдо с листочками на ее коленях подпрыгнуло. — Пощади!

Дер осмотрел всех довольным взглядом и соблаговолил замолчать.

— Брат, да тебя можно использовать против врагов королевства! — сказал Ксандр. — Стоит тебе запеть, все враги сами разбегутся!

— Дорогой, это было неподражаемо! — все еще икая, выдавила из себя тетушка Рута.

У Люси от смеха сбилась на бок шляпка, и даже строгая мистрис Алесс ее сейчас не одернула.

— Вы были великолепны, дер Леран! — поправив шляпку, сказала Люсинда, глядя на него сияющими глазами. — Я сто лет так не смеялась!

Леран шутливо откланялся и уселся в кресло. Его щеки все еще были пунцовыми, но выглядел он довольным.

— Всегда к вашим услугам, лейна Люсинда, — поклонился он.

— Ох, мы совсем забыли про игру! — Люси отвела взгляд от улыбающегося мужчины и тронула пальчиком фигурку «виры».

— Мой ход, — остановила ее Вейн. Она тоже улыбалась. Выступление нареченного значительно подняло всем настроение. Девушка подняла глаза, посмотрела на Александра, который сидел как раз напротив.

— Подумайте хорошо, лейна, — вкрадчиво предостерег он, глядя ей в глаза. — А то вдруг мое желание окажется еще... интереснее?

Вейн вернула ему взгляд, и жаркая волна прокатилась по ее телу. О, виры, что он делает? Смотрит так откровенно, что мистрис уже поглядывает с недоумением и чуть хмурится. Хорошо хоть Леран о чем-то тихо переговаривается с Люси и не поворачивается в их сторону.

Вейн чуть нахмурилась и прикусила губу. Он перевел взгляд на ее губы, и девушку снова окатило жаркой волной.

Она торопливо посмотрела на доску. Светлые и темные квадраты плыли перед глазами. Вейн, не думая, переставила своего Темного. Александр кивнул и неторопливо передвинул своего короля, дойдя до квадрата, где стояла небесная вира с белоснежными крыльями.

Вейн затаила дыхание.

— Мой ход! — воскликнула Люси.

Вейн все так же смотрела на доску, боясь поднять глаза на сидящего напротив мужчину и опасаясь, что все ее чувства сейчас легко читаются на лице. Она рассматривала искусно выточенные из кости фигурки, выхватывая лишь детали: белые крылья вир, сапфировые глаза пастушки, черный клинок в руках стража...

«Виры... Помогите мне... кажется, я влюбилась...» — пронеслось в голове Вейн, и она в ужасе стиснула ткань своей юбки. Понимание пришло слишком внезапно, но в то же время было таким правильным. К чему врать самой себе и прятаться за глупыми убеждениями? Здесь, в этой гостиной, возле доски желаний, Вейн совершенно отчетливо поняла, что хочет быть с этим мужчиной, хочет всю жизнь смотреть в его серебряные глаза, видеть улыбку и делать все, чтобы эта улыбка как можно чаще появлялась на его лице. Делить с ним то, что ниспошлют виры, стоять за его спиной не чтобы спрятаться, а чтобы защитить эту спину, если случится беда... И знать, что рядом с ним никакая беда не страшна.

— Ваш ход, Вейн, — тихо и чуть хрипло напомнил Александр.

Она подняла голову, и весь мир исчез, растворился, сузился до одного человека. В этот миг Вейн совершенно точно поняла, что ничьей женой не станет. Ни Лерана, ни кого-то другого. И нареченному все скажет сегодня же, понимая, что любит его брата и больше не может преступно обманывать, продолжая играть роль его пары.

— Вейн, ты снова уснула! — рассмеялась Люси.

Вейн, не глядя, переставила фигурку.

— Отличный ход, — одобрительно кивнул Леран, и Вейн удивленно посмотрела на доску.

— Теперь я! — Люсинда сверкнула улыбкой и уверенно передвинула фигурку королевы.

— Шлейх, — воскликнул Ксандр и съел ее «королеву», заняв основной квадрат Люси.

— Ох! — сестра огорченно всплеснула руками, — вы коварный игрок, дер Александр! Надеюсь, вы не заставите меня петь?

Леран хмыкнул, а тетушка Рута с улыбкой протянула Люси листок.

— Усладите наш взор и слух своим выступлением, лейна Люси! — предвкушающе улыбнулся Леран.

Люсинда рассмеялась, развернула послание. Александр вдруг нахмурился и встал. И сразу словно холодом повеяло. Все еще улыбаясь, Люси прочитала строчку и покраснела. Одним шагом Ксандр оказался возле нее, вырвал листок из рук девушки и разорвал. Мистрис Алесс, почуяв неладное, тут же оказалась рядом, с участием всматриваясь в лицо своей воспитанницы.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она.

Ксандр резко развернулся и шагнул в сторону, кусочек листа из его ладони медленно, как зимняя снежинка, опустилась на гобелен. Мистрис Алесс резвой гончей рванула к нему, подняла.

— ...обручиться... — прочитала она и посмотрела непонимающе. — Что это?

— Ксандр! — с изумлением воскликнул Леран. — Ты предложил лейне Люси стать твоей нареченной? Вот так? Но это... Это же прекрасно!

— О, как романтично! — прослезилась тетушка Рута.

— Это ... совсем не то... — сквозь зубы прошипел Ксандр. Вейн почувствовала, как перед глазами все поплыло... всхлипывающая от умиления тетушка Рута, неуверенно улыбающаяся мистрис Алесс, восторженно поздравляющий Леран, Ксандр, застывший посреди комнаты и такая же застывшая Люси...

— Я согласна, — вдруг сказала сестра. И повторила звонко: — Я согласна!

В глазах Александра вспыхнуло изумление, словно ее согласие было тем, чего он никак не ожидал от нее. Она радостно улыбнулась и шагнула к нему.

И снова все заохали, вскочили, Вейн тоже встала, и на негнущихся ногах сделала шаг.

— Мои поздравления ... — сказала она. — Простите... мне нужно... выйти.

И ни на кого не глядя, она направилась к двери, не задумываясь, как ее поступок выглядит со стороны. Сейчас ее это ничуть не волновало, и все, о чем она могла думать, так это, как бы поскорее оказаться от Далькотта и его обитателей так далеко, как только возможно.

Потому что ощутила нестерпимое желание взять со стола нож для бумаг и воткнуть в сияющую сестру. Или в Александра. Или в обоих...

И это злое желание наполнило душу таким ужасом, что Вейн бросилась вон из гостиной, опасаясь, что может действительно сделать это! Как когда-то давно, в свои четырнадцать, уже сделала. Тогда она случайно зашла в отцовский кабинет и увидела толстого дера Вильнюса, что частенько гостил в их доме. Благородный дер задрал юбки юной прислужнице и пыхтел, как боров, а та вырывалась, но боялась кричать, лишь по лицу ее катились безмолвные слезы ужаса и омерзения. И маленькая Вейн тогда, не раздумывая, схватила со стола нож, и воткнула в мужчину. Лезвие было совсем коротким, и почти не причинило вреда, тогда лейна размахнулась и полоснула дера по лицу, оставив на нем кривую рану, словно метку.

Отцу, помнится, потребовалось приложить немало усилий, чтобы замять скандал и убедить Вильнюса не придавать дело огласке... К тому же, упрямая Вейн так и не извинилась перед мужчиной, и родителям пришлось сказать, что девочка не в себе...

И вот сегодня в этой гостиной Вейн снова ощутило то чувство: злое, глухое и смертельное, требующее убить, уничтожить обидчиков. И как страшно, что эта черная ревность, эта злоба была направлена на родного человека: на Люси... И на Ксандра.

Злые слезы защипали глаза, и Вейн бросилась по коридору, желая просто спрятаться.

Мертвые земли. Антар

Слой возле башни закончился внезапно, и белесая яркость сменилась привычным туманным вечером. Сумрак уже опустился на Антар, сквозь прорехи в тучах блеснула одинокая звезда, и Путница посчитала это хорошим знаком. Где-то в конюшнях осталась ее кобылка, но Вейн отбросила сожаления. Она привыкла легко расставаться и почти не привязываться к своим лошадам, может, оттого и называла их всех одинаково: Птичка, в память о любимице, когда-то оставленной в Таларе. Или просто чтобы не путаться.

Ценных вещей у Путницы не было и, оглянувшись, она приблизилась к ограде, окружающей замок. Вбила ногу в каменную кладку и полезла вверх. Кхха уселась на шею, облепила голову крыльями, и Вейн, перемахнув через стену, спрыгнула вниз. И сразу провалилась в первый слой тьмы.

Здесь хлопьями лежал снег, а под ними змеились трещины разломов. Лед... колкий лед, как когда-то в ее прошлом. Говорят, слои всегда разные и принимают форму в зависимости от сути того, кто их накладывает. И того, кто их видит... Первый слой Ксандра был до боли похож на ледяное озеро, в которое когда-то провалилась Вейн. И за ним темнела сторожка...

Она пошла осторожно, с трудом удерживая равновесие на шатком льду. Кхха урчала, свесив со лба хозяйки узкую голову с мощным клювом. Лачуга маячила на кромке застывшего нереального плоского леса, черными штрихами нарисованного на снегу. С льдины на льдину Путница шла через озеро, и под белыми пластами зияли провалы черной воды, а в этих омутах клубилась тьма, иногда поднимаясь, чтобы взглянуть на пробегающую девушку. Но кьяра не беспокоилась, молчала, и только страх давил сознание, наполнял душу безотчетным ужасом. Вейн смотрела на сторожку, и почему-то ей становилось легче.

Она добежала до домика и рванула на себя дверь, открыла... и вышла во второй слой.

Здесь цвели розы, и Вейн застыла, пораженная, потому что настоящих живых цветов с ярко-красными макушками не видела уже много лет... А тут они простирались насколько хватало взгляда, до самого горизонта, и даже за горизонт, заворачивались, как рулон цветастого одеяла, закручивались тугим комком, грозя свернуть пространство вместе с глупой Путницей! Кхха недовольно заворчала, и Вейн очнулась, осмотрелась, рванула вперед, где стояла одинокая кадка с апельсиновым деревом...

В третий слой она провалилась, уже тяжело дыша. Здесь было темно... Очень темно, так бывает лишь в склепе. Она и была в склепе, лежала, сложив руки в деревянной домовине, и Кхха сердито клевала ее в темечко. Путница охнула, перевернулась. Воздуха не было. Она видела, как он серебристой струйкой уползает, играючи свивается в кольца и исчезает в щелях. Нутро болело от невозможности вздохнуть, и девушка забилась, мечтая поймать хоть одну ускользающую струю, сжать в пальцах, пустить в сдавленную грудь... Кьяра сердито клюнула ее до боли, и Путница встряхнулась, стерла со лба пот и покачала головой.

А потом она шла сквозь четвертый, где с гор сходили лавины, и снег живыми лицами разевал рот, глотая бегущую девушку, ползла через пятый, где не было пространства вовсе, только пустота бездны, и она все падала в нее, пока не ударилась о скалы Далькотта, разбиваясь вдребезги. И даже разлетелась на осколки, словно хрустальная ваза, и снова очнулась от удара Кхха. Кьяра уже верещала без перерыва, раз за разом возвращая сознание хозяйки и напоминая о действительности. Она сражалась с Одичалыми в шестом... И в седьмой упала, понимая, что сил больше нет. Их просто не осталось, непонятно вообще, как она прошла так много.

И здесь Вейн увидела... Лерана. И Люси. И мистрис Алесс. И самого Ксандра. Они сидели в гостиной и пили чай.

— Весна в этом году выдалась теплая, правда, мистрис Алесс? — вопрошал Леран.

— Да, мой дорогой. Скоро зацветут айрисы.

— Я заказала себе новое платье! — смеется Люси. — Из желтой тафты! А к нему шляпку с зелеными лентами!

— Ты будешь такой красивой на празднике, — нежно улыбается Ксандр и целует Люси в макушку. А потом обнимает и целует уже сильно, страстно, но мистрис Алесс лишь смеется, а Леран улыбается...

Вейн вытерла струйку крови, что текла по лицу. Кажется, последний раз Кхха ударила ее слишком сильно. Посмотрела на кинжалы в своих руках. Ксандр оказался настоящим мастером. Путница уже была в слоях, и не раз, чаще всего это были черные вихри или мертвые леса, населенные чудовищами их создателей. Только Ксандр создал не просто слои, он создал вечный кошмар, бесконечный ужас...

Только вот чей это кошмар? Его или ее, Вейн?

И, с трудом вскинув ладони, Путница выпустила клинки, пронзая сердца тех, кого когда-то любила. Снова и снова она убивала их, убивала внутри себя, убивала себя... И она все-таки умерла раньше, вернее, почти умерла, потому что за мгновение до этого слой взорвался и рассыпался радужными брызгами, стек каплями темноты и растаял туманом.

— ...Простите, простите меня... — слезы обжигали лицо, текли на губы солеными струями, и чьи-то руки вытирали их. Она распахнула глаза и даже закричать не смогла, только смотрела в серебряные глаза с красным зрачком. Ксандр сидел, прислонившись к дереву спиной, держал ее на руках и молча смотрел ей в лицо.

Вейн вздохнула, пошевелившись. Сил не осталось. Ни на что. Даже на страх или злость.

— Почему вытащил из слоя? — хрипло спросила она.

Он помолчал, все так же рассматривая ее.

— Мне нужен камень, — без эмоций ответил Темный. — Где он?

Она позволила себе криво усмехнуться и закрыть глаза. Ксандр поднялся, и голова девушки безвольно свесилась, тонкие руки упали. Она снова потеряла сознание. Ядовитая кьяра обвивала ее шею, крепко держалась жилистыми лапами, пытаясь клюнуть мужчину. Но птица была так же ослаблена, как и Путница, и клевки выходили почти неощутимыми. И, тяжело вспорхнув, кьяра взлетела на сосну, недобро наблюдая оттуда за Темным. Он постоял так, раздумывая, и пошел к замку, раздвигая слои тьмы.

Снова очнулась Вейн лежа на кровати, и еще не открывая глаз, перекатилась, привычно пытаясь нащупать клинки, скатилась, обернулась и чуть не упала, когда натянулась серебряная цепь на ее лодыжке. Она хмыкнула, тронула тонкий обруч на шее и подняла глаза на сидевшего в кресле Ксандра.

— Ошейник надел, на цепь посадил... — хрипло усмехнулась она. — Что же сразу личем не сделал?

— Сделаю, — пообещал он. — Но прежде отдашь камень и расскажешь, как смогла нарушить клятву Жизни. К сожалению, став личем, ответить ты уже не сможешь.

Путница легла на кровать. Все же она была еще слишком слаба для таких прыжков.

— Где моя птица?

— Улетела, — он пожал плечами. — Так как, Вейни, с чего начнем? Можно с начала, например, что именно тебе приказали Смотрящие. Или лучше называть тебя Кьяра? Или Огненная Арша? Морана? Сколько у тебя имен, Вейни?

Вейн смотрела в потолок, раздумывая, почему она оказалась такой душой и не смогла просто отрезать ему голову. Размышления выходили грустными, а ответы на них — еще грустнее.

— Много, Ксандр. Имен у меня много. А вот ответов — ни одного.

— Тебе так кажется. Поверь, ты все мне расскажешь.

— Ничего я тебе не расскажу, Ксандр, — рассеяно ответила Вейн, не сводя взгляда с кисточек на балдахине.

Он одним шагом оказался рядом, прижал девушку к покрывалу.

— Аашара сантарра, Вейнитта, полное подчинение, мора ашран! — четко проговорил он заклинание и замер, всматриваясь в ее застывший взгляд. Зеленые глаза девушки остекленели, даже ресницы теперь не дрожали, она смотрела, не мигая, как смотрят бездушные личи, и Ксандр провел пальцем по ее расцарапанной щеке, потом по искусанным, распухшим губам, разодранной шее, на которой краснели следы от когтей кьяры. Дыхание Путницы не изменилось, и взгляд остался все таким же мертвым. Заклинание полного подчинения на истинном имени невозможно обойти или нарушить.

Он удовлетворенно кивнул и сел на кровати.

— Встань, Вейн, — приказал он.

Она поднялась, как кукла на шарнирах, руки болтались вдоль тела плетями, встала посреди комнаты.

— Налей мне вина и принеси.

Такой же шаркающей походкой девушка дошла до низкого столика, налила напиток, четко развернулась и подошла к кровати. Застыла, глядя сквозь мужчину.

Ксандр взял бокал из ее руки, пригубил, не спуская с девушки глаз.

— Ты эри, Вейн?

— Я — эри, — монотонно и размеренно сказала она.

— Зачем ты прибыла в Антар?

— Чтобы стать кормом для хариса. Единственного и почитаемого. Любить и беречь его, отдавая себя по первому требованию

Ксандр нахмурился и снова внимательно всмотрелся в ее глаза. Такие же застывшие, и слова, вроде, правильные, но почему ему слышится издевка?

— Как ты разорвала клятву жизни? — резко спросил он.

— На все воля Тьмы.

— Но ты смогла ее нарушить. Я хочу знать как?

— Тьма помогла мне...

Он отпил вина, размышляя. Заклинание подчинения парализует волю и надо задавать простые и правильные вопросы, чтобы получить верные ответы.

— Что приказали тебе Смотрящие?

— Любить и почитать хариса. Единственного и неповторимого. Беречь его, отдавая себя по первому требованию...

— Хватит!

— Где камень?

— В лесу.

— В каком лесу?

— Мрачном. И сыром.

Ксандр отставил бокал, подошел к ней вплотную.

— Поцелуй меня, Вейн — приказал он, насторожено вглядываясь в ее глаза.

— Куда? — взгляд пустой, в голосе — шелест волн Моря Усопших, на котором царит вечный штиль.

— В губы.

Она чуть качнулась и снова замерла.

— Сколько раз?

— Один для начала.

Снова качнулась и замерла, уже почти коснувшись.

— В верхнюю или в нижнюю?

— В обе! — рявкнул он и с подозрением посмотрел ей в лицо. Пушистые ресницы девушки даже не дрогнули. — Целуй!

Она склонилась так, что он почувствовал ее дыхание.

— Обойдешься, — выдохнула Вейн ему в губы. И рассмеялась, глядя в ошарашенное лицо Темного. И устав играть в эту игру, упала на кровать, закинула руки за голову. Ксандр почти сразу оказался рядом, сжал ей ладони, заломил наверх. Девушка поморщилась.

— Где твои манеры, дер? — усмехнулась она.

— Остались на другой стороне Излома! — рявкнул Ксандр. — Как ты это делаешь? Как обходишь заклинания? Отвечай! — он встряхнул ее так, что голова девушки дернулась, как у тряпичной куклы. Она закатила глаза и обмякла в его руках.

— Не верю! — прошипел мужчина. — Лгунья!

Он снова тряхнул девушку, но она лишь болталась в его руках. На щеках разливалась бледность, даже искусанные губы, кажется, посинели. Ксандр резко остановился, отпустил ее. И ушел, хлопнув дверью.

Вейн полежала, внимательно слушая тишину. В комнате было тихо, где-то в коридоре хлопнула дверь, прошелестели шаги, и голос Ксандра позвал Сая. Она перевернулась на бок, подтянула к груди колени и открыла глаза. Александр лежал рядом, смотрел ей в лицо и усмехался.

— Любишь играть, Вейни? Я тоже...

Путница заставила себя не двигаться, хотя от его взгляда стало холодно и захотелось спрятаться.

— И что дальше, Ксандр? — тихо спросила она. — Как ты уже понял, заставить магией меня невозможно. Что ты будешь делать? Избивать? Пытать? Какие у тебя методы, Призрак?

Вейн и сама не понимала, почему так хочет разозлить его. Разбить эту сдержанность, стереть холодную насмешку с его лица, чтобы увидеть, что осталось там, в глубине его сущности... Или чтобы он снова набросился на нее, как тогда в башне, и стал целовать? Девушка безотчетно закусил губу и поморщилась от боли. Искусанная губа треснула, и на языке стало солено от крови.

Ксандр смотрел ей в лицо и молчал. Глаза отрешенные, спокойные. Только в самой глубине тлеет злость

— Так что, Призрак? — хрипло повторила Вейн, стерла пальцем кровавую каплю.

Он поморщился.

— Для начала ты пойдешь в купель, Путница, — равнодушно сказал, — а после мы поговорим. И, надеюсь, обойдемся без наигранных обмороков. Иди.

— Да ты просто сама гостеприимность! — отозвалась Вейн, спрыгнула с кровати.

Потрясла ногой. На лодыжке болталась тонкая серебряная цепочка, второй ее конец свободно волочился по полу, но Путница знала, что это обман, иллюзия. Зачарованные пути привязывали ее крепче корабельного каната. — Я должна ходить с этим?

— Твое сознание защищено от магии, но не тело, — задумчиво сказал Ксандр. — Да, ты будешь ходить с этим. Пока мы не... договоримся.

Девушка фыркнула, и пошла в купель, на ходу снимая одежду. В купели уже исходила паром вода, и она со вздохом наслаждения в нее залезла, расплела все свои косички, убрала пустые бусины. Даже кольца сняла, сейчас и они стали бесполезны, она израсходовала весь свой арсенал. Без привычной тяжести украшений и оружия она чувствовала себя более обнаженной, чем без одежды. Путница уже забыла, когда снимала с себя все... Она кинула быстрый взгляд в затянутае паром зеркало: на голове запеклась кровь от ударов клювом Кхха, лицо расцарапанное, на теле порезы, синяки и длинный рваная царапина на боку, уже подсохшая. Да уж, в таком виде трудно играть в соблазнительницу.

Она откинулась и закрыла глаза. Темный сказал, что они будут разговаривать, значит, нужно как-то подготовиться к этому разговору, придумать, что будет говорить и о чем врать... Но в голове так пусто. И она так устала от бесконечной игры и от своей маски, которую носит много лет.

Вейн сидела в воде, пока она почти не остыла, потом встала, закуталась в льняную холстину и вышла. Ксандр сидел в кресле и молча указал на одежду, лежащую на кровати. Девушка хмыкнула, поняв, что это платье — простое светло-серое, но спорить не стала. Ее туника и штаны были грязные и изодранные после слоев, и надевать их совсем не хотелось.

Она взяла платье и пошла за ширму одеваться. Потом вернулась, села в кресло, поджав босые ноги, откинула с плеча распущенные влажные волосы.

— Я тебя слушаю, — сухо сказала Вейн.

Ксандр смотрел на нее без малейшего выражения на лице, лишь чуть кивнул.

— Надеюсь, игры закончились, и ты приняла верное решение. Что ж, рад твоему благоразумию. Где ты спрятала камень? — резко спросил Ксандр.

Вейн пожала плечами. Он чуть склонился вперед.

— Хорошо, тогда другой вопрос. Что тебе приказали Смотрящие? И может, скажешь для разнообразия правду?

— Почему бы и нет, скажу, — Вейн потянулась к вазе с фруктами, выбрала сочный персик, с наслаждением откусила. И откуда только Призрак берет все эти деликатесы? Персики Путница семь лет не ела! — Да ты и сам уже все понял, Ксандр. Смотрящие хотят видеть твою голову, торчащей на колу в Кровавом Колодце Ниаранта. Слишком мешаешь. Ты ушел из Круга, узнав их тайны, но играть по правилам не желаешь. Создаешь свои, привлекаешь сторонников... Твоих людей режут, как ритуальных барашков, а ты все равно не понимаешь... Антар уже называют новой столицей Темного мира, хотя большинство боятся подойти к нему ближе, чем на сотню лье. Но в Призраке видят надежду на лучшую жизнь. Эри готовы молиться на тебя, ты дал им надежду и даже права... Только вот те, кто занимает Белый Дворец Ниаранта, совсем не хотят делиться своей властью, правда? И тем более, отдавать ее, — она покачала головой, рассматривая мужчину. — Ты заперся за слоями тьмы и два года не покидаешь этот замок, надеясь, что до тебя здесь не доберутся. Но они доберутся, Призрак. Сейчас Смотрящие хотят убить тебя тихо, но когда поймут, что тихо не получится, придут сюда всем Кругом.

— Ты откровенна, — усмехнулся он. Вейн улынулась, слизнув сок персика. — Что ж, пока ничего нового. Но если бы Смотрящие могли выступить против меня открыто, не стали бы подсылать тебя. Похоже, они сделали ставку не на ту охотницу... — он наклонился в кресле, рассматривая девушку. — Почему ты меня не убила? — и добавил с насмешкой:

— На этот раз?

— Решила, что и одного с тебя достаточно.

— Правда? А может, ты снова играешь в какую-то игру, Вейни? В какую?

Она снова пожала плечами, не собираясь отвечать, и вскрикнула. Серебряный обруч на шее сжался, сдавливая горло, не давая вздохнуть. Персик выпал из ее ладони, и девушка схватилась руками за удавку. Ксандр неподвижно сидел в кресле, равнодушно наблюдая за тем, как она хватается воздух распухшими губами.

— Или ты будешь отвечать, Вейн, или я действительно найду другой способ узнать то, что мне нужно.

Ошейник перестал сдавливать горло, и она откинулась в кресле, посмотрела с ненавистью.

— Найди, Ксандр. Можешь приступать. Потому что я буду отвечать лишь на те вопросы, на которые захочу ответить. Если вообще захочу.

В его глазах отражалась такая же ненависть, и они замерли, рассматривая друг друга. Словно два хищника, готовые сорваться и разорвать противнику шею. Путница смотрела в его серые глаза с расширенным зрачком, обведенным красным, и привычно отмечала легкую дрожь его пальцем, лежащих на подлокотниках кресла, напряжение мышц, рваное дыхание...

Она первая отвела взгляд, отодвинулась.

— Ты не изменилась, — задумчиво сказал он.

— Ты никогда меня не знал, — глухо ответила Вейн, не глядя на него.

— Ты права. Хотя тогда мне казалось, что я знаю тебя достаточно. Я сильно ошибался.

Она подняла голову, не мигая, посмотрела в его глаза. И усмехнулась со злой насмешкой.

— Надеюсь, ты избавишь меня от глупых сантиментов и ненужных воспоминаний, Ксандр? Знаешь, я не склона ностальгировать за чашечкой чая, что было — быльем поросло, да трупами сгнило. И мне это давно неинтересно. Я — Путница, и только... Да и от Александра Далькотта, насколько я вижу, давно ничего не осталось, о твоих методах легенды ходят, знаешь ли. У меня имен много, да и у тебя — не меньше: Лютый Зверь, Аесар Тьмы — говорящие прозвища, не так ли? У солдата Лиги Камня амбиции оказались запредельные. Замок себе отстроил, земли до самого ледяного моря захватил, самому Ниаранту со всеми Смотрящими спать спокойно не даешь...

— Может, мне тебя еще поблагодарить за это? — он наклонился к ней, сцепил руки в замок. Возможно, чтобы не вцепиться ей в горло? — За тот нож?

— Ну, насколько я вижу, ты вполне удачно переродился, — хмыкнула она, заставляя себя не отводить глаз. — Насколько я понимаю, на тебе был Камень Познания... И ты сумел выторговать у Тьмы свою жизнь. Что ж, она дама привередливая, что попало, не берет.

— Ты называешь это жизнью? — сипло сказал он. Серебряный обруч сжался на горле девушке, и она надрывно вздохнула, глотая воздух искусанными губами. В его глазах было столько темноты, что ей стало действительно страшно... — Ты называешь это жизнью, Вейни? За Изломом у меня было все: дело, в которое я верил, семья, которой дорожил, мечты, будущее! Думаешь, мне нравится жить так? Я стал тем, кого ненавидел всей душой, тем, против кого боролся, проклятым Темным... Да это хуже смерти!

— Так подышал бы, — прохрипела Путница. Она не сдержалась, вцепилась в удавку.

Ксандр хрипло и страшно рассмеялся.

— А не получилось. Тьма решила, что может неплохо позабавиться за мой счет. Вы с ней чем-то похожи, Вейни...

Он легко встал, выдернул ее из кресла, сжал, почти с улыбкой наблюдая, как она пытается вдохнуть.

— Знаешь, меня ведь даже похоронили. Уложили в гроб и устроили в семейном склепе. И все это время я слышал стенания тети Руты и Ленара, разговоры и проклятия, что они призывали на твою голову. Наверное, они и сейчас приходят туда, не подозревая, что меня давно нет в месте успокоения. Тьма решила меня вернуть...

— И что Тьма взяла взамен? — тихо спросила она, уже зная ответ.

— О, я сам отдал. С большим удовольствием. И это единственное, за что я ей искренне благодарен.

Ксандр усмехнулся, и Вейн поняла, что действительно сильно сглупила. Ничего не осталось от того человека, которого она знала, потому что не осталось того, что делало его человеком. Конечно, он хотел освободиться от того, что мешало, от того, что болело... От чувств. Именно они горят в наших душах, наполняют счастьем или жалят каленым железом...

— Да... — выдохнул он ей в губы почти нежно, — ты такая догадливая, моя Вейни.

— Отпусти, — беспомощно сказала она, чувствуя себя бесполезной тряпичной куклой. Все ее навыки охотницы сейчас были бесполезны, сил не было, да и желания — тоже.

— А теперь открывай воспоминания, — хрипло приказал Ксандр.

— Нет.

— Открывай! — Темнота вокруг него растекалась, заворачивалась в вихри. — Открывай, иначе я за себя не ручаюсь.

Путница вздохнула.

— Нет, — тихо повторила она.

Тьма ужалила тело тысячей рассерженных ос, она вскрикнула от боли и усмехнулась грустно, потому что комната в башне пропала, и теперь она стояла босыми ногами на ледяных камнях подземелья. Здесь не было окон и дверей, только сырой каменный мешок с гнилым тюфяком в углу и тусклой зеленой плесенью, слабо освещающей темницу.

— Чем быстрее ты научишься слушаться меня, тем дольше проживешь, — глухо сказал Ксандр, отходя от нее.

— Слушаться тебя? — с усмешкой повторила Вейн. — Тебе придется долго ждать, — она рассмеялась.

Он постоял, рассматривая улыбающуюся девушку, а потом просто исчез, растаял туманом. Вейн резко прекратила смеяться и закрыла лицо ладонями. Сжала кулаки. Легла на тюфяк, подтянув коленки и безуспешно пытаясь укрыть платьем замерзшие ноги. «Ну, хоть поплю...» — устало пробормотала Путница и закрыла глаза.

Серый туман вполз ключьями, растекся по темнице. У тумана нет глаз, он видит лишь суть, а не оболочку, а Ксандр хотел смотреть на тело, на ее закрытые глаза, на губы, на тонкую фигурку, чуть дрожащую во сне. Темнота подземелья не мешала ему, в ней он видел лучше, чем днем, ведь темнота давно стала его сутью.

Он не знал, зачем стоит здесь и смотрит на нее, но и уйти не мог.

Далькотт

Она бежала по коридору, подобрав юбки и пытаясь сдержать душившие ее слезы. Но спрятаться в темном углу, как хотела, не успела. Сильные руки подхватили ее и прижали к мужской груди.

— Вейни...Ну куда ты так несешься?

— Отпусти меня!

Она забилась, пытаясь вырваться. Александр крепко держал ее за руки. Чуть отстранился, заглянул в лицо.

— Вейн! Да послушай же меня! Ты ведешь себя, как ребенок! Вот тьма...

— Нам совершенно не о чем с вами разговаривать, дер Александр! — задыхалась Вейн. — И отпустите меня! Нас могут... неправильно понять...

Он поморщился.

— Да плевать мне, как нас поймут. Ты можешь меня просто выслушать?

— То, что вам на все наплевать, я уже поняла! На приличия, нормы, чувства других людей и всех вокруг! Отпустите же!

— Не отпускаю! — он встряхнул ее, но тут же прижал к себе. — Вейн, это все ошибка, какая-то глупая нелепость, понимаешь?

— Ошибка, что вы стоите сейчас здесь, а не рядом... со своей невестой! — прошептала девушка.

— Я понимаю, что сейчас в тебе говорит обида, но ты можешь перестать говорить глупости и подумать? — вздохнул он. — Хотя бы о том, почему я здесь и пытаюсь что-то объяснить тебе, а не принимаю поздравления в гостиной? Можешь?

Он мягко обхватил ее лицо и сжал в ладонях, глядя в глаза.

— И почему же? — тихо спросила она.

— Разве ты еще не поняла, моя маленькая Вейни? — так же тихо ответил он.

Сзади хлопнула дверь, и громкий голос мистрис Алесс разорвал тишину.

— ...нет, это просто невыносимо...

— О, две свадьбы одновременно, как прекрасно! Матушка мальчиков была бы так счастлива... Жаль, не дожили до такой радости...

— Куда ушла Вейн? Что с ней? — встревожено вопрошал Леран.

Голоса приближались. Александр сжал руку девушки и на миг прижал к губам, а затем отпустил со словами:

— Вейни, все будет хорошо, верь мне. Я все... улажу, — она молча смотрела на него, но руку не отобрала. — Иди к себе, поговорим чуть позже. Мне надо пообщаться с твоей сестрой.

Вейн медленно кивнула и, нехотя развернувшись, пошла наверх. Голоса звучали все громче, и она ускорила шаг. Встретаться сейчас с остальными обитателями Далькотта, особенно с сестрой и женихом, ей совершенно не хотелось. В голове было как-то гулко, мысли падали, словно монеты — звонко, разлетаясь эхом и вызывая головную боль. Она не знала, чему верить и как относиться к произошедшему. Но внутри поселились тупая саднящая боль и обида, словно ее предали. Хотя, если разобраться, это она, Вейн, самая настоящая предательница.

В голове против воли вспыхнули воспоминания, те, которые она прогоняла, но они снова

лезли, словно настырные слепни: розовая шляпка с цветами на полях и голос Люси: «Дер Александр снова пригласил меня на прогулку... Обожаю розы... Дер Александр говорит, что я тоже похожа на розу, королеву цветов... Ксандр, оказывается, прекрасно танцует! Наверняка, при дворе часто проводят балы... Он позвал меня на склон... Он сказал, что я восхитительна... Дер Александр, вы так внимательны ко мне... Ах, только бы мистрис не заметила, как улыбается мне дер Александр! Он явно ко мне неравнодушен... »

Девушка сжала виски ладонями, пытаясь задавить эти мысли, избавиться от них, чувствуя, как подкатывают к горлу тошнота и черная обида.

«Надо дождаться Ксандра... Надо просто его дождаться!»

В свою комнату Вейн не пошла, зная, что Люси первым делом отправится туда. Вместо этого она пробежала по верхней галерее и метнулась на узкую витую лестницу, ведущую в башню. Стертые ступеньки перепрыгивала через одну, толкнула тяжелую дверь. В лицо ударил ветер с гор, наполненный запахами ночи и весны. Еще студеной, зябкий, но уже пахнущий талой землей на склонах, нагретых дневным солнцем, водой озер, освобожденных ото льда и острыми травинками, пробивающими залежалый снег.

От свежего воздуха полегчало. Вейн вдохнула полной грудью, подходя к высоким открытым окнам-бойницам. Смотреть отсюда было страшновато. Синие колющие звезды, что рассыпью сияли на небе, казались такими близкими, будто можно снять парочку и украсить ими волосы. Они были такие яркие — сине-зеленые и красно-желтые, словно огни пожаров...

Огни пожаров?!

Вейн присмотрелась. Красные точки на горизонте вовсе не были звездами. Это действительно огни. Сигнальные огни сторожевых башен Перевала.

Тревога, пока не ясная, мимолетная, сжала сердце. Там, за Перевалом был Излом...

Вейн еще мгновение смотрела на рваные вспышки огней, а потом бросилась обратно, на лестницу, на галерею. Скорее!..

— Александр! — закричала она. — Ксандр!

Он выбежал из дверей библиотеки, и Вейн поразились, какое чужое у него стало лицо. Мужчина, что целовал ее и дарил наслаждение, смеялся над ее шутками и играл в чартар, исчез. Сейчас на нее смотрел страж Лиги Камня, холодный и сосредоточенный.

— Сигнальные огни перевала... — выдохнула Вейн, перегнувшись через перила и глядя на него сверху-вниз. — Они горят...

— Я уже знаю, — по его лицу мимолетно скользнула усталость.

— Знаешь? — Вейн слетела вниз и застыла рядом, всматриваясь в его глаза. — Знаешь?

Он кивнул и твердо посмотрел ей в глаза.

— Вейн, оставайтесь в замке. Леран знает, что делать, перекроет все входы. Не бойся. Слышишь меня?

Она вдруг поняла, что на нем дорожный плащ и оружие.

— Но... как ты узнал? Ты должен уезжать? Куда? Что произошло? Это... нашествие?

Он торопливо сжал ей плечи, словно хотел заключить в объятия и не отпускать, но все же не сделал этого.

— Я скоро вернусь, Вейни. Темные перешли Излом, камень познания отразил всплеск темноты... Иди к Лерану, хорошо? И не бойся.

Она все смотрела и смотрела на него, пока не вернулось это... Страх. Удушливая волна паники, что сжимает горло и будит внутри что-то темное, неизведанное. Тянет душу, манит куда-то...

— Камень Познания... — выдохнула она. — У тебя он есть?

И тут до нее дошло.

— Темные перешли Излом? И ты идешь к ним? Ксандр!

Он чуть улыбнулся.

— Не бойся, Вейни, я обязательно вернусь. Но все разговоры придется отложить, не до того сейчас...

— Конечно. Только... возвращайся. Пожалуйста.

Он снова улыбнулся, заглянул ей в глаза, словно хотел сказать что-то еще. Приступ страха ударил Вейн изнутри с такой силой, что воздух разом вышел из легких, и в глазах потемнело. Она отшатнулась. Александр отодвинулся, развернулся и пошел к выходу. И чем дальше он уходил, тем легче ей становилось. Тьма отступала, отпускала душу Вейн, уползала змеей вслед за камнем познания - ее порождением.

Словно оглушенная, Вейн стояла в коридоре. Вокруг уже носились слуги, мелькали желтые огни масляных ламп, хлопали двери и скрипели засовы опускаемых решеток. Еще через полчаса гостеприимный замок оцетинился копьями, оскалился прутьями, хмуро прищурился узкими окнами, в которых заняли свои посты воины.

Подъемный мост пока был опущен, и по нему торопливо бежали за укрепленные стены замка жители деревни. Они неслись в криво застегнутых кожных пополах поверх ночных сорочек, в стоптанных ботинках на босу ногу, прижимая к себе плачущих спросонья детей.

Все знали, что означают сигнальные огни на башнях Перевала.

Ночь провели без сна. Сначала устраивали в нижнем зале жителей долины. Вейн и Люси наравне со слугами таскали вниз тюфяки и одеяла для женщин и детей, успокаивали плачущих. Мужчины почти все стояли на башнях, до рези в глазах всматриваясь в ночные дороги, сжимая в руках кто топоры с вилами, кто клинки. Другие помешивали в кадушках смолу, которой при нападении окатывают сверху врагов и поджигают.

Люси выглядела скорее взбудораженной, нежели напуганной. Вейн отводила глаза от лица сестры, не в силах смотреть на нее и в глубине души радуясь, что количество неотложных дел и забот не дают им возможности даже поговорить. Леран выглядел бледным и встревоженным. Его глаза горели нездоровым блеском, а на щеках расплзались лихорадочные пятна. Вейн осторожно тронула его за руку.

— Все будет хорошо, — с убежденностью, которой не чувствовала, произнесла она, — мы справимся.

Он посмотрел на нее с благодарностью и кивнул. Провел рукой по лбу, покрытому испариной. Рука заметно дрожала.

— Конечно, Вейн... Конечно... спасибо вам... тебе... за помощь.

— Все, кто пришел из долины, устроены в нижних залах или в пристройках. Места достаточно, к счастью. Я приказала зажечь камин и вскипятить воду. Многие продрогли, пока шли в замок, особенно дети... Мистрис Алесс знает рецепты согревающих отваров, ваша кухарка поможет ей. Можно будет отправить часть отвара на башни и к решетке, мужчинам. Пусть в Далькотте весна, но все же еще слишком холодно. А далеко не все они успели одеться, — она говорила спокойно, даже размеренно, обыденным тоном, не допуская ни нотки волнения. Леран, слушая ее, тоже успокоился и собрался с мыслями. И снова взглянул на нее уже чуть виновато. А потом вдруг обнял девушку и поцеловал в макушку.

— Спасибо, Вейн. Мне очень повезло с вами, виры ко мне так добры! Проверю, как дела у наших воинов.

Он торопливо развернулся, устыдившись своего порыва, и быстро пошел к лестнице. Вейн, закусив губу, посмотрела ему вслед. Да уж... Повезло.

От тетушки Руты пользы никакой не было, она только бегала, как квочка, среди испуганных женщин и утирала слезы кружевным платочком. Вейн отправила ее наверх, в свою комнату, чтобы не пугала собравшихся еще сильнее.

— Отдохните, — душевно велела девушка. — Вы нужны нам здоровой и бодрой, мистрис Рута.

— Ты права, деточка, — всхлипнула тетушка. — Кажется, мне лучше прилечь...

Зато мистрис Алесс проявила себя настоящим бойцом и до самой зари помогала кухаркам варить отвар, успокаивала детей, которые от одного вида строгой наставницы, тут же замолкали и прятались за юбки матерей.

Только когда первые лучи солнца окрасили горизонт, Вейн вздохнула свободнее и почувствовала, насколько устала. Как и многим, ей казалось, что при свете дня Темные не нападут.

Желтые огни сигнальных башен Перевала горели еще три дня. И за эти три дня Вейн почти не спала. Помимо забот, которые она обязана была выполнять, как нареченная Ленара, да и просто по-человечески, ее не отпускала тревога. Мысли бились в голове всполошенными птицами и не давали покоя. Стоило ей упасть на кровать в своей комнате, ожидая, что провалится в успокоительный сон, едва голова касалась подушки, как мысли возвращались и будоражили душу.

Странно, но напряженная обстановка и ожидание беды словно прорвали в Ленаре какую-то плотину, он стал гораздо смелее со своей невестой. Мог коснуться ее волос губами, стоя в тесном коридоре замка, или просто обнять. Мистрис Алесс, заставшая их, когда жених пытался поцеловать Вейн в губы, только улыбнулась и прошла мимо. Сама же Вейн жутко испугалась и сбежала, а потом весь день пряталась от нареченного, страдая от непонимания, что читала в его глазах. Она испытывала настойчивую потребность все ему рассказать, объяснить, что уже не может быть его нареченной. Хотела извиниться, но время было неподходящее. Совсем неподходящее. К счастью, таких проявлений чувств Ленара было немного. Как хозяин Далькотта, он почти все время проводил с мужчинами на башнях или решал какие-то мужские вопросы со старым одноглазым воином Крафтом. Так что все разговоры Вейн благоразумно решила отложить до лучших времен.

На третьи сутки на перевале загорелся зеленый маяк, и замок огласился криками облегчения и радости. Это значило, что угроза миновала, и Темные уничтожены. Жители долины бегом бросились в свои дома. Кинулись обхаживать, кормить и поить брошенную скотину, налаживать хозяйство. А замок потихоньку тоже вернулся к прежней жизни, и только Александра все не было.

— Вестник доложил, что отряд Ксандра отправили в столицу, — сообщил за ужином Леран, и Вейн застыла, не донеся вилку до рта. — Наверняка, с докладом королю. А жаль. Я надеялся узнать из первых уст, стоит ли верить зеленому маяку... Ну, будем надеяться, что стоит.

Доедать девушка уже не стала, аппетит пропал напрочь. И еще она понимала, что нужно поговорить с Люси, потому что избегать сестру и дальше не представлялось возможным.

После ужина Вейн поманила ее в свою комнату. Люсинда первым делом бросилась к шкафу, потянула оттуда красное платье для обручения.

— Надо сообщить родителям, — радостно прошептала она, прикладывая к себе яркую ткань. Закружилась по комнате. — Я стану хозяйкой Далькотта! Представляешь? Вейн, ты рада?

— Почему дер Александр сделал тебе предложение? — слишком резко спросила Вейн и сжала ладони, пытаясь сдержаться. Внутри медленно расплзалась темнота.

— Что значит, почему? — удивилась Люси. И ответила уверенно: — Потому что влюбился, конечно. Я давно это поняла... Все эти его взгляды, комплементы, приглашения на прогулку... — она мечтательно закатила глаза. — Знаешь, Вейн, он так смотрит, что я... У меня просто мурашки по коже. И у него такие сильные руки... Я не хотела тебе говорить, но дер Александр с самого приезда прохода мне не дает. Улыбается, смотрит, пытается поцеловать... Как думаешь, мы сразу после обручения поедem ко двору или чуть позже, летом? Я думаю, что лучше все же летом, тогда я успею заказать новые платья! Не может ведь хозяйка Далькотта явиться к королю в обносках. Надо отправить кого-нибудь на Перевал, пусть привезут оттуда шелка... Вейн, что с тобой? Тебе плохо?

— Все в порядке, — сквозь зубы ответила девушка, сжимая ладонями виски. Люси обеспокоенно тронула ее рукой, пытаясь заглянуть в зажмуренные глаза. — Вейн, ты пугаешь меня!

— Уходи, прошу тебя, — прошептала Вейн, не открывая глаз. — Мне просто... нужно побыть одной.

Она услышала, как с тихим шелестом упало на пол платье, а потом стукнула дверь комнаты. Только тогда открыла глаза и невидящим взглядом скользнула по красному платью на полу. Словно лужа крови... Подобрала со вздохом и убрала подальше. Разговор с сестрой не получился. Хотя, нужно ли это? Вейн уже не знала, что думать и как вести себя. И кому верить.

Дни тянулись невыносимо медленно и тоскливо. Леран все чаще предпринимал попытки сблизиться с нареченной. Он не понимал ее холодности и отстраненности и, кажется, уже начинал злиться.

Как-то после ужина он пригласил Вейн в кабинет для разговора, и даже мистрис Алесс с ними не пошла, лишь поджала губы и наказала воспитаннице вести себя достойно и не перечить нареченному. Ее тоже беспокоила столь явная неприязнь девушки к будущему мужу.

Вейн вошла и опустилась на краешек кресла. Сцепила руки, понимая, что вот он, тот самый момент, когда она все ему расскажет. Но... как? Где найти слова? И Александр все не возвращается...

Леран садиться не стал. Стоял у стола, тревожно поблескивая карими глазами и нервно постукивая ногой.

Вейн не выдержала первая:

— Леран, вы хотели поговорить со мной?

— Да... Вейн, мне кажется, мы уже достаточно узнали друг друга, чтобы назначить дату церемонии. Не вижу смысла тянуть дальше. Я хочу как можно скорее назвать вас своей... женой, лейна Вейн.

Она посидела, рассматривая свои ладони, потом вздохнула и встала.

— Леран, — начала она, — я должна сказать...

— Подожди! — он, заметно волнуясь, шагнул ближе и сжал ее руку. — Вейн, я ведь вижу, что с вами... с тобой что-то происходит. Ты стала холодна, отдаляешься от меня! И я боюсь, что знаю причину. Ксандр.

Она вскинула голову, чувствуя, что бледнеет. Леран снова сжал ее ладони и заговорил еще более торопливо:

— Вейн, ты не должна обращать на него внимания! Он слишком печется обо мне, понимаешь? Ксандр заменил мне родителей, он всегда заботился о моем благополучии... И то письмо.... Я с самого начала сказал, что все это неважно. Глупости, ты вовсе не легкомысленная и не распушенная, напротив, ты сама сдержанность, благородная, умная, красивая... Признаться, я не сразу это понял, и поначалу мне показалось, что мы

не подходим друг другу, но после... Сейчас, когда я знаю тебя лучше... Вейн, мне кажется, я тебя... То есть не кажется, я почти уверен, что я тебя лю...

— Леран, о чем ты говоришь? — перебила она его. — Какое письмо? Я ничего не понимаю!

— Письмо дера Вильнюса, — чуть помявшись, ответил нареченный. Он покраснел от того, что пытался сказать девушке, признаться в своих чувствах, но она совсем его не слушала. Со вздохом Леран достал из шкатулки бумагу и протянул ей.

— Это письмо прибыло в Далькотт раньше вас. Видишь, я откровенен с тобой, не хочу начинать семейную жизнь с ненужных тайн. Но ты должна знать, что это все совершенно неважно. Я не верю ни единому слову. Ты ни разу не дала мне повода так думать о тебе... Ты была очень сдержанной...

Вейн торопливо развернула письмо и впиалась глазами в строчки. Но они прыгали и путались, смысл слов все ускользал от девушки. Уверенный почерк, черные чернила, белая бумага...

«...Не могу не предупредить... с глубочайшим уважением к вам, дер Александр... прошу принять во внимание и принять меры... Лейна Вейнитта Брайнс — насквозь гнилое создание, за юным лицом которого скрывается дикий зверь... Распущенная и своевольная... Бросается на благородных деров... упрямая... дурно воспитанная... Проводит время не как подобает лейне, за шитьем и рукоделием, а в скачках по полям Талара в компании юноши... Неподходящая пара столь благородному деру, как... С искренним участием и наилучшими...»

Вейн выронила листок, с трудом удержавшись от желания брезгливо вытереть руки о платье, словно та мерзость, которую написал мстительный дер, испачкала ее.

Распущенная и своевольная... Бросается на благородных деров... О, виры! Какой ужас!

Она услышала быстрые шаги в коридоре, приветствия прислуги. Хлопнула дверь. Ксандр вошел уже без плаща, но все еще при оружии, значит, в комнаты еще не поднимался. Он быстро осмотрел бледную Вейн, растерянного брата и заметил листок на полу.

— Леран, выйди, пожалуйста, — спокойно приказал он. — Мне нужно поговорить с лейной.

Леран сделал два шага, но вдруг остановился и упрямо обернулся.

— Говори при мне, — вскинул подбородок. — Ты уже достаточно запугал ее, Ксандр!

— Леран, выйди.

— Нет! Ты много лет указываешь мне, что делать, брат! Но я уже давно вырос и могу сам решать, как поступать. Мне надоело жить по твоей указке, Ксандр! Я уже давно не ребенок! И я не верил этому письму, почти ...

— Тогда какого демона ты ей его показал? — рявкнул Ксандр, и Леран дернулся и побелел.

— Но я хотел, чтобы все было честно... Скоро состоится обручение...

— Не состоится, — со злостью произнес Ксандр, и Вейн посмотрела в его глаза.

— Конечно, не состоится, — равнодушно сказала она. — Вы подтвердили все свои подозрения, дер Александр? В отношении меня? Я оказалась достаточно... испорченной?

— Вейн!

— Вейн, что ты такое говоришь! Я очень хочу обручиться с тобой! Теперь... — горячо воскликнул Леран. Ксандр отодвинул его плечом, не пуская к лейне.

В дверь просунулось удивленное лицо Люси.

— Дер Александр, вы уже вернулись? — она вошла в кабинет, присела, приветствуя его.

— Я хотела обсудить с вами наше обручение...

— Не будет никого обручения! — мрачно отозвался Ксандр и обвел всех злым взглядом. Остановился на Вейн и шагнул к ней. Но она попятилась, стараясь не смотреть на него. — Вейн, нам надо поговорить, — твердо сказал он. — Леран, лейна Люсинда, прошу оставить нас одних.

Помявшись, они все же вышли. Леран все такой же бледный, Люси — недоумевающая. И как только за ними захлопнулась дверь, Ксандр шагнул к девушке, сжал в объятиях.

— Вейни, послушай... Это все какая-то глупая ошибка. Я поговорю с твоей сестрой, постараюсь тактично объяснить, чтобы не обидеть юную девушку. И с Лераном... Но все потом... Я соскучился по тебе, Вейн...

Ужас сковал ей нутро, сжал горло ледяными щупальцами, в глазах потемнело... Тьма внутри разливалась полноводной рекой, бурлящим потоком.

— Отпусти, — прохрипела она, пытаясь вырваться. — Я тебе не верю...

Ксандр смотрел с тревогой. От его объятий ей становилось только хуже. Вейн забилась в его руках, пытаясь избежать его поцелуя, и сама не заметила, как провалилась в темноту.

Она пришла в себя, открыла глаза, пытаясь вспомнить, как оказалась в своей комнате, на кровати. Сквозь приоткрытые гардины на окне пробивался утренний свет, ложился на пол узкими золотистыми полосами. Вейн потянулась, повернула голову и вздрогнула. Рядом, отвернувшись, лежал Ксандр и, похоже, крепко спал. Мужчина был все в той же дорожной одежде - в камзоле Лиги, и на темно-серой ткани расплзлось уродливое черное пятно.

Очень осторожно Вейн подвинулась к нему, но что-то остановило ее. С удивлением она подняла руки и непонимающе посмотрела на красные ладони. Почему они в крови?

— Ксандр? — хрипло от поступающего ужаса позвала она.

Еще не осознав до конца, но уже чувствуя, что случилось что-то жуткое, непоправимое... что ломает и выворачивает наизнанку нутро, после чего почти невозможно жить дальше...

Она снова позвала и придвинулась ближе, не сводя глаз с узкой рукоятки, торчащей из груди мужчины.

И вот тогда она закричала. От дикой боли, что разрывала сердце и убивала душу.

Далькотт

Вейн очнулась в сырой темнице. Она лежала на гнилом тюфяке, и тело сотрясилось от сильного озноба. Окон здесь не было. Только под самым потолком каменного мешка светлела крошечная дырка, через которую проникал в темницу воздух и толика дневного света.

Девушка заставила себя встать и подвигаться. Размахивая руками и ногами, она немножко согрелась, и в голове прояснилось. Дурман, что окутывал разум, почти исчез, и Вейн уже могла нормально подумать. Только стоило ей все вспомнить, как к горлу подкатилась тошнота, и она зажала рот ладонью, с трудом сдерживаясь. Ужас вмиг вернулся удушающей пеленой, погрузил в липкий туман. Тело Ксандра на светлом бархате покрывала. Рукоять ножа. И сама Вейн. Вся в его крови. Вся! Руки. Грудь. Даже лицо...

Она все-таки не сдержалась, метнулась в угол темницы. Ее стошнило. С трудом доползла до тюфяка, обхватила голову ладонями и завывала.

Следующие несколько дней прошли для Вейн как в тумане, сохранились в памяти рваными воспоминаниями, словно обрывки страниц из книги, не имеющие никакого смысла. Дурман не отпускал. Сознание так и норовило соскользнуть в спасительное беспамятство. Она даже ощутила некое недоумение, когда обнаружила себя посреди зала суда, со скованными руками, отвечающей на какие-то вопросы. Как она сюда попала, Вейн не помнила.

Судья в черном кудрявом парике и остроконечной шапочке выглядел весьма забавно. Девушка невольно улыбнулась, чем вызвала возмущенные перешептывания присутствующих.

— ... она еще и смеется. Убийца... — донеслось до нее.

— ... итак, вы признаете свою вину в совершенном преступлении, обвиняемая? — судья смотрел сурово. Она вздрогнула, осознав, что вопрос адресован ей.

— Каком преступление? — заикаясь, переспросила.

Судья нахмурился, отчего его сошедшиеся на переносице брови полностью повторили форму треугольной шапочки. Но улыбаться Вейн уже расхотелось. Она с ужасающей ясностью осознала, что судят ее. Более того, ее уже почти осудили.

— Вы признаете свою вину в убийстве дера Александра Далькотта, нареченном вашей сестры, совершенном из темной злобы и ревности?

— Ксандр не был нареченным Люси... — непонимающе пробормотала она.

Судья уже откровенно злился.

— Вейнитта Брайнс, ваша вина доказана полностью и подтверждена свидетелями. Остальное формальности. Я еще раз спрашиваю, вы признаете свою вину?

— Подождите, — пришла в себя Вейн. — Какими свидетелями? Кем подтверждена?

— Дером Ленаром Далькоттом. Он полностью подтвердил вашу причастность к убийству, потому что видел это гнусное злодеяние. Итак, я повторяю свой вопрос...

— Ленар подтвердил мою вину? — растеряно переспросила Вейн. — Но как... откуда... Разве он видел? Как я... О, виры!

Судья все-таки потерял терпение и стукнул по столу деревянной колотушкой.

— Вейнитта Брайнс, за совершенное злодеяние вы приговариваетесь к смертной казни через виселицу, и ваше тело...

Вейн беспомощно открыла рот, но не смогла выдавить ни звука, пока судья оглашал

приговор. Ее повесят? Как же так? Как такое возможно? Просто повесят? Ее тело будет болтаться, словно тряпка, чуть раскачиваясь на ветру, и каждый прохожий сможет в него плюнуть? И в памяти друзей и родных она останется убийцей? Бедные родители, бедная Люси... Как они станут жить с таким клеймом? Да весь Талар будет показывать на них пальцем! А ее несчастная сестра навсегда останется безмужней, потому что кто захочет взять в жены родственницу убийцы и развратницы, что делила ложе с чужим мужчиной? Дознаватели ведь и это выяснили...

Смутные воспоминания всплывали в глубине ее сознания. Кто-то, не так давно, тоже стоял вот так на помосте и беззвучно открывал рот... Бородатый мужчина в храме...

— Пойдите! — неожиданно громко вскрикнула Вейн, — я требую... требую Суд Света!

Судья поморщился и замолчал. Потом недовольно кивнул.

— Ваше право. Суд Света состоится на рассвете.

Ночь Вейн провела в своей темнице. Как приговоренной к смерти, ей даже принесли почти человеческий ужин, с мясом и ломтем хлеба. Последняя радость в земной жизни. Она медленно поела, а потом устроилась на тюфяке, обхватив коленки руками.

Завтра все закончится.

Ее жизнь закончится. Как глупо... и страшно. Интересно, это больно, умирать? Снова и снова вспоминалось, как бородатый мужчина отлетел к стене, а потом затих... Дожив до девятнадцати лет, Вейн ни разу не видела человеческую смерть. Слышала, конечно, но близко не сталкивалась. Единственный раз тогда, в Храме Света, когда судили убийцу.

Вейн провалилась в тяжелый сон, словно в омут, а уже через пару часов ее разбудил стражник.

Всю дорогу до храма Вейн жадно рассматривала окрестности сквозь решетки на окнах. В Далькотт пришла весна. Пахло первыми клейкими листочками и пролесками. Снег почти сошел, оголив черную землю с тонкими травинками, жадно тянущимися к солнцу. Один раз мелькнул на скале замок, и Вейн вцепилась руками в решетки, чтобы не закричать в голос.

— Руки убери, — лениво процедил ехавший верхов за экипажем стражник и щелкнул кнутом по решетке.

Узница торопливо отодвинулась.

В Храме Света, как всегда, было многолюдно. Вейн подавила в себе усмешку, вспомнив, как мечтала идти по этому проходу в красном платье обрученной. Не обрученная она. Обреченная... И в конце пути ее ждет не жених с любовью во взгляде, а удар о стену, что сломает ей шею. А дальше смерть.

Она вскинула голову, глядя прямо перед собой.

Люди расступались, давая дорогу ей и стражникам. Отовсюду слышалось:

— Убийца...

— Развратница...

— Тварь...

— Убила нашего господина... благодетеля...

— Еще и прощения захотела...

— Виры все видят...

Ни одного доброго взгляда, ни единого милосердного слова. Только презрение и ненависть. Вейн надеялась, что среди всей этой огромной толпы, среди моря людских

лиц, найдется все же несколько или хотя бы один человек, что не злобствует, а сочувствует ей. И желает милосердия. Но зло всегда громогласно, а добро молчаливо... И если здесь и был такой человек, он промолчал.

Когда Вейн поднялась на помост, она увидела родные лица и вздрогнула. Родители. Люси... Ленар. Наставница... Они все были здесь и смотрели на нее. Конечно, ведь сегодня день Вир.

Вейн непроизвольно подалась к ним и поняла, что не может пошевелиться. Наверное, это была какая-то магия, сковывающая ее по рукам и ногам, заставляющая стоять прямо. Даже звуки доносились до нее приглушенно, словно сквозь пыльную портьеру. Огромное людское море сузилось для девушки до нескольких лиц. Она смотрела на них, не отрываясь, пытаясь взглядом сказать, как она их любит, как хочет очистить свое имя ради их спокойствия, как ей жаль... как невыносимо жаль.

И не сразу осознала, что на лицах родных не видит ни поддержки, ни милосердия. Только ужас. Презрение. Стыд. Они стыдились ее и боялись запачкаться в грязи ее позора. Они хотели отгородиться от непутевой дочери, забыть о ее существовании, вычеркнуть из своей жизни навсегда. Они уже сделали это, не появившись в зале суда. А сюда пришли, не ожидая встретить здесь Вейн.

Да, она всегда была слишком резкой, порывистой, упрямой, не умела улыбаться, как очаровательная Люси, не терпела несправедливости, не умела прощать... Но разве не старалась стать хорошей дочерью? Разве не заслужила хотя бы доброго взгляда?

Жрицы уже пели, но Вейн их почти не слышала. Ее снова охватило оцепенение. Она смотрела на свет, льющийся через прекрасные витражные окна. На белые стены храма. На нарядные одежды и украшения. И только сейчас позволила себе подумать о Нем. Эти мысли она гнала от себя все время, пока сидела в темнице. Пока слушала судью и зубоскальство стражников. Пока шла по проходу храма. И только сейчас разрешила себе. Потому что эти мысли были больше даже страха за собственную судьбу.

— Камень Познания! — возвестила верховная жрица.

Четыре юные девы пронесли осколок на полотне и возложили на алтарь. Вейн вздохнула. Она уже не видела ни чужих лиц, ни родных. Только лицо Ксандра. В своих мыслях, в своем воображении. И он ей улыбался.

— Прости... — прошептала она и сделала шаг.

Магия, что сковывала ее, мешала, не пускала к камню, причиняла боль. Ей казалось, воздух уплотнился настолько, что напоминает каменную стену, сквозь которую она пытается пройти, сдирая кожу.

Шаг. Еще один.

Квадраты света, тихая мелодия из музыкальной шкатулки. Прикосновение теплых губ к кончикам пальцев. Обжигающая страсть и нежность... До самого нутра, до самой глубины.

Шаг.

Она протянула руку и коснулась осколка с благодарностью. Нет, умирать не страшно.

Пальцы кольнуло, и белый свет вспыхнул на кончиках, а потом охватил всю девушку. Сияние из белого превратилось в красное, как ослепительное зарево пожара, вошло в сердце раскаленной иглой, останавливая его.

И все застыло. Замерли люди, превратившись в восковые статуи. Завис голубь, пролетающий под куполом храма. Остановились в воздухе капли воды, так и не коснувшись поверхности ритуальной чаши.

По проходу шла женщина, и была она столь прекрасна, что Вейн невольно улыбнулась. Так лучезарна может быть только небесная вира. Точенная фигура в сияющих одеждах, золотые косы лежат короной вокруг головы, огромные глаза... Вира подошла ближе, заглянула девушке в лицо, и та вздрогнула, понимая. У красавицы в глазах плескалась

Бездна, черная и притягательная, бесконечная смертельная темнота. Она и была ею — Тьмой.

— Что ты можешь предложить за право жить в моем мире, Вейн? — тягуче и чуть насмешливо спросила женщина.

— Ничего, — с трудом выдохнула девушка. — У меня ничего нет. А даже если бы и было, я не хочу жить в вашем мире.

Красавица помолчала, задумчиво рассматривая ее.

— Почему же?

— Потому что не хочу быть проклятой Перерожденной.

— Разве это пугает тебя? — красавица улыбалась все так же безмятежно. — Разве ты боишься... темноты? И разве те, в ком тьмы нет, стоят на этом помосте?

Девушка опустила голову.

— У тебя есть очень многое, Вейн, — медленно произнесла Тьма и рассмеялась. — Я принимаю тебя. И даже одарю своими дарами, — она приблизилась, будто и не шагнула вовсе, а скользнула, не касаясь пола. Дотронулась до лба и рук осужденной. Улыбнулась. Но от этой улыбки Вейн пронзила дрожь ужаса: — А плату я возьму позже...

Тело девушки выгнулось от боли. Она закричала, не осознавая, что не издает ни звука. Но боль исчезла почти мгновенно, а Вейн поняла, что все еще стоит на помосте в храме, а на лицах людей презрение сменяется ненавистью. Время снова начало свой бег, и реальность вернулась. Перо голубя, кружась, опустилось перед ней на помост, и Вейн проводила его взглядом. Боль в сердце успокоилась, лишь запястья горели, словно там остались ожоги. Вейн с трудом подняла руки и недоуменно посмотрела на синие символы, что появились на обеих руках - перечеркнутая спираль.

— Суд света свершился, — даже верховная жрица не смогла скрыть своего отвращения. — Эта душа так темна, что виры не простили ее и не пожелали принять в свое царство. Отныне Вейнитта Брайнс проклята и забыта, ее душа принадлежит Тьме, а тело изгоняется за Излом. Навеки.

К ней скользнула темная фигура Перерожденного — проводника в Темный мир. И проваливаясь в темноту, Вейн успела уловить слова проклятия и увидеть глаза Ленара, который смотрел на нее с ужасом и звериной тоской.

Часть 2.

Темный Мир

Вейн очнулась и осторожно открыла глаза. Первое, что успела понять: она лежит на земле, на подтаявшем снегу, и ей жутко холодно. Девушка села и осмотрелась. Вокруг клочьями висел туман, вдалеке чернел лес.

Она поднялась, потопталась на месте, раздумывая, что делать дальше. Но ничего дельного в голову не пришло. И еще Вейн удивилась, что ей холодно и хочется есть. Разве мертвые должны испытывать такие чувства? Она ведь теперь нежить, мертвая, Перерожденная...

Девушка подняла руки и рассмотрела свои ладони. Грязные, с обломанными ногтями. И есть хочется все сильнее. Да и мертвой она себя не ощущала, как ни странно. Все чувства такие же, как при жизни, даже еще острее.

Она осмотрелась. Туман. Везде клочья серого тумана, сквозь который почти не проникает солнечный свет, словно время застыло в бесконечном сумраке.

На один миг налетел откуда-то холодный ветер, развеяв призрачную хмурию. Вейн ахнула. Она находилась у края самого страшного места на земле. Буквально в десяти шагах от нее зигзагом разверзлась земля, образуя Излом, разделяя мир. Бесконечный провал, страшная бездна, из которого вышло зло. И продолжает выходить...

Словно зачарованная, Вейн подошла к этой страшной и манящей пропасти. Несколько шагов, и она у края. Вейн застыла, напряженно всматриваясь в Бездну, не зная, что хочет в ней разглядеть. Но в пропасти было темно, лишь серыми клоками белел все тот же туман.

Интересно, как глубока эта бездна?

Словно очнувшись, Вейн отпрянула от края, отвернулась и быстро пошла в сторону темнеющего леса. Какой-то бесконечный миг, находясь у самого обрыва, она хотела прыгнуть, чтобы узнать, есть ли у Излома дно.

Вейн шла быстро, надеясь хоть так согреться и недоумевая, почему ее тело, умершее там, в Храме Света, так отчаянно мерзнет. И еще ее удивлял окружающий пейзаж. Конечно, она мало где была и видела только родной Талар, да Далькотт, но все равно то, что ее окружало сейчас, выглядело странно. Чем дальше от Излома она уходила, тем меньше становилось снега. А потом его и вовсе не стало, словно она перешла какую-то невидимую черту и из снежной зимы ступила в осень. Здесь землю устилали прелые, с примесью глена, листья, пахло мхом и болотом. Но было теплее, чем у бездны. А под деревьями клубился то ли туман, то ли пар, Вейн не разобрала.

Немного согревшись от быстрой ходьбы, она осмотрелась. Куда идти и что искать в мертвых землях, Вейн не представляла. Она старалась не задумываться, не вспоминать и даже не чувствовать, потому что любая мысль грозила обернуться новым потоком слез. Одно только понимание, что она идет по Мертвой Земле, населенной перерожденными, повергало ее в ужас. Правда, пока никого из местных она не встретила. А уже через пару часов Вейн начала думать, что было бы неплохо встретить хоть кого-нибудь, кому можно задать вопросы. Пусть и перерожденного.

Вокруг девушки все так же темнел чахлый редкий лес, с покореженными осинами и низкими сосенками, облепленными туманом. К нему Вейн уже тоже успела привыкнуть, даже перестала вздрагивать, когда он проплывал мимо, словно призрак. И по-прежнему никаких признаков жилья или людей. Или Темных.

Вейн шла, пока не почувствовала, что силы иссякли. Они просто закончились, и ни единого шага она больше сделать не сможет. Девушка села на мох, подтянув ноги и обхватив их руками. Раздраженно подумала, что могли бы и плащ какой-нибудь выдавать перерожденным, а заодно и карту местности, раз уж сама Тьма выбрала ее.

— Никакой заботы об избранных, — пробормотала она себе под нос. В животе заурчало. Значит, и чувство голода Тьма тоже не отменяет. Это грустно.

Противный туман плавал рядом, задевал холодными кусками белесого нечто, и Вейн отмахивалась от него, как от назойливых мух.

— Есть тут кто-нибудь? — пробормотала она.

В странном лесу было по-прежнему тихо. Ни птичьих трелей, ни шороха звериной поступи, ни шуршания белок в раскидистых лапах ели. Тишина. Мертвая.

Вейн передернула плечами. На нее накатила слабость, охватило оцепенение. Ни двигаться, ни даже думать сил не осталось. Вейн не заметила, как ее глаза сами собой закрылись...

«Посижу немножко и пойду дальше...» — подумала она, погружаясь в дрему.

...Яркий солнечный свет льется сквозь витражные окна. Как удивительно, но в Храме Света пусто. Где же все люди? Вейн идет по проходу, прислушиваясь к гулкому эху шагов. А впрочем, какая разница? Она поднимает глаза и видит впереди Его. Своего нареченного. Своего единственного. Любимого. Александра. Она спешит к нему, торопясь как можно скорее оказаться рядом. И он подхватывает на руки, целует в шею, щеки, губы... но почему-то ей холодно. А Ксандр все целует, и ей становится все хуже от его поцелуев...

И странно, ведь ее нареченный — Ленар... А Ксандр умер.

Вейн открыла глаза и от неожиданности заорала от ужаса. На нее всем телом навалился мужчина и жадно облизывал ее лицо и шею. На ее крик он почти не отреагировал, лишь на миг поднял голову, и Вейн снова заорала, увидев совершенно нечеловеческое лицо. Оно было похоже на алебастровую маску, восковой слепок с настоящего лица. В нем не было ни одной живой черточки и ни одной краски. И глаза... в них совсем не было радужки. Чуть желтоватые белки пересекались одной вертикальной чертой - красной. Перерожденный. И, кажется, он собирается ее выпить.

Вейн дернулась прочь, не чувствуя, как затрещало платье. Сама не поняла, как вырвалась из его захвата и понеслась по лесу, молясь вирам, чтобы не споткнуться о какой-нибудь корень. Черная тень догнала ее уже через десять шагов и снова молча повалила на землю. Темный прижал ее к земле, прямо к мокрому и склизкому мху, сдавил, чтобы она не дергалась, и снова припал губами к ее шее.

— Пусти! — заорала Вейн, отчаянно молотя ногами и руками.

Перерожденный ей не ответил. Он вообще не произнес ни слова, и сейчас Вейн отчетливо понимала, что он действительно мертвый. Кажется, даже тока крови и дыхания его она не улавливала. Тяжелое холодное тело вдавливало ее в землю. Она вдруг подумала, что это к лучшему. Ну куда она идет? Зачем? Что ждет ее впереди? Она проклятая, и самое лучшее для нее — умереть. Хотя, разве она умирает? Ее целуют... Целуют... Губы Темного так нежны, так сладки... Почему он целует шею? Она хочет подставить ему губы. Или грудь... все тело... Он целует...

Только один мужчина целовал так, что кружилась голова...

Ксандр. Но он умер... почему-то. И теперь есть этот Темный, и его поцелуи нежны...

Она не поняла, что произошло, и почему прекрасный Перерожденный вдруг отлетел от нее и приземлился на четвереньки, оскалившись. Вейн села, с недоумением осмотрелась. В голове царил туман, такой же серый, как хлопья на ветках. Она изумленно ахнула, увидев еще одного мужчину. Он резко переместился, взмахнул тонким клинком, словно серебряной плетью. Голова с белыми глазами и вертикальной чертой вместо радужки отделилась от тела и покатила в сторону. Мужчина в плаще деловито присел на корточки рядом с обезглавленным телом и принялся что-то шептать. Потом поднял отрезанную голову, осмотрел ее и сунул в свой мешок.

Очень тихо, стараясь не привлекать к себе внимания и даже не дышать, Вейн отползла в сторону. От влажного мха платье совсем промокло, и юбка противно липла к ногам,

ужасно мешая. Но девушка упорно ползла, сдерживая вопль ужаса, что дрожал где-то в горле. Она почти достигла чахлого кустарника, за которым темнел овраг, когда фигура в плаще закончила шептать и поднялась. А потом в два шага оказалась перед девушкой.

И откинула капюшон.

— Далеко собралась? — хмуро спросил мужчина, и она вздохнула. По крайней мере, у него были глаза. Обычные человеческие глаза, светлые, словно мед. И лицо тоже человеческое, а не алебастровая маска.

Совершенно не церемонясь, мужчина обхватил пальцами ее подбородок и поднял лицо к свету. Внимательно осмотрел, скривился и вложил клинок в ножны. А потом поднялся и невозмутимо пошел прочь. Вейн изумлено посмотрела ему вслед. Да, с этикетом здесь туго.

— Подождите! — воскликнула она и торопливо вскочила, боясь, что и этот человек растает тенью, а она снова останется одна. — Подождите же!

Мужчина не реагировал на ее крики, продолжал уходить все дальше.

Подобрав юбку, Вейн догнала его и возмутилась:

— Остановитесь! Вы что, не слышите? Неужели трудно проявить обычную вежливость, когда вас просит об этом лейна?

Мужчина хмыкнул.

— Недавно за Изломом? — он не спрашивал, утверждал. — Если ты еще не поняла, лейн здесь нет. И деров тоже. Да и с вежливостью проблемы.

— Вы человек?

Он снова хмыкнул.

— Что вы все хмыкаете? Нормально можно ответить? — снова возмутилась она. Вейн так устала, что ей уже было неважно, что говорить, лишь бы не оставаться снова одной в этом лесу. Он вдруг резко остановился и развернулся к ней.

— Слушай, лейна, отстань, а? Иди куда шла. И можешь даже не благодарить, что я не дал Темному тебя сожрать. Все равно не для тебя старался.

И отвернувшись, он быстро принялся петлять между деревьев, ловко обходя коряги. Вейн бросилась следом и, уже не стесняясь, схватила его за руку.

— Подождите! Стойте! Я благодарю вас, конечно, благодарю! Я совсем не понимаю, что происходит, не знаю, куда идти и что делать! Не уходите, прошу вас! Вы же человек! Не Темный!

— Прости, я ничем не могу тебе помочь, — с легким сожалением произнес он, но шаг чуть замедлил. — Могу лишь посоветовать идти на север, там есть небольшое поселение.

— Я не знаю, где север! И не умею ориентироваться в лесу! Мне страшно!

— Из благородных, вот тьфу... — сплюнул мужчина. — Да еще и девчонка... и человеком осталась. Не повезло.

— Я человек? — обрадовалась Вейн. — Вы уверены? То есть я не стала Темной? О, хвала великим вирам! Свет пожалел мою душу, сберег ее!

— Еще и дура к тому же. Совсем беда, — покачал головой блондин.

— Я — не дура! — Вейн окинула мужчину возмущенным взглядом. — Я просто ничего не понимаю! Поэтому и прошу вас объяснить! И вместо того, чтобы грубить, вы могли бы просто мне помочь, как и подобает мужчине!

— Так я помог, — хмуро сказал он и снова сплюнул. — Эх, беда с вами, благородными. Простой люд-то поскорее приспособливается, мозгов поменьше, зато смекалки

побольше. А благородные все на вир уповают, да на справедливость... А нету ее тут. Впрочем, все вы такие. Потом разберешься, если раньше не сожрут.

— В чем разберусь? — пролепетала Вейн.

— Во всем. Прежде всего в том, что нет никакого света. И вир нет. Есть только Тьма.

— Вы врете! — возмутилась она. — Зачем? Я же была на Суде Света! И свет не принял меня...

— Нет никакого Света, — жестко повторил он, — и выбирает Тьма. Когда человек прикасается к Камню Познания, это Тьма решает, нужен ли ей очередной Перерожденный. Тьма. И выбирает она не так уж и часто. У большинства людей души и помыслы так мелки и ничтожны, что даже Тьме они неинтересны. Тьме нравятся сила и мощь, она любит страсти и одержимость, яркие сны или чистую ненависть... Ей нужно то, что редко и оттого ценно. Правда, ей неважно, что это: чистая доброта или редкостная жестокость. А если учесть, что к камню прикасаются только осужденные... Доброта здесь почти не встречается.

— Почему вы сказали, что мне не повезло? Это ведь счастье, остаться человеком? — Вейн пошла рядом, тихо радуясь, что он хотя бы с ней разговаривает.

— А ты как думаешь? — ехидно спросил он. — Ну, чему вас, лейн, ваши мистрисы учат? Танцульки танцевать? Да потому что каждый, кто прикасается к Камню Познания, получает силу. Перерождается. Ну, почти каждый. Другие остаются людьми и становятся кормом. Вот и все.

— Как кормом? — побледнела девушка.

— Так. В мертвых землях нас называют эри. И мы - пища для Перерожденных. Вот так, лейна. Кому-то и после смерти не везет, — он невесело усмехнулся и ускорил шаг.

— Но разве стать Перерожденным лучше? — недоумевающее спросила она. — Мы все-таки остались людьми!

— Если ты не заметила, то находишься на той стороне Излома, где обитают Темные, — хмыкнул он. — Так что принадлежность к людям тут не великая радость, уж поверь. Ну, сама поймешь, если проживешь достаточно долго. Одичалых вокруг полно, а они в отличие от Темных, совсем безумные.

— Кто такие Одичалые? — совсем запуталась Вейн. — Тот, которого вы убили, был Одичалым?

— Ага, — кивнул блондин и устало почесал подбородок, заросший колючей русой щетиной. — Одичалые те, кто долго не кормились. Такие уже ничего не соображают и выпьют досуха за раз. Не остановятся, пока весь свет не вытянут.

— Свет?

— Свет жизни. Саму жизнь. Силу. Питаются они так.

— О, виры... — выдохнула Вейн. — А я думала, он меня целует...

— Ага. До смерти зацелует и не подавится. Ну ладно, поболтали, и хватит, некогда мне. И он ускорил шаг. Вейн побежала за ним.

— Вы что же, меня тут одну оставите? В этом лесу? Где полно этих одичалых?

— Ага.

— Так они же меня съедят! Выпьют!

— Ну, я же говорю, не повезло.

— Да вы хуже этих Одичалых! — в отчаянии воскликнула Вейн. — Они хоть безумные, а вы? Знаете, что я здесь погибну, и спокойно уходите?

— А ты меня решила пристыдить, что ли? Да жизни поучить? — презрительно посмотрел на нее он. — Нашлась наставница.

Вейн беспомощно смотрела, как он уходит. А чего она ожидала? В мертвые земли не попадают хорошие и благородные люди. Только убийцы, грабители и мерзавцы. И она теперь одна из них. Значит, нужно перестать ждать помощи или спасения, не будет этого. Хоть от одичалого освободил, и за то спасибо. Нет здесь благородных дерев и невинных лейн, и чем быстрее она это осознает, тем лучше. Для нее. Потому что умирать Вейн перехотелось.

Она снова подобрала юбки и кинулась догонять мужчину. Подбежала и бесцеремонно дернула его за рукав.

— Я заплачу вам, — решительно сказала она. — Помогите.

— Чем же это? — хмыкнул он. — Девичьей честью, что ли? Так ты не в моем вкусе.

— Нет, — резко ответила она и сняла с шеи цепочку с подвеской, единственное, что у нее осталось: — Этим.

Он бросил короткий взгляд на драгоценный камушек и хмыкнул.

— А кто мне помешает просто так твою безделушку забрать? А, лейна? Да тебя под корягой прикопать, чтобы под ногами не путалась? Надоела...

Вейн растерялась. Действительно, что ему мешает?

— Так сделайте это! — твердо сказала она и решительно посмотрела ему в глаза. — Сделайте. Убейте и закопайте. Лучше умру от рук человека, чем меня сожрет Темный!

Блондин усмехнулся.

— Ну, как пожелаешь, лейна, — и, вытащив свой клинок, с ухмылкой шагнул к ней. И решительная Вейн совершенно по-девчоночьи лишилась чувств.

Приходила в себя Вейн тяжело. Сознание упорно стремилось остаться в спасительном небытии и не возвращаться в ужасающую действительность. Но на голову полилось что-то холодное, и она, вздрогнув, открыла глаза.

— Очнулась, воительница? — хмуро спросил блондин. — Вот всегда с вами, девками, так. Храбрые да бойкие, а как до дела доходит, или в слезы, или в обморок. Фу! — он презрительно сплюнул.

Вейн села и потянулась к бурдюку, из которого он брызгал ей в лицо водой.

— Дайте попить, пожалуйста, — хрипло попросила она. Он молча протянул воду и подождал, пока Вейн жадно напивалась.

— Спасибо, — тихо произнесла она, глядя, как он поднимается с поваленного дерева, на котором сидел.

Вейн молчала, понимая, что проиграла. Что еще она могла ему предложить? Кулон мужчину не заинтересовал. Может, в Темном Мире золото не в цене? А больше у нее ничего не было.

Он обстоятельно закрутил крышку бурдюка, убрал в заплечную сумку и накинул капюшон.

— Я иду быстро. Отстанешь, сама виновата. Не жаловаться. Ничего не просить. Делать все, что я говорю, и не задавать вопросов. Довежу до Барта, дальше сама. Поняла?

Она вскочила и от радости чуть не бросилась его обнимать.

— Поняла! Поняла! Спасибо!

Он поморщился.

— Называть как?

— Вейн...

— Можешь называть меня Дир. Ну, пошли, Вейн...

Он действительно шел быстро и ловко, и ей пришлось почти бежать следом, задыхаясь и путаясь в юбках. Но девушка не жаловалась и упорно шла рядом, утешая себя тем, что при таком движении не так холодно.

Дир молчал, и она тоже не разговаривала, берегла дыхание. Иногда он останавливался и внимательно осматривал землю, деревья или рисовал на них загадочные знаки. Тогда Вейн просто приваливалась к ближайшему стволу, с трудом переводя дыхание и чувствуя, как дрожат ноги. Порой ей казалось, что она все же умерла, таким непонятным и чужеродным был этот новый мир. Но боль в утомленном теле и настойчивое урчание в животе возвращали ее в действительность и не позволяли забыться.

Когда ее провожатый остановился на поляне и начал деловито разжигать костер, Вейн чуть не застонала от облегчения и без сил повалилась на корягу. Привал... Хоть полчаса передышки. Спасибо вам, небесные виры!

— Чего застыла? — грубо окликнул ее мужчина. — Бери бурдюк, иди за водой, там ручей. И хвороста набери, да посуше.

Она с трудом встала, сжав зубы, чтобы даже вздохом не показать, насколько устала. Выпрямила спину, подняла подбородок и пошла туда, куда он показал. Мужчина проводил ее мрачным взглядом.

У ручья Вейн умылась, опустила в холодную воду дрожащие руки. Но долго задерживаться не стала, слишком страшно. К тому же день клонился к закату, и на сумеречный лес мягко опускалась темнота. И ей казалось, что за каждым деревом притаился Одичалый или просто голодный зверь. Торопливо набрав воду и захватив по дороге какие попались сучья, она бросилась обратно на поляну.

Дира не было. Костер горел, освещая маленький пятячок пространства. А вот мужчина ушел.

Вейн села на корягу и закрыла лицо руками. Значит, все-таки бросил. Наверное, она шла недостаточно быстро, мешала ему. Она посидела так с минуту, а потом решительно встала. Хватит. Время слез закончилось. По крайней мере, у нее есть огонь, чтобы обсохнуть и согреться, и бурдюк с водой. Для той, что умерла, уже неплохо. Эх, еще бы нож...

Она подошла ближе к огню, подбросила хвороста, стараясь выбирать тот, что суше. Хотя в этом лесу, все было слишком сырым и влажным. Огонь чадил, трещали влажные ветки, но все же согревал, а значит, продлевал жизнь.

Вейн обошла поляну, внимательно осматривая в сгущающихся сумерках деревья и кустарники, надеясь увидеть хоть что-нибудь съедобное. Может, ягоды, или грибы. Но нашла только жухлые листья на одной из веток. Пробовала пожевать и выплюнула, скривившись.

Что ж, значит, сегодня придется обойтись без еды. А завтра она что-нибудь придумает. Обязательно. А пока стоит позаботиться о ночлеге.

Ночной Охотник притаился в густой тени леса, наблюдая за девушкой. Что ж, характер у нее есть. А самое главное, жажда жизни. Значит, она может пригодиться.

Он знал, что многие люди, попадающие за Излом, ломаются в первый же день. И возиться с такой он бы не стал. Потому что девушка даже не представляла, насколько медленнее обычного он сегодня шел. Да и не нянька он, чтобы спасать отчаявшихся лейн, да сопли им подтирать.

Но у нежной на вид девчонки оказался упрямый характер и сила воли, которую не часто встретишь. К тому же, в отличие от мужчин, у женщин есть одно ценное качество: умение приспосабливаться и прогибаться под обстоятельства. Так что из девчонки могло получиться что-нибудь дельное.

Понаблюдав достаточно, он, как ни в чем не бывало, вернулся на поляну, насвистывая веселую мелодию. И усмехнулся, когда Вейн лишь посмотрела на него коротко, ничего не сказав, и никак не выказав ни своего отчаяния, ни радости от его возвращения. Просто кивнула и продолжила раскладывать сухие лапы ели, что натащила с края поляны.

— Ужин, — сказал Дир, бросив к ее ногам тушку какого-то зверька. — Умеешь разделывать?

— Нет, — спокойно ответила девушка. — Но если дашь нож и покажешь, научусь.

Он снова усмехнулся. Да, из девчонки вполне может выйти толк.

Два дня слились для Вейн в бесконечную череду коряг, деревьев, оврагов и зыбких болот. Один раз она увидела странное создание, застывшее на кочке: похожее на жабу существо с тремя глазами и размером с упитанную кошку.

— Во имя света! — испуганно выдохнула она. — Что это?

— Кряка, — равнодушно ответил Дир. — Они не опасны. Но могут плюнуть ядовитой слюной. Не убьют, конечно, но если попадет в глаза, на пару дней ослепнешь. Так что лучше не подходить близко.

— Но... Я не знала, что такие животные бывают, — пробормотала Вейн, наблюдая, как кряка спрыгнула с кочки в топь и пропала. — Никогда о таких не слышала.

— За Изломом они не водятся, — пожал плечами ее провожатый.

Вейн настороженно посмотрела на мужчину.

— А ты давно здесь, в Мертвых Землях?

— Давно, — коротко ответил он и не стал ничего уточнять.

Больше девушка решила не спрашивать. Ведь о себе она тоже не торопилась рассказывать.

Говорили они вообще мало. Вейн берегла силы и дыхание, а Дир, похоже, был не слишком разговорчив. Или просто не хотел с ней общаться. Правда, отвечал, если Вейн спрашивала, и на том спасибо.

— Что такое Барт? Ты сказал, что проводишь меня до Барта.

— Небольшое поселение. Но там есть эри, они тебя всему научат и определят.

— Чему научат? Подожди, есть люди? Значит, и Темные тоже есть?

— Конечно. Это их мир. А эри тебя определят к кому-нибудь из них. Ты молодая, силы должно на долго хватить.

Вейн резко остановилась.

— Подожди. Дир, то есть ты меня сдашь этим эри, а они меня отдадут какому-нибудь Темному, чтобы он мною питался? Так что ли?

— Так.

— Я никуда не пойду, — нахмурилась Вейн.

— Не иди. Я тебя и не держу, вроде, — пожал плечами мужчина.

— Дир! Но я не хочу стать кормом для сумасшедших Перерожденных! Неужели люди с этим могут смириться? Я этого никогда не приму!

— Не принимай, — Дир хмыкнул. — Всем на это наплевать, поверь. Здесь каждый просто пытается выжить.

— Но надо же что-то делать! Так же нельзя!

— Ага, напиши жалобу королю и отправь с голубем через излом, — заржал мужчина. — Ну, или можешь самой Тьме претензии предъявить, вдруг она тебя услышит и обратно вернет?

— Я серьезно! — возмутилась она. — Никому не позволю мною... питаться! Лучше умереть!

— А кто тебе мешает? У тебя будет много возможностей так и поступить, — усмехнулся он. — Но ты хочешь жить, а значит, смиришься, как и все. Подожди, еще понравится.

Вейн вспомнила свои ощущения, когда ее пил Одичалый, и смутилась. А ведь действительно, в какой-то момент она испытала наслаждение.

— Да, Тьма - большая затейница, — неожиданно зло произнес Дир и, отвернувшись, быстро пошел вперед.

Вейн побежала следом. Она решила пока идти с ним, потому что лучше с провожатым в загадочный Барт, чем одной неизвестно куда. А потом, на месте она уже разберется, что делать дальше. По крайней мере, там люди, дома, тепло... и Перерожденные. Она вздохнула. Уже то, что в Темном Мире есть поселения, для нее оказалось новостью. Почему-то она никогда не задумывалась, как живут те, кто попадает за Излом. В ее представлении они просто становились дикими животными, без разума и чувств. Рыскали по лесам, наподобие шакалов.

Впрочем, как объяснил Дир, Одичалые так и делали. У тех же Темных, кто сохранил разум, были не только города, но структуры власти - круг Смотрящих, куда входили самые сильные Перерожденные этого мира. Вейн испытала настоящий шок, поняв, что за Изломом находится не дикий лес, населенный безумцами, а целое королевство.

— Но почему никто не пытается вернуться к людям? Ведь есть же способ? Бывают нашествия Темных, которые переходят Излом... Все это знают!

— Перейти Излом удастся только Одичалым, — зло ответил Дир, — и то непонятно как. Разумные не могут. Только Проводники, но их очень мало и они связаны клятвой жизни. Тьма позаботилась о том, чтобы мы не могли вернуться... Думаешь, если бы могли, оставались здесь? Говорят, Круг Смотрящих знает как... Да только... Даже если ты и вернешься, как думаешь, что сделают люди, увидев на твоих руках знаки Тьмы?

Вейн грустно кивнула. Да, стоит хоть кому-то заметить на ее запястьях спираль, и ее тут же свяжут и запрут в подвале до приезда легионеров. А те... тоже не пожалеют. И всю свою жизнь Вейн горячо это поддерживала, слишком велик был страх людей перед Темными.

Она почувствовала, как душу наполняет отчаяние. Все же Вейн не верила до конца, что все, что случилось с ней, необратимо. Постоянно казалось, что это лишь временные трудности, беда, которая как-то разрешится, пройдет, надо только перетерпеть и переждать. Но теперь она с ужасающей ясностью осознала, что никакой дороги назад нет. Она больше никогда не вернется в мир людей, не увидит родных, не прогуляется по родительскому саду, не посмеется с Люси...

— О, свет...

Она опустилась прямо на землю и уткнулась лицом в колени. Желание разрыдаться стало нестерпимым, и Вейн задышала, как собака после бега, чтобы сдержать рвущиеся из глаз слезы.

— Что, дошло наконец? — хмуро спросил Дир. — Ну, пореви, легче будет.

— Не будет мне легче, — глухо отозвалась Вейн и резко встала. — Пойдем. Со мной все в порядке.

Темный Мир

На второй день лес закончился, и они вышли на дорогу.

— Если повезет, встретим обоз с людьми. Тогда будешь в городе уже к вечеру.

Но, похоже, тьма не слишком берегла свою избранницу. Стоило им только повернуть, как навстречу вылетел всадник.

— Молчи и засунь это в рот. Быстро!

Дир протянул ей круглый камушек, и Вейн послушно сжала его губами. Во рту разлился мерзкий вкус чего-то протухшего.

Вейн настороженно осмотрела приближающегося мужчину. На нем был черный плащ, под которым виднелись кожаные штаны и темно-коричневая рубаха. На плаще вышит синей нитью знак тьмы. Она заглянула в его глаза, когда он подъехал ближе: радужка присутствовала, но была обведена красным.

— Тьмы вам в помощь, харис, — спокойно поприветствовал их Дир.

— И тебе, эр, — ответил всадник. — Куда направляетесь?

— В Барт.

— Свободные?

— Нет. Проживаем у Северного Оста.

— Покажи метку.

Дир отодвинул рукав, обнажая запястье. Возле синей спирали темнел ожог клейма.

— А она?

Перерожденный посмотрел на девушку, и та вздрогнула от его жадного взгляда.

— Больна она, харис, — грустно ответил Дир. — Мы потому и идем в Барт, что не лечат у нас тоскучую немощь. Уже трех эров потеряли. Харис повелел хоть эри спасти, сами понимаете, девчонки у нас редкость. А я уже немощью болел, так что не заражусь.

Темный принялся и торопливо отъехал подальше.

— Ладно, идите на запад Барта, к Косой Морде. У него лучшие средства от немощи.

Дир вежливо кивнул, а Темный прищпорил лошадь и вскоре скрылся за лесом. Вейн с облегчением выплюнула камушек.

— Что это за гадость?

— Окаменевший навоз летух, — засмеялся Дир. — Но против Темных помогает. От влаги и тепла разбухает и воняет, как больные немощью, а эту хворобу перерожденные сильно не любят!

Вейн торопливо вытащила из мешка бурдюк с водой и прополоскала рот. Возмущаться было глупо. Она понимала, что только что Дир спас ее от Темного.

— Спасибо, — сказала она, отдышавшись. Мерзким запахом, кажется, провонялись все внутренности.

— Подними камень и спрячь, еще пригодится, — усмехнулся Дир и добавил презрительно: — Повезло, что Темный глупым оказался и без особой силы. Так, по мелочи, на легкий транс только и способен.

— А что, у всех Темных разная сила?

— Конечно. Чтобы много получить, надо много отдать. Мало кто на это решается. Все,

хватит вопросов. Идем.

К ночи они достигли ворот города, но, к удивлению девушки, не стали входить, а двинулись вдоль стены. У Вейн было море вопросов, она так многого не понимала, но Дир хмурился и разговаривать не хотел. Так что и она замолчала. Даже не спрашивала, куда они идут. А мужчина все шагал и шагал, пока не дошел до колючих кустарников. Деловито осмотревшись, он стал продираться сквозь них. Девушка со вздохом последовала его примеру. Добравшись до стены, она увидела, что часть кладки отсутствует. Ее провожатый ужом скользнул на другую сторону, и Вейн пришлось сделать то же.

— А через ворота нельзя войти? — спросила она.

Он наградил ее красноречивым взглядом.

— Да поняла, поняла, не надо так смотреть, — пробормотала Вейн. — Дальше куда?

Он, не отвечая, ушел. За стеной было пустынно и тихо, а еще грязно и воняло нечистотами. Впереди маячило деревянное здание, с заколоченными окнами и сгнившим крыльцом. Как поняла Вейн, к нему-то они и направлялись. Быстро осмотревшись, мужчина залез рукой под порог, прямо в гнилую труху и вытащил оттуда ключ.

— Прошу вас, лейна, — хмыкнул он, распахивая дверь.

— Благодарю вас, светлый дер, — с достоинством кивнула Вейн и вошла в дом.

Внутри пахло плесенью и мышами, но это был дом, с крышей, стенами и очагом, и оттого он сейчас казался почти дворцом.

— Чей это дом?

— Ничей, — резко ответил мужчина, скидывая с плеч мешок и снимая плащ.

Вейн промолчала. Она уже поняла, что Дир не любит личные вопросы. Лишь искоса посмотрела на мужчину и вошла в коридор.

Домишко был маленький - основная комната, где мужчина пытался разжечь огонь в очаге, и еще одна, малюсенька, похожая на чулан. Здесь не было даже окна, зато имелся тюфяк. Девушка легла на него и блаженно зажмурилась. Она дала отдых уставшему телу, борясь с соблазном свернуться калачиком и уснуть. С углов свисала мохнатая паутина, и почему-то Вейн порадовалась, что даже в мертвых землях водятся обычные пауки, плетущие свои сети в заброшенных домах. Она лежала, чувствуя, как ноют натруженные мышцы, и кружится голова. Но совесть не позволила отдыхать слишком долго. Возможно, Диру нужна помощь? И еще неплохо бы хоть немного смыть с себя грязь.

Вейн заставила себя подняться и выйти в комнату с очагом. Ее спутник уже разжег огонь, от живого тепла стало гораздо уютнее. Самого мужчины не было видно, зато зияла дыра подпола. Вейн заглянула в темный провал.

— Дир? Ты там?

— Лови, — донесся до нее глухой голос, и на доски вывалился темный мешок, в котором что-то звякнуло.

— Что это?

Она присела на корточки, развязывая веревку. Внутри обнаружились сухие грибы и корешки, проросшая сморщенная картошка и несколько морковок, а также темная бутылка и склянка топленого жира.

— Ужин, — обрадовалась Вейн и усмехнулась. Еще совсем недавно она морщила нос, когда куропатки были недостаточно прожарены. Девушка решительно тряхнула головой, отгоняя воспоминания.

Из темного лаза показались мужские руки, и Дир, подтянувшись, вылез из подпола.

— Ага, — ухмыльнулся он. — Где-то и котелок был, сейчас найду.

— Мне бы руки помыть, — робко попросила Вейн. — И лицо.

— Здесь недалеко колодец есть, я схожу.

— Спасибо.

— Все равно без воды похлебку не сварить, — пожал он плечами. — Овощи пока почисти. Только тонко кожуру снимай, поняла?

Он ушел к колодцу, а Вейн уселась у огня. Она старалась чистить картошку, как он показал, но у Дира выходило тонко-тонко, словно не кожура, а пергамент, у Вейн же она отлетала кусками. Мужчина вернулся с ведром воды, налил в котелок и отобрал у Вейн нож.

— Беда с вами, благородными, — сквозь зубы процедил он. — Руки из... хм... растут. Кроме танцулек ничего не умеете. Сейчас вода нагреется, умоешься.

Она благодарно кивнула. Вейн не обижали его слова. Чего ради дуться, если он прав? Чистить картошку ее никто не учил, да и подумать об этом когда-то было смешно. Так ведь и руки испортить можно...

Девушка с грустным смешком осмотрела свои грязные и ободранные ладони с обломанными ногтями. Какими же глупостями когда-то была забита ее голова! Боялась руки испортить, надо же.

Она невидяще уставилась в огонь. Все это время: пока она шла, убегала от опасности, дрожала от ужаса, было легче... не думать. А стоило остановиться, как воспоминания навалились, словно глыбы камней, придавили, грозя расплющить.

Музыкальная шкатулка... Серебряные глаза... У тебя такой красивый смех, Вейн...

— Вода нагрелась, — хмуро сказал Дир.

Он принес небольшую лохань, поставил у огня. Подвесил над очагом котелок с похлебкой. И вышел, прихватив с собой бутыль.

Вейн неуверенно оглянулась на полог, заменяющий в комнате дверь, потом махнула рукой и разделась. Торопливо обмылась, вытерлась нижней рубашкой и с тоской посмотрела на грязное и местами рваное платье. Но выбора не было, пришлось снова влезть в черный балахон, что ей выдали в темнице. Как смогла, постирала сорочку и развесила у очага, надеясь, что до утра она просохнет.

— Дир, я умылась, — позвала она, откидывая полог.

— Ну вот, всю воду истратила, — недовольно пробурчал он, входя в комнату.

— Прости, — смутилась она. — Я не подумала, что нужно тебе оставить, — с волос текло, и Вейн перекинула влажные пряди за спину, чувствуя, как неприятно капает за ворот вода.

— Беда с вами...

— ...благородными! Я знаю, Дир! И сама принесу тебе воды. Я ведь извинилась!

Вейн схватила ведро и принялась переливать грязную воду из лохани.

— Только это сейчас вылью...

Он молча отобрал у нее лохань и вышел из комнаты. Вейн с ведром кинулась следом.

— Ты только скажи, где колодец? — крикнула она, направляясь к двери.

Мужчина так же молча отобрал у нее и ведро. Сюда почти не проникал свет от очага.

Окна заколочены, да и вечерний сумрак уже окутал город. Дир стоял рядом, и Вейн ощутила легкий запах хмеля. Так вот что было в той бутылки!

Она подняла голову и в полумраке посмотрела на его лицо.

— Надо же, сама принцесса к колодцу собралась, — насмешливо произнес он.

Он стоял так близко, практически прижимая ее к стене. Девушка застыла, глядя в его глаза. Правда, выражения разобрать не могла, слишком мало света. Он медленно положил руку на ее талию.

— Я же не в твоем вкусе, — тихо сказала она.

Она не боялась. Понимала, почему он так смотрит, отчего участилось мужское дыхание и напряглось тело. Но ничего не чувствовала.

— Ночью все кошки серые, — так же тихо ответил Дир.

Он склонил голову и поцеловал ее, и у Вейн с сожалением мелькнула мысль, что мерзкий запах уже успел выветриться из ее рта. Она просто стояла, ощущая его губы и настойчивый язык. Не сопротивлялась, но и никак не реагировала.

Он отодвинулся и вздохнул.

— Знаешь, ты могла бы проявить больше участия, лейна, — чуть заплетающимся языком промолвил.

— Разве? — спокойно смотрела она на него. — Ты дважды спас меня, и я благодарна. Поэтому не сопротивляюсь. Но это все, на что я способна, Дир. А что делать дальше, дело твое.

Он еще постоял и, отвернувшись, вернулся в комнату. Вейн поморщилась, откинула влажные волосы. Воротник стал совсем мокрым и неприятно холодил тело.

— Иди есть, похлебка готова, — глухо позвал из комнаты Дир.

Вейн не заставила просить себя дважды, прошла в комнату и села у очага на мешок с соломой. Мужчина протянул ей глиняную кружку, тарелок в доме не было. Вейн, не поднимая глаз, молча отхлебнула. Свет велик... как же вкусно!

Дир сидел, уставившись в огонь, и на девушку не смотрел. В его медовых глазах отражался огонь, и они сейчас казались совсем желтыми. Как-то отстраненно Вейн подумала, что он вполне привлекательный мужчина и моложе, чем ей показалось там, в лесу. Но это понимание не вызвало в ее душе никакого отклика.

Допив похлебку и съев все овощи со дна кружки, Вейн поднялась.

— Я могу занять маленькую комнату?

Он кивнул, не поворачивая головы, отхлебнул из бутылки. Девушка поморщилась, помялась, не зная, что сказать.

— Дир, я не хотела тебя обидеть. Я, правда, тебе очень благодарна за все.

Он вскинул на нее удивленный взгляд.

— Что? А, ты еще здесь... Да, брось, лейна, не хочешь, как хочешь, тебе же хуже, — он насмешливо ей подмигнул. — А могла бы согреться и удовольствие получить...

Вейн вспыхнула и поджала губы.

— Пусть хранят твои сны виры, Дир, — сказала она и ушла спать.

Вейн уснула, как в яму провалилась. Утром пробудилась в слезах, хоть и не помнила, что ей снилось. Но догадаться было несложно. В комнатке-чуланчике было по-прежнему темно, так что не понять, утро уже или еще ночь.

Поворочавшись на твердом тюфяке, Вейн поняла, что снова уснуть не удастся. Она потянулась, оправила платье и тихо вышла в коридор. Замерла, увидев у двери полностью одетого Дира.

— Ты куда? — удивилась она.

— Мне нужно уходить, — спокойно ответил он, накидывая плащ. — Скоро дозорные пойдут с обходом, могут почуять.

— Подожди, — растерялась Вейн. — Как уходишь, а как же я?

— А что ты? Ты иди в город, к людям. Ну, или к Темным. Здесь, в Бранте, Одичалых нет, их за стены выгоняют. Могу посоветовать выбрать из Темных какого-нибудь старика, молодым много силы нужно, быстро выпивают и контролируют себя плохо. Хотя... С молодым тебе приятнее будет, наверное.

Он проверил клинок в ножнах, закинул на спину мешок и повернулся к двери. Вейн испуганно шагнула ближе.

— Дир, не уходи, — растерянно попросила она. — Или... возьми меня с собой. Я не хочу к Темным. Не хочу!

— Нет, Вейн. Я обещал проводить тебя до города, вот и проводил. Все.

Она сцепила пальцы.

— Понятно, — хмуро откликнулась. — Тогда... прощай, Дир. Спасибо, что спас от того... одичалого.

Он пожал плечами и протянул руку. Вейн недоуменно на нее посмотрела.

— Побрякушку давай, — грубо сказал он.

— Ах, да... прости... забыла.

Она дрожащими пальцами сняла с шеи подвеску и положила в его ладонь. Коротко кивнув, он сунул ее в свой мешок и вышел.

— Будешь уходить, запри дверь, — бросил через плечо.

Вейн еще какое-то время постояла, глядя на стену, а потом медленно вернулась в комнату и села у потухшего очага. На дне котелка осталось немного холодной похлебки, и она машинально ее доела. Пальцами собрала все до последнего кусочка. Силы ей еще пригодятся.

Возле очага лежал нож, тот самый, которым она вчера пыталась чистить картошку. Девушка повертела его в руках. Неужели Дир его забыл? Вряд ли. Значит, намеренно оставил. Интересно, зачем? Чтобы она могла защититься или перерезать себе горло?

Вейн надела кожух, сунула нож за пояс и, оглянувшись, покинула дом. За порогом было холодно и сыро, серый туман клочьями стелился по земле. Звезд не видно, луны тоже, небо затянуто свинцовыми тучами, словно поздней осенью. А ведь за Изломом сейчас весна...

Она осмотрелась и быстро пошла к пролому в стене, через который они попали в город. Идти к Темным, чтобы стать игрушкой и кормом, Вейн не собиралась.

Она уже почти достигла стены, когда ее окликнул мужской голос:

— Эй, хариди, стой...

Она ускорила шаг, не оглядываясь, надеясь, что от нее отстанут. Но не тут-то было. Мужская фигура преградила путь, и Темный заглянул ей в лицо. В следующий миг он расплылся в мерзкой ухмылке.

— О, да ты не хариди, ты эри. Вот так повезло!

Вейн отшатнулась от омерзительного лица. Мужчина выглядел неопрятным, с клокастой грязной бородой и повязкой, закрывающей один глаз. Второй, мутный, обведенный красным, смотрел жадно.

— Я не свободная, — как можно холоднее сказала Вейн. — И проживаю у Северного Оста! Мой хозяин будет очень зол, если тронешь меня!

Она говорила, сама до конца не понимая, что несет, и медленно обходила одноглазого бродягу. Кажется, от Одичалого его отделяло совсем немного. Она уже почти обошла его, когда он вдруг дернулся и схватил ее за руку.

— Мне плевать, кому ты принадлежишь, — прошипел он. — Если бы твой харис тобой дорожил, не отпускал бы одну на окраины! Я нашел, значит моя! У меня давно не было эри... и женщины. Даже не знаю, чего хочу больше!

Он похабно оскалится, показав Вейн гнилые зубы. Она с отвращением отшатнулась.

— Я больна! — в отчаянной попытке уйти, выпалила девушка. — Тоскучей немощью! Я заразна!

Темный гадко рассмеялся. Красный ободок в его глазах разгорался все ярче и ярче, а радужка бледнела, становилась прозрачной. Вскрикнув, Вейн изо всех сил оттолкнула его от себя и кинулась в сторону. Но куда ей в юбке убежать от Темного, почувшего столь желанную добычу. Он настиг ее у стены, бросил на землю и навалился сверху. Алчно, как зверь, припал к ее шее влажными губами. Грязные руки торопливо задрали ей юбки, ладони зашарили по ногам, больно щипая кожу.

Вдох — и перед глазами все поплыло, затуманилось.

Выдох — и губы бродяги уже не кажутся такими мерзкими.

Вдох — и сердце стучит спокойно и радостно.

Выдох — и Вейн всадила нож под ребро Темного.

Он захрипел и скатился с нее. Вскочив на ноги, Вейн кинулась к пролому, вылезла через дыру, обдирая руки в кустарнике, и со всех ног бросилась к лесу. Ей хотелось убежать, спрятаться, скрыться, залезть в какую-нибудь нору и просидеть там остаток жизни. Слезы мешали смотреть, и она упала, зацепившись носком за корягу.

Ночной Охотник пнул ногой бродягу у стены, оглянулся и одним движением отрезал ему голову. Такие мерзавцы не должны возрождаться. Дир спокойно вытер свой клинок об одежду Темного, подобрал нож, который обронила в панике девушка, и проскользнул в пролом. Вейн он нашел на окраине леса, под лапами ели. Она сидела там, словно в шатре, и тихо скулила.

Дир присел на корточки рядом.

— Вейн, — тихо позвал он, — вылезай оттуда.

Она все так же скулила, словно и не слышала.

— Мне к вечеру надо быть в Тюрине. Если ты идешь со мной, то поторопись. Сама знаешь, ждать не буду.

Он встал и, насвистывая, направился к дороге. Усмехнулся незаметно, услышав позади шаги и всхлипы. Девушка поравнялась с ним и молча пошла рядом, ничего не объясняя и не спрашивая. И это тоже удивило Ночного Охотника.

— Знаешь, — безразличным тоном произнес он. — Чтобы убить Темного, надо отрезать ему голову. Иначе он, скорее всего, возродится.

— Правда? — вскрикнула Вейн. — Значит, я не убила! Не убила... Тот человек жив... О, виры!

— Ты не убила, — все так же равнодушно добавил Дир. — Убил я. Не нужно таким тварям землю топтать.

И он снова принялся насвистывать.

— Ах, да, — вспомнил он. — Я тебе одежду принес. За теми кустами можешь переодеться. Твоей побрякушки на много не хватило, уж прости.

Он протянул ей свертки. Вейн сжала зубы, но послушно пошла за кусты. Она уже столько всего перенесла, что, кажется, вообще ни на что уже не реагировала. И ничему не удивлялась.

В свертке оказалась мужская одежда - штаны и рубаха. Еще плащ с капюшоном. Она быстро переделалась, дрожа от холода на стылом ветру, и вернулась к Диру.

— Еще кое-что. Повернись, — велел он.

Она повернулась спиной, и он приложил ладонь к ее затылку. Распустил тугой узел, зарылся пальцами в темные пряди. Вейн молчала, чувствуя, как перебирают ее волосы мужские руки. А потом он собрал все локоны в кулак и отрезал чуть ниже плеч.

Вейн лишь ниже опустила голову.

— Вот так-то лучше, — хмыкнул Дир. — Меньше воды будешь тратить.

Девушка посмотрела, как он внимательно собрал все ее волосы и сжег, разведя маленький огонек.

— Никогда и ничего не оставляй Темным, — обыденным тоном объяснил он. — Если не хочешь, чтобы тебя нашли. Кожух положи в мешок, платье тоже, может, еще сгодятся. Мешок на спину, и не отставай.

Она быстро сделала, как он велел. Без длинных волос голове было необычайно легко. Вейн собрала прядки в низкий хвост, как делали мужчины, накинула капюшон. И пошла за охотником.

— Почему ты вернулся, Дир? — не глядя на него, спросила девушка.

Он уже привычно хмыкнул, пожал плечами и не ответил.

Мертвые земли. Антар

Вейн открыла глаза, чувствуя, что замерзла окончательно, встала, походила по темнице, разминая тело. Приседания, прыжки, повороты, несколько дыхательных упражнений, чтобы согреться. Хотелось есть и пить, но ни воды, ни еды в подземелье не было. Постороннее присутствие она скорее почувствовала, чем увидела.

— Как спалось? — любезно осведомился Ксандр.

— Неплохо, — безмятежно ответила Вейн. — Хотя я, все же, предпочла бы перину и пуховое одеяло.

Он вдруг откинул голову и рассмеялся. Мужчина приблизился, прикоснулся к ее лицу, поднял за подбородок.

— Ты нужна мне, — мягко сказал он. Нежно прижал к себе, провел пальцами по шее, и серебряный обруч упал с тихим звоном. А Ксандр прижался губами к ее коже, там, где бьется пульс.

Глоток. И ослабленное тело Вейн дрожит в его руках.

Второй. Она смотрит на каменные стены, покрытые зеленоватой плесенью...

Еще... Не останавливайся, Ксандр...

Темный откинул голову, вздохнул. Вейн, чуть покачнувшись, шагнула в сторону.

— Тебе надо поесть, — глухо сказал он. — Как бы мне ни хотелось оставить тебя здесь и просто забыть, мне необходима эри. И камень. Так что ты еще... поживешь.

Он сжал ей ладонь, миг, и они снова стоят в уже знакомой спальне башни. Вейн переступила ногами, с наслаждением ощутив под ступнями мягкие шкуры, и без спроса уселась в кресло, потянулась к накрытому столу.

— И кто-то еще интересовался, куда подевались мои манеры, — пробормотал Ксандр, с интересом наблюдавший за ней. От вчерашней злости не осталось и следа, он был спокоен, в глазах лишь легкая насмешка, как у того Александра, которого она когда-то знала... И от этого было лишь больнее, Вейн предпочла бы его ярость. Так легче понимать, кем он стал. Вернее, кем они оба стали.

Путница пожала плечами и откусила сразу половину сдобной булочки с повидлом.

— Хорошие манеры сильно мешают, когда приходится выживать, — негромко сказала она, проглотив.

Ксандр походил по комнате, остановился у окна.

— Скажи, Вейн, что мне с тобой делать? — не оборачиваясь, спросил он. — Признаться, не знаю. Убить не могу, пока не верну камень и не прибудет новая эри. Но и терпеть твое присутствие рядом — невыносимо.

— Тогда простопусти, — тихо сказала девушка. Аппетит вдруг пропал, и во рту стало горько. — Отпусти меня, Ксандр. Я уеду и, когда буду в безопасности, напишу тебе, где спрятала камень. И надеюсь, мы никогда больше не увидимся.

— Ты, правда, думаешь, что я тебе поверю? — изумился он, поворачиваясь. И рассмеялся, только глаза остались холодными. — Нет, дорогая, ты останешься здесь. Или ты уже готова все мне рассказать?

— Где гарантии, что я останусь жива, когда все расскажу? — хмуро спросила она. — Ты не веришь мне, но и у меня нет причин доверять тебе, Ксандр. Жажда мести у тебя на лбу написана. Изменить прошлого я не могу, как бы ни хотела.

Он сел напротив, закинул ногу на ногу.

— Ты могла бы попытаться объяснить мне, Вейн. И постараться вымолить прощение.

Путница задумчиво посмотрела на мужчину, а потом покачала головой.

— Не думаю, Ксандр, что тебе нужно это. Ты хочешь мести, а не прощения.

— Ты могла бы попытаться, — со злой насмешкой протянул он.

Она скользнула на пол, на колени, почти прижалась грудью к его ногам, закинула голову, глядя в серые глаза.

— Прости меня, Ксандр, — проникновенно прошептала она, — прости...

Он застыл, лицо мужчины чуть исказилось, словно от боли. И резко оттолкнул ее, встал, отошел к окну.

— Лгунья, — равнодушно сказал он. — Есть только один вариант, Вейн. Обратиться к Тьме и связать сущности. На время луны ты не сможешь соврать и все мне расскажешь, а я не смогу убить тебя, как бы мне этого ни хотелось. Только так я тебе... поверю.

Она спокойно смотрела на него, а сама лихорадочно пыталась сообразить, что ответить. Отказаться она не может, чем объяснить отказ? Сопротивляться силе истинной тьмы, тем более... Даже ее защита на это не способна. Но и согласиться никак... Потому что камень она Ксандру не отдаст, ни за что. Это ее удача, залог того, что Смотрящие пойдут на уступки. Или голова Призрака, или камень. И правду тем более не расскажет. Но вряд ли стоит говорить это Темному.

— Насколько я помню, — медленно сказала, — такую связку можно сделать лишь на молодой луне, когда сила тьмы на пределе...

— Да, придется потерпеть тебя две недели, — сухо сказал Ксандр, принимая ее вопрос за согласие.

— Надеюсь, эти две недели мне не придется жить в подземелье? — съязвила Вейн, за ехидством скрывая дрожь голоса.

Он легко поднялся.

— Ты останешься здесь. И я позабочусь, чтобы ты больше не смогла войти в слой. Хотя, признаюсь, ты меня впечатлила, не ожидал, что это возможно. Благодарю, буду знать.

Ксандр пошел к двери, задержался на пороге, щелкнул пальцами. И шею девушки снова обвил узкий серебряный ошейник. Он усмехнулся и вышел, без стука закрыв за собой дверь.

Вейн без аппетита доела, понимая, что силы понадобятся. И размышляя, что ей теперь делать. Жалеть о совершенной глупости и о том, что не смогла убить, когда была возможность — бессмысленно. Теперь нужно просто придумать, как отсюда выбраться.

До вечера она пробыла в башне совершенно одна. Даже личи сюда не являлись, и это наполнило Вейн отчаянием, все же она сильно рассчитывала на них... Но вокруг царила полная тишина. Пару раз являлся Ксандр, оставлял ей еду, принес обувь и теплую шаль и исчез раньше, чем она успела что-то сказать.

Зная, что беспокойство все равно не позволит уснуть, Вейн спустилась вниз и придирчиво осмотрела запертую дверь кабинета. Подергала и хмыкнула с насмешкой: замок был обычный, не магический.

Подходящую шпильку она отыскала в считанные минуты, провернула ее в замочной скважине и вошла. Здесь все осталось по-прежнему: шкафы, грифельная доска, карта на столе. Вейн склонилась, рассматривая ее, водя пальцем по пометкам и линиям и пытаясь их разгадать. Она так увлеклась, что почти легла грудью на стол, с удивлением разглядывая бумагу. Оказывается, Темный мир гораздо больше, чем она предполагала! Вдоль Излома тянулись бесконечные земли, за пустыней Шра — степи и горы, а Кровавая река вокруг Ниаранта брала свои истоки у большой кляксы, обозначающей море... А она-то думала, что побывала во многих уголках этого мира! А если верить

карте, и десятой части не видела.

— Твои таланты просто неисчерпаемы, — раздался тихий голос, и девушка скатилась со стола, отпрыгнула, привычно становясь в стойку для удара. Ксандр хмыкнул и расправил загнутый угол карты.

— Если бы ты хотел, чтобы я не вошла, запечатал бы магией, — сказала Путница, но на всякий случай отошла на другую сторону стола. — Что это такое? То есть... зачем тебе все это? Эта карта... Не думала, что Темный мир так велик! — она снова посмотрела на стол и нахмурилась. Провела пальцем вдоль кривой извилистой линии. — Только у тебя здесь ошибка. Излом не может проходить здесь. Если бы это было так, то он прошел бы через Долину Айрисов в мире людей... А он уходит за Перевал, значит, должен свернуть сюда.

Он молча смотрел на нее, и Вейн подавила желание попятиться. Странное выражение его лица даже немного напугало ее.

— Я просто предположила, — пробормотала Вейн, — не надо на меня так смотреть. И я уже ухожу...

Она шагнула к двери и вздрогнула, когда Ксандр преградил ей путь, схватил за руку и потащил обратно к столу.

— Тогда где должен пройти Излом? Покажи!

Вейн нахмурилась, вспоминая уроки мироведения. Она всегда их любила, а в дом отца частенько навещался дер Лишар, двоюродный брат матери, страстный путешественник. Его рассказы маленькие Вейн и Люси слушали, открыв рот, а потом мечтали тоже посетить все эти загадочные земли. Правда, с возрастом эти мечты забылись, но увлечение мироведением осталось. К тому же Вейн обладала цепкой памятью и легко запоминала карты местности.

Она чуть поколебалась, обошла вокруг стола, а потом показала:

— Если я правильно помню... То вот здесь.

Ее пальчик прошел по карте, начертив невидимую линию, и Вейн снова нахмурилась. Потому что там, где она чертила, располагались повторяющиеся значки: глаз и волнистые линии.

Ксандр смотрел все так же бесстрастно.

— Ты была хорошей ученицей, Вейни, — сказал он. — И ты права. Но, видишь ли, как ни странно, эта карта верная. Ее составляли лучшие картографы Темного мира, и я сам, лично, проверял расположение многих точек. Небольшая неточность существует, конечно, но незначительная.

— Но этого не может быть! — воскликнула Вейн. — Излом не может проходить там, где он указан! Тогда он пересечет половину Талара, несколько долин и даже отрежет кусок Прайской гряды! Но ведь это не так!

Он шагнул к ней. На лице ни одной эмоции, но серые глаза сияют серебром.

— И что бы это могло значить, Вейни? — вкрадчиво спросил он.

Она отвернулась от его глаз, почему-то смотреть в них ей было больно, и снова сосредоточилась на карте. Наклонилась, положила ладони, проводя пальцем по линиям и пытаясь мысленно наложить карту мира, которая висела у них дома в ученической.

— Не понимаю, — забормотала себе под нос Вейн, проводя по линиям. Потом схватила грифель и снова принялась лихорадочно вымерять и прикидывать, пытаясь найти разгадку. Но как ни билась, не могла сообразить.

— Не получается! — обозлившись, выкрикнула она, швыряя грифель. — Или эта карта неправильная, или это совсем другой мир!

Она рассерженно вскинула голову и замерла, захваченная в плен его взглядом. Ксандр стоял напротив и так смотрел... Жадно, с диким ненасытным голодом, как не смотрят даже Одичалые, умирающие без света жизни. В его глазах было что-то мощное настолько, что Вейн забыла, как дышать. Этот взгляд длился всего миг и тут же исчез. А Ксандр легко шагнул к ней, перевел взгляд на карту.

— Карта верна, я уже говорил. Подумай еще.

Он встал за спиной, так что она его не видела, но слишком остро чувствовала присутствие.

— Что ты знаешь об этом мире, Вейн?

Она безотчетно поежилась, стараясь стоять спокойно и не отодвигаться. Пока они заключили столь хрупкое перемирие, и между ними возникла хотя бы иллюзия нормального общения, не стоит его злить. К тому же, чем ближе они будут, тем лучше... Так у нее больше шансов сбежать. Пусть у Призрака не осталось чувств, но остались потребности и желания, она чувствовала их своей прожженной шкурой Охотницы, видела в его глазах, слышала в рванном дыхании.

— Я знаю, что сюда попадают лишь те, кто прикоснулся к Камню Познания. То есть те, кто осужден на смерть, и в мире людей потребовал Суд Света. Кого-то Тьма отвергает, а кто-то попадает сюда...

Он склонился чуть ниже, провел пальцем по линиям на карте.

— Тебя никогда не удивлял этот мир, Вейн? Не казалось странным, почему здесь все совсем... не так? Другие животные, растения, условия жизни? Разве это не поразительно?

Его дыхание коснулось завитка волос на шее, и Путница ощутила, как покрылась кожа мурашками. Она пожала плечами.

— Я думала, что это прихоть Тьмы, вот и все. Раз это ее мир, почему бы ему не быть таким? Проклятое место, из которого нет возврата...

— Возможно... Или нет.

Она, не сдержавшись, обернулась и почти соприкоснулась с его телом. Но понимание так поразило Вейн, что она даже не обратила на это внимания.

— Ты хочешь вернуться... — изумленно выдохнула она, всматриваясь в его спокойное лицо. — Хочешь вернуться за Излом! К людям! Но это невозможно!

— Почему же? — он приподнял одну бровь.

— Потому что... — она хотела сказать, что для осужденных нет места в мире людей, и осеклась. Ксандр не был осужденным. Возможно, он был единственным человеком, который попал в Темный мир без Суда Света и без преступления. Но это не отменяло того, что теперь у него красные глаза и синие спирали тьмы на руках.

— Для людей ты теперь Перерожденный, — тихо сказала Вейн. — Преступник. Зло.. Исчадие Тьмы. Для нас нет возврата, Ксандр.

В его лице снова мелькнула злость, и она отклонилась, оперлась руками о стол позади себя.

— К тому же, Излом невозможно перейти, — быстро добавила девушка.

Мужчина усмехнулся.

— А вдруг это не так, Вейни? Вдруг это лишь... иллюзия?

Ее сердце замерло на миг, а потом сорвалось в бешеный галоп, словно не в меру ретивая лошадь, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы успокоится.

— Перейти Излом без позволения Смотрящих и проводника нельзя, — повторила Вейн,

— это все знают! Только они могут открыть переход Тьмы! Или нужно стать Одичалым, чтобы пройти... Или... нет?

— Смотрящие, конечно, знают больше, чем говорят, — усмехнулся он, — но и они — недостаточно. Когда я попал сюда, присоединился к ним лишь с одной целью: узнать, как вернуться. Но Смотрящие не знают, как перейти Излом, Вейн. Проводников выпускают Верховные жрицы на время Суда, и только. Как только осужденный прикасается к камню и переносится за Излом, проводник возвращается. Все.

Он покачал головой. Вейн слушала его, как завороченная, не зная, можно ли ему верить. Но если поверить ему... получается, что ее просто обманули!

— Смотрящие знают способ... Просто не используют его...

— Нет, — твердо сказал он, и это «нет» прозвучало, как удар крышки закрывающегося гроба. В котором она похоронит все свои наивные надежды. Надо же, а ведь Путница была уверена, что в ее душе не осталось ни капли веры в чудо. А вот же... Стоило Смотрящим поманить ее, пообещать то, о чем она и думать не смела, как она поверила...

Злость сдавила горло не хуже серебряной удавки.

Только стоит ли верить Ксандру? Он ненавидит ее всем своим темным нутром, и кто знает, в какие игры играет?

Мужчина смотрел на нее с усмешкой.

— Если бы Смотрящие знали, как перейти Излом, то уже пировали бы при дворе короля, поработив людей. Против силы Тьмы королевское воинство совершенно бесполезно, даже Лига только и способна, что уничтожать безмозглых Одичалых... Если бы я знал тогда, насколько легионеры смешны, думая, что смогут сдержать Темных... Они просто не видели Темных. Настоящих Темных.

— Но ты этот способ тоже не знаешь, — подумав, констатировала она. — Не так ли?

— Я лишь предполагаю, — задумчиво сказал он.

— Расскажешь? О своих предположениях? — Путница чуть склонилась к нему, заглядывая в глаза, ловя его дыхание. Мужчина медленно улыбнулся.

— А ты так жаждешь узнать? Мне казалось, что ты и здесь неплохо устроилась?

— Возможно, я соскучилась по... айрисам. Знаешь, здесь они не растут... Так расскажешь? Конечно, если это не пустая бравада, и тебе есть, что рассказать, — подначила она его.

Ксандр улыбнулся. Провел пальцем по ее губам, жадно ловя участившееся дыхание девушки. Легко приподнял, посадил ее на стол, невыносимо медленно прикоснулся ладонью к ноге Путницы, отодвигая ткань юбки.

Склонился еще ниже, так что Вейн откинулась назад, прогнулась.

— Право, Вейни... твои уловки так смешны... — тихо сказал Ксандр и усмехнулся, видя, как вспыхнули гневом ее глаза, — не знаю, кто бы на них повелся... Если ты так вела себя с другими, то удивительно, как сумела заработать репутацию опасной соблазнительницы...

Он говорил намеренно неторопливо, с насмешкой, выводя ее из себя, заставляя сознание затянута пеленой женской обиды и ярости. И если бы ее учил не Мастер, а кто-нибудь другой, возможно, Вейн попала бы на эту хитрость, и не заметила легчащего прикосновения чужого разума. Но Путница была ученицей Жала, как называли ее наставника. И продолжая гневно смотреть в лицо Ксандра, усмехнулась про себя.

Мастер говорил, что нельзя спрятать воспоминания, потому что чем дальше прячешь, тем настойчивее их ищут. Но их можно заменить. Подсунуть ищущему такие образы, которые отвлекут, собьют с толку, заставят нервно дышать и обливаться потом. От ужаса, от страха или от... похоти. Чем ярче картина в голове, тем проще за ней скрыть

бледную тень других воспоминаний. « Посади рядом роскошную олиру и бледный лютик, кто заметит лютик?» — вопрошал Мастер. Вейн подозревала, что в душе он был поэтом.

И сейчас она знала, что показать Ксандру.

...Ночь Полночных Игр в Ниаранте славится вседозволенностью. Сами Смотрящие разливают силу: чистую, темную, сводящую Перерожденных с ума, бурлящую в крови, словно черный густой хмель. Да и хмеля достаточно: на улицах — дешевого пойла из скисшего молока чешуйчатых летух и забродивших лесных ягод, в богатых домах аристократии — дорогого, настоящего, из нектара белых лилий, что сияющим покрывалом устилают берег Озера Мертвых Душ. Этот хмель, словно сладкая патока: тягучий и мягкий, обволакивающий небо и жгущий нутро. Он рождает в теле легкость и почти счастье, как бывает от первой влюбленности, от истинных, настоящих, самых светлых и сильных чувств...

Вейн сидит в круглом зале, украшенном с варварской роскошью и безвкусным великолепием: цветы и светильники, ковры и подушки, камины и витражи, алый скользкий шелк и золотая ломкая парча бесконечными слепящими вспышками...

— Тебе понравится, — шепчет ей на ухо мужчина. Она не смотрит на него, лишь вперед, туда, где кружатся в тонких прозрачных тканях танцовщицы, где Темные лежат на подушках, жадно осматриваются, тянут воздух трепещущими ноздрями, пьют силу эри, потягивают вино.

— Идем, — тянет ее спутник, и они тоже опускаются на подушки.

Танец завораживает, и на девушках уже почти не осталось одежды, губы Темных сладки, их поцелуи так ласковы и так смертельны... Но не от того ли притягательны? Алый и золотой дрожит в воздухе...

А потом сплетение тел. Женских, переплетенных с мужскими, то ли в объятиях, то ли в борьбе, хмель, что уже горчит на языке, сильные движения страсти, ласкающие руки, кусающие рты. Вейн смотрит со стороны, потому что ее спутник пока не насытился ее силой, смотрит и ждет. Алое и золотое на полу, в ворохах тканей бесконечное движение вверх-вниз, назад – вперед, уже не разобрать, где чьи руки и тела. Одиндвигающийся, дышащий, стонущий клубок вожделения и похоти...

Вейн оборвала воспоминание, выныривая из омута памяти, и улыбнулась, глядя в глаза Ксандра, до краев наполненных яростью. Он дышал тяжело, рвано, руки сжались в кулаки, и девушка подумала, что он не удержится от... чего?

— Молва, как всегда преувеличивает, — нежно произнесла она, — я вовсе не претендую на роль соблазнительницы. Мне достаточно быть охотницей... за головами темных. Так что ты рассказывал про Излом? — как ни в чем не бывало, добавила она.

В его серых глазах отражалось ее воспоминание: алое и золотое, и Вейн по опыту знала, что почти никто не может удержаться после тех картин и образов, что она показала. Ночь Полночных Игр действительно бывает жаркой.

Правда, она никому и никогда не показывала продолжение этих образов: пустой коридор и взбешенного Дира, который убивает Темного, что лишь несколько мгновение назад был столь близок с Путницей... Тогда она даже боялась, что заказчик не заплатит, потому что не сможет опознать то, что осталось от лица Перерожденного после встречи с ее напарником. Но когда они доставили голову, им заплатили вдвойне. Возможно, потому что заказчик оказался заказчицей, и она была весьма довольна проделанной охотниками работой...

— Ксандр? Ты о чем-то задумался? — насмешливо спросила она.

Он словно очнулся, сжал ее до боли. Но только в лице мужчины не было ожидаемого желания и похоти, только еще больше ненависти.

— Напомни, почему я должен сохранять твою жизнь, Вейни? Потому что сейчас, мне очень хочется... свернуть тебе шею.

— Отчего же? — холодно спросила она. — Тебе что-то не понравилось в том, что ты

увидел? А что ты ожидал, залезая в мою голову? Копаясь в чужом мусоре, ты лицемерно боишься испачкаться?

— Ты еще хуже, чем я о тебе думал, — презрительно выплюнул он.

— Я даже хуже, чем ты можешь себе вообразить, — едва слышно ответила Вейн. — И я уже предупреждала, что не позволю тебе лезть в мое сознание. Попытаешься еще раз, никогда не узнаешь, где камень. А ведь он очень нужен тебе, правда? Он каким-то образом поможет перейти Излом, не так ли, Ксандр?

Темный отпустил ее и отошел. И улыбнулся.

— Знаешь, при всей своей ненависти к тебе, я почти восхищен, маленькая моя Вейни... Неудивительно, что Тьма выбрала тебя. Ты просто потрясающая, умная, хитрая и изворотливая... дрянь. Удивительно, каким слепцом я был когда-то. Просто удивительно.

— Рада, что ты прозрел, — ледяным тоном отчеканила Путница и спрыгнула со стола. — Было приятно пообщаться, надеюсь, на сегодня достаточно, и ты избавишь меня от своего общества.

Она отдернула юбку и пошла к двери, всем своим существом чувствуя его за спиной и ожидая нападения. Но его так и не последовало.

Темный Мир

Вскоре потянулись привычные взору поля. Еще через пару часов они вышли на берег реки. Темная вода текла неспешно и тихо, на отмели покачивались крупные белые цветы с желтыми сердцевинами.

Дир расположился на короткий привал, и Вейн со вздохом облегчения приблизилась к воде. В мужской одежде было гораздо удобнее, чем в тяжелом платье, а теплый плащ отлично согревал. Она, наконец, перестала дрожать и мерзнуть. Осторожно присела возле воды, опустила в нее руки. Кувшинки заманчиво белели рядом, и девушка потянулась к ближайшей. Цветок был такой красивый, что прямо просился, чтобы его сорвали.

Вейн переступила ногами, склонилась над водой и вскрикнула. Белый цветок перевернулся, и из-под воды на девушку уставилось белое сморщенное лицо с удлинёнными глазами. Существо открыло рот, вытащило длинный и тонкий язык, который тут же оплелся вокруг запястья Вейн. С диким визгом она отскочила в сторону и оглянулась на Дира. Тот наблюдал за ней, не выказывая беспокойства, лишь тихонько посмеивался.

— Что это? — выдохнула Вейн, с опаской рассматривая руку, на которой осталась желтая слизь. — Ужас какой...

Странное создание, между тем, снова перевернулось и ушло в темную воду, снова выставив на поверхность белую чашу цветка.

— Обычного броха испугалась, — со смешком сказал Дир, нанизывая на палку кусочки мяса. — Опустившегося Темного не побоялась, а от водяного - визжишь.

— Подожди, — Вейн забыла про броха и пристально посмотрела на спутника. — Ты что, был там, когда на меня напал тот бродяга? Видел и не помог? Да ты...

— Я не благородный дер, — невозмутимо сказал Дир, не прекращая своего занятия. — Запомни это, Вейн. И ты должна сама научиться защищать себя. Я помогу, постараюсь обучить, но если ты не можешь убить или боишься запачкать руки, нам не по пути. Понимаешь?

Он поднял голову, серьезно посмотрел ей в глаза. Вейн медленно кивнула.

— Да. Понимаю. А теперь, значит, нам по пути?

— Посмотрим, — усмехнулся он.

Вейн постояла, раздумывая. В этом странном мире каждый сам за себя. И мотивы Дира ей совсем непонятны. Почему он решил взять ее с собой? Что задумал? Кто он, вообще, такой?

— Дир, а почему здесь такие странные имена? — спросила она, — Северный Ост, Косая Морда?

— Потому что Темные владеют магией, Вейн. А знание имени дает силу и власть. Так что, поостерегись представляться, глупышка.

— Но... но ведь ты мне назвал свое имя? — растерялась девушка.

— А кто тебе сказал, что оно настоящее? — усмехнулся Дир. — У меня много имен. И ни одного истинного.

— Вот как, — она присела рядом, с удовольствием вдохнула запах поджаривающегося на костре мяса. — Тому Темному, на дороге, ты сказал, что принадлежишь этому Осту. Но ведь это не так, правда?

— Я никому не принадлежу, — спокойно ответил Дир.

— Ты убил его?

— Ты очень любопытна, Вейн. Ешь. Мясо готово.

Она послушно принялась жевать.

— Что это за мясо? — спросила она с набитым ртом. — Сладкое...

— Ага, крики вкусные и дешевые, — ответил Дир, облизывая жирные пальцы. — Купил в городе на остатки денег.

Вейн судорожно сглотнула. Она вспомнила толстую трехглазую жабу, и тошнота подкатила к горлу. Но голод оказался сильнее, и, переборов дурноту, Вейн продолжила жевать мясо, изо всех сил представляя, что кушает нежную курочку.

— Я не сильна в фауне и флоре, — заговорила она, пытаясь отвлечься. — Но, кажется, в мире людей таких животных нет. Я никогда не слышала ни о криках, ни о брохах, ни о летухах, чей навоз я тогда держала во рту. Откуда все они?

Дир пожал плечами. Он снова, не отрываясь, смотрел на огонь, и Вейн уже знала, что, когда ее спутник впадает в такое состояние, ответа не последует. Девушка встала и снова пошла к кустам, по своим делам.

Когда она вернулась, Дир собирал вещи и затапывал костер. Он молча закинул мешок на спину и пошел вперед. Вейн пожала плечами и поспешила за ним.

Вечером они достигли переправы. Возле полусгнившего причала билась о доски утлая лодчонка, и дремал старик в драном кожухе.

— Перевезешь? — растолкал старика Дир.

Лодочник открыл глаза, окруженные сетью морщин, блеснул блеклыми глазами с красными кругами вокруг радужки.

— А то. Два глотка. С мальчишки.

— Перебьешься, — грубо сказал Охотник и протянул руку, запястьем вверх.

Старик прижался губами к синей спирали на его коже и вздохнул удовлетворенно. Оторвался от руки эра и кивнул.

— Садитесь.

Лодчонка качалась, и на дне плескалась вода. Вейн забиралась в нее с опаской. Но когда они устроились, и старик оттолкнулся веслом от досок, лодка приподнялась над водой и не поплыла, а полетела! Низко над рекой, чуть задевая темную воду. Девушка схватилась за борта, сдерживая изумленный вскрик, Дир же невозмутимо смотрел вперед. Старик обеими руками держался за нос лодки и то ли бормотал, то ли что-то напевал.

И Вейн позволила себе расслабиться. Чуть склонилась, удивленно рассматривая темную воду и длинных фиолетовых рыб, что проносились мимо.

Вскоре показался берег, и они причалили. Дир легко выскочил, стоило лодке приблизиться к доскам, и сразу же принялся осматриваться, даже не подумав подать Вейн руку. Но, кажется, девушка уже начинала привыкать к манерам своего спутника. Вернее, к полному отсутствию этих самых манер.

Она тоже ступила на доски, вежливо кивнула старику и пошла за охотником.

— Куда теперь? — спросила она.

— Прямо, — лаконично ответил он.

К вечеру они вышли к городской стене. Но на этот раз Дир не пошел в обход, а уверенно шагнул к воротам.

— Деньги или свет? — меланхолично спросил усатый стражник. — Два медяка или два глотка с каждого.

— Совсем ополоумели? — возмутился Дир и кинул Темному две монеты. — Это за мальчишку. С меня свет.

За воротами начинались дома из темного дерева, между которыми петляли извилистые улочки. Ставни почти на всех были закрыты.

К центру они не пошли. Вейн уже поняла, что ее спутник предпочитает окольные пути и окраины, и это наводило на определенные мысли, но девушка вопросов не задавала. Да и Дир ее не заставлял идти с ним, сама напросилась.

К ее удивлению, дом, в который они постучались, был обитаем. Из-за закрытых ставен пробивался слабый свет. Охотник снова постучал, и на тяжелой дубовой двери приоткрылось маленькое круглое окошко. Дир поднял ладонь, на которой вспыхнул зеленый шарик. Осветил им свое лицо. Дверь со скрежетом открылась.

— Ох ты ж, Охотник пожаловал, — насмешливо произнесла светловолосая женщина. — Ну, заходи.

— И тебя пусть бережет Тьма, — с такой же насмешкой отозвался Дир, а потом усмехнулся и крепко обнял хозяйку дома. — Ну, не злись, сладкая. Я ненадолго.

Женщина фыркнула, заперла дверь на два засова и уставилась на гостей, уперев руки в бока.

— Кто это с тобой? — недовольно спросила она.

— Путница, — тихо ответила Вейн. — Я просто путница...

— Приютишь до утра, Лира? — спросил Дир. — Что, снова кьяры объявились?

— Ага. Так самое время для них. По ночам спать не дают, всю крышу попортили, спасу нет! Когда их уже всех изведут! Ладно, проходите. Хотя, надо бы гнать тебя из дома поганой метлой, Дир!

— Не злись, — отозвался охотник и повернулся к Вейн. — Чего мнешься? Проходи... Путница. Не стесняйся.

Лира фыркнула и пошла по коридору, покачивая бедрами.

В комнате Вейн смогла рассмотреть хозяйку. Высокая, светловолосая, в темном коротком платье без рукавов, из-под которого выглядывали узкие штаны и сапоги. На тонких запястьях символы тьмы, но бледные, еле различимые.

Дир заметил взгляд Вейн и пояснил:

— Лире повезло. Ее свет жизни еще не закончился, а харис ее отпустил. Это редкость в Темном мире.

— Новорожденная, что ли? — снова фыркнула Лира, споро накрывая на стол.

Обстановка в доме была скудная. Стол, две лавки, в углу сундук, вот и все. И еда совсем простая: каша, да хлеб.

— Новорожденная, — кивнул Дир. — Несколько дней всего.

— Сочувствую, — неожиданно тепло произнесла хозяйка, и Вейн неуверенно кивнула.

— Спасибо...

— Это же такая боль первые дни, я чуть с ума не сошла. Помню, — продолжала Лира: — Так все болело, кошмар просто. Да, умирать больно... Но ты потерпи, потом легче будет, вот увидишь. К Темному уже прикрепили?

— Успеет, пусть осмотрится, — с насмешкой ответил за девушку Дир. — Я ее у Излома

нашел.

— Да? — удивилась Лира. — Одну? Надо же. Она же эри! Да еще и молодая. Как это ее сразу не забрали?

— Ее на север забросило, к Одичалым. Видимо, проводник неопытный попался.

— Да ты что? Вот бедняга. Не повезло.

Вейн сжала зубы. Да что же это такое! Кажется, она только и слышит, как ей не повезло. И еще удивилась. Да, когда она пришла в себя у Излома, ей было нехорошо. Но особой боли Вейн не испытывала, вроде...

— По-моему, лучше к Одичалым, чем стать рабыней Темного.

— Но эри не рабыни, — воскликнула Лира. — Мы все дети тьмы. Эри необходимы Темным, а Перерожденные дают нам защиту и покровительство. И ты сама можешь выбрать того, кто будет тебя пить.

Вейн скривилась.

— Я вообще не хочу, чтобы меня кто-то пил, — твердо произнесла она.

— Но так повелела Тьма, — чуть рассерженно сказала хозяйка.

— Лира, оставь ее в покое. Она все поймет. Потом. Ты забыла, о чем думала, когда открыла глаза за Изломом, и тебя отдали твоему харису? Да ты ему все лицо, помнится, расцарапала!

— Было дело, — рассмеялась она. Глаза хозяйки чуть затуманились, она погрузилась в воспоминания. — Я же тогда совсем глупой была... Но быстро поняла, как мне повезло. Мой харис оказался нормальным Темным, с понятиями. Берег меня... и был... нежным...

Дир насмешливо фыркнул.

— Неужели ревнуешь? — почти пропела Лира.

Вейн уткнулась носом в свою тарелку. Наблюдать переглядывания хозяйки и охотника ей совсем не хотелось. Быстро доев, девушка поднялась из-за стола.

— Можешь устраиваться в той комнате, — махнула рукой Лира.

Вейн поторопилась уйти. Было очевидно, что этим двоим не терпится остаться наедине.

Ночью Путница проснулась от странных звуков. На крыше словно скреблись десятки когтей и шелестели чьи-то крылья. Неведомые твари атаковали жилище, пытались добраться до людей. Ставни на окнах шатались и скрипели, грозя распахнуться, не выдержав натиска.

Вейн вскочила, торопливо натянула штаны с рубахой и босиком выскочила в коридор.

— Дир, — позвала она, ступив в комнату.

И остановилась, как вкопанная, рассматривая обнаженную спину Охотника и его крепкие ягодицы, что с силой двигались вверх-вниз между широко раскинутых ног Лир. Хозяйка стонала, выгнув спину и откинув светловолосую голову. На их обнаженных телах плясали отсветы огня из очага, и это выглядело красиво. Дир зарычал, словно животное, откидывая голову, а потом резко укусил Лиру в плечо, и она закричала, забилая под ним.

Очень тихо Вейн отступила в темноту коридора и вернулась обратно. В ее комнате низ одной из ставен все же откололся, и в дом ввалилось красноглазое создание с шипами на узкой голове и кожистыми крыльями. Помесь птицы и летучей мыши, порождение кошмара с дикой и страшной красотой...

— Так вот ты какая, кьяра, — пробормотала Вейн и одним ударом пригвоздила существо ножом к стене. В дырку уже лезли другие, пришлось заткнуть ее тюфяком, из которого

сразу посыпалась солома. Вейн осмотрелась, попробовала придвинуть к окну сундук, но тот оказался слишком тяжелым. Лира стонала уже на весь дом, заглушая даже скрежет когтей на крыше. Впрочем, хозяйку и ее гостя, это, похоже, не слишком волновало.

Труха из тюфяка сыпалась все сильнее, снаружи его рвали когти и зубы кьяр. Вейн вскинула нож, приготовилась. Ключья сена полетели в воздух, и в дыру ворвалось сразу три кошмарных создания. Вейн замахнулась и замерла. Потому что страшные кьяры вдруг растаяли в воздухе, оставив после себя темную дымку, как от погашенного фитиля свечи. Но через миг и она испарилась. На крыша все стихло.

Заткнув на всякий случай ставни подушкой, Вейн положила на голые доски кровати свой плащ, укрылась кожухом и улеглась, крепко сжимая в кулаке нож.

Когда Дир тихо вошел в ее комнату, девушка крепко спала. Он посмотрел на труп кьяры на полу, хмыкнул и так же тихо вышел.

— Тебе надо поставить клеймо, — буднично сказал за завтраком Дир и привычно потер свою щетину, которую уже смело можно было называть бородой. Сам же и поморщился.

Вейн посмотрела вопросительно. Лир с ними не было, хозяйка с утра ушла по своим делам.

— Иначе каждый Темный будет предъявлять на тебя права. Будешь говорить, что твой харис — Северный Ост. Не переживай, он на тебя права уже не предъявит. Да и владения его далеко на западе, жил уединено... Но его клеймо известно многим.

— Если надо, ставь, — спокойно согласилась девушка, доедая кашу.

Он кивнул, достал из своего мешка железный перстень с круглой печатью, повесил его на кочергу и сунул в очаг. Вейн равнодушно наблюдала, как железо медленно раскаляется до красна. Она положила на стол руку, закатала рукав и сжала зубы.

— Кричи, не стесняйся, — с усмешкой произнес Дир и приложил кольцо к нежной коже. Вейн заорала, хоть и надеялась сдержаться. Какой там... Слезы хлынули из глаз, и она тяжело задышала. Дир открыл пробку темной склянки и смазал ее запястье густой вонючей мазью.

— Вот так, — удовлетворенно сказал он.

Вейн сердито стерла слезы другой рукой.

— А если у эри будет несколько Темных за ее жизнь? Что, каждый раз ставят новое клеймо? — хрипло от слез спросила она.

— Да. Только Темные живут долго, Путница. Очень долго. Гораздо дольше, чем люди. Особенно, если хорошо питаются. Эри умирают раньше... Так что мало кому довелось сменить нескольких харисов.

— Лира с такой радостью говорила о своей участи, — отдышавшись, сказала девушка. Запястье жгло, но уже не так сильно. — Неужели ей, правда, нравилось это? Быть чьей-то рабыней?

Дир помолчал. Вейн думала, что он снова не ответит, но он все же заговорил:

— Многие предпочитают думать, что так велела Тьма, что так надо. Так легче, Путница. Верить и не задумываться. К тому же, многие Темные действительно заботятся о своих эри. Ну, а то, что могут убить, забрав слишком много света... Об этом стараются не думать. У Темных есть сила, магия, власть. Это их мир. И да, легче смириться. Тем более женщинам. Так что, не спеши осуждать Лиру. Возможно, ты еще пожалеешь, что пошла со мной и не нашла себе ... хариса.

Вейн качнула головой.

— Нет. Скажи, а все... новорожденные испытывают боль, когда попадают за Излом?

— Конечно. Это ведь как родиться заново. Больно. Все внутренности разрывает, кости ломаются и срастаются заново, сухожилия рвутся... Ну, ты и сама знаешь, что тут рассказывать. Долго ты там лежала, у Излома, пока в себя пришла?

— Я не помню, — пробормотала она. Никакой боли у Вейн не было, но говорить об этом она не стала. Все же, она не спешила доверять ему все и потому промолчала.

— Тебя далеко забросило, обычно Темные помогают, если находят эри.

— Да, далеко забросило, — задумчиво повторила она. — Мы сегодня остаемся здесь?

Дир постучал кончиками пальцев по столу, внимательно рассматривая девушку.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделала, Вейн, — резко произнес он. — И учти, у тебя все еще есть возможность передумать и уйти. Но после того, как ты поможешь мне... начнешь помогать... такой возможности у тебя больше не будет.

Она спокойно встретила его взгляд.

— Что я должна сделать?

— Заинтересовать одного Темного, Путница. Думаю, тебе это будет несложно, — с насмешкой сказал Охотник.

Через три часа Вейн шла по кривой улочке. На ней было синее короткое платье с разрезами по бокам и узкие штаны, заправленные в сапоги, по местному обычаю. Волосы разделены на пробор и заплетены в несколько косичек, перевитых между собой. Короткие перчатки не закрывали запястье с метками Тьмы и клеймом, которое почти утратило красноту под действием чудесной мази. Глаза Вейн обведены темным, а на губах кармин, делающий их ярче и соблазнительнее.

Когда девушка посмотрела в зеркало перед выходом, то не узнала себя. Красила и одевала ее Лира. Дир сказал, что Путница идет выбирать себе хариса, и хозяйка искренне радовалась за девушку.

— Не бойся, что тебя будут пить, — шепнула она на ухо Вейн. — Тебе понравится...

Путница передернула плечами и вспомнила, как стонала Лира ночью. Интересно, за что ее отправили за Излом? Помнится, в мире людей так могли наказать неверных жен и блудниц...

А впрочем, чем сама Вейн отличается от Лир? Тоже блудница и развратница по меркам людей. И убийца.

Отражение в зеркале поплыло, затуманилось. Вейн сжала зубы, не позволяя себе заплакать. Только не думать. Не вспоминать. Ничего... Его. Забыть. О свет! Как же ей забыть?!

Она тряхнула головой, возвращаясь в реальность. В мутном кривом зеркале отражалась незнакомка с яркими зелеными глазами и пухлыми порочными губами. Вот такая она теперь. Вейн зло усмехнулась, поймала в отражении внимательный взгляд Дира. Подняла вопросительно бровь.

— Ну как? — с насмешкой спросила она.

— Хорошо, — чуть хрипло выдавил Дир. — Хорошо... Еще кое-что, Путница.

Он порылся в своем мешке и достал ... маску. Синюю маску, закрывающую верхнюю часть лица. Ее украшали черно-синие перья и хищный клюв, так что, надев ее, Вейн стала похожа на дикую птицу.

— Великолепно, — плотоядно улыбнулся Охотник.

И теперь она шла по городу, рассматривая дома и людей. Почти все они были в темной, глухо застегнутой одежде, и их лица тоже прятались под масками. Как поняла девушка,

красивая и дорогая маска здесь являлась признаком состоятельности или статуса. Путница усмехнулась. Даже в Темном мире люди оставались людьми, делились на касты, сословия, создавали неравенство.

Бледное пятно солнца едва просвечивалось сквозь по-прежнему свинцовое небо. Весной здесь даже не пахло. Вечный сумрак пропитался сыростью, тленом и опасностью. Этот мир во всех смыслах был темным.

Она дошла до двухэтажного каменного дома и постучала. Ей открыл крепкий мужчина, внимательно осмотрел.

— Эри, что привело тебя в этот дом? — поинтересовался он.

— Меня отправил Смотрящий, — сказала Вейн. — Я могу увидеть Арта Лучезарного?

— Хм... Мы ждали эри позже. Смотрящие на этот раз быстры.

Он провел руками по телу девушки, в поисках оружия. Кивнул, удовлетворенный осмотром.

— Так я могу увидеть хозяина? — повторила Вейн и добавила надменно: — Возможно, я не захочу оставаться, тогда не стоит терять время.

— Ты не захочешь уходить, эри, — с насмешкой отозвался мужчина и щелкнул пальцами. Из сумрака коридора бесшумно вышла девушка, совсем юная, и Вейн вздрогнула, увидев ее пустые глаза. В них не было жизни, ни малейшего признака. Бескровное лицо не выражало ни чувств, ни мыслей, ни желаний. Вейн, никогда не видевшая мертвецов, не сомневалась, что перед ней - труп. Лич. Пустая оболочка без души. И это понимание было глубинным, внутренним и совершенно осознанным.

— Проводи, — приказал мужчина личу.

Девушка никак не отреагировала, даже не кивнула, просто повернулась и пошла вглубь дома. Вейн осторожно двинулась следом.

В этом доме явно жил состоятельный человек. На стенах — картины с яркими, насыщенными цветами, каких она еще не видела в этом сумрачном мире. Синие портьеры на окнах, мебель из красного дерева, яркие желтые шары, освещающие помещения, белые шкуры на полу, множество подушек на диванах, статуэтки и вазы всех цветов и размеров. Хозяин дома пытался наполнить комнаты многоцветием, но не отличался изысканным вкусом, так что у Вейн рябило в глазах от всех этих красок и форм, никак не гармонирующих друг с другом. Но в мире сумрака, возможно, это считалось красивым.

Вслед за провожатой она поднялась на второй этаж и остановилась перед массивной дверью. Лич постучала и, не дожидаясь ответа, развернулась и размеренно двинулась обратно. Шаг за шагом, словно кукла на шарнирах. Вейн проводила ее взглядом. Поразмыслить не успела - дверь приоткрылась сама по себе и, распахнувшись, застыла.

Вейн шагнула в комнату, такую же безвкусную, как и предыдущие. Массивная дверь сразу же захлопнулась за ее спиной. У камина стоял мужчина, картинно заложив руки за спину. Путница молча ждала, не здороваясь и не делая шагов навстречу. Он повернулся и посмотрел на нее чуть удивленно.

«Красив», - равнодушно отметила про себя Вейн.

Стройный высокий блондин, с глубокими синими глазами и капризным изгибом чувственных губ. На вид довольно молод, но Вейн уже знала, что Темные надолго остаются в том виде, в котором попадают за Излом, словно застывают, не меняясь долгие годы. И этот молодой мужчина на самом деле вполне может оказаться ровесником ее почившего дедушки.

— Эри? — хозяин дома сделал к ней шаг, осмотрел с любопытством, чуть склонив голову. — Смотрящие скоры. Сними маску.

— Разве я должна показывать свое лицо незнакомцу, харис? — кокетливо произнесла

Вейн. — И разве вас должна интересовать моя внешность? Свет жизни от нее не зависит.

Он рассмеялся.

— А ты с острыми зубками. Мне нравится. Как тебя зовут?

— Можете называть меня Кьяра, харис, — с насмешкой отозвалась девушка, все-таки снимая маску.

— Кьяра? Страшное создание Тьмы, что по ночам пугает жителей и исчезает так же внезапно, как и появляется? Хм, заинтриговала.

Он медленно обошел девушку, беззастенчиво ее рассматривая. В синих глазах загорелся огонек сладострастия.

— Так... Лет двадцать, за Изломом недавно, в искусстве любви совсем неопытна. Один мужчина... Одна ночь. Сильные чувства. Очень сильные... И кровь... много крови... Ты уже мне нравишься, маленькая эри.

— Прекратите! — резко оборвала его Вейн.

Мужчина улыбался, но в его улыбке не было ничего доброго. Он наслаждался ее растерянностью и испугом. Вейн постаралась взять себя в руки, пожалев, что открыла лицо. Наверное, сейчас она выглядела не лучше лича.

— Мои способности не должны пугать тебя, Кьяра, — все так же улыбаясь, сказал он. — Поверь, ты будешь им рада. Знаешь, это очень удобно, когда харис знает твои предпочтения в любви, все твои тайные желания. Возможно, постыдные, те, которые ты скрываешь даже от самой себя... — он стоял за ее спиной, голос становился все глуше, обволакивал. — Так чего ты хочешь, Кьяра? Расскажи мне свои грязные тайны, маленькая эри... Ты любишь кровь? Или боль? Получать или дарить? Я дам тебе и то и другое...

Его голос манил, обещал, завораживал. Вейн не заметила, как он склонился к ее шее, отодвинул волосы, сделал глоток ее света. Укусил ей кожу, зализал, словно кот, пробуящий птичку на вкус.

— О-о-о... Чувствую, нам будет хорошо с тобой... Мне будет хорошо...

И правда, хорошо. Сладко. Не больно. И совсем не так, как от поцелуев Ксандра... Равнодушно.

Вейн прикрыла глаза. Раз. Два. Три. И резко сдернув перчатку с левой руки, развернулась и сдула в лицо Темного порошок. Он дернулся и упал. Девушка осторожно склонилась над ним и прислушалась: дыхания не слышно совсем. Она неуверенно дотронулась до шеи Темного, там, где у людей бьется ток крови, и ничего не почувствовала. О, виры! Неужели она его убила?

Девушка быстро осмотрелась и разочарованно простонала. В комнате не было окон, ни единого. Как же она впустит Охотника? Неужели он не знал, что в доме Арта Лучезарного второй этаж без окон? Или знал, но намеренно послал Вейн на невыполнимое задание? Но зачем?

На шее, в месте укуса стало мокро. Вейн провела рукой и скривилась. Вроде боли не почувствовала, а вся шея в крови.

Она осторожно выглянула в коридор. Яркие пятна картин и обстановки раздражали еще сильнее. Подошла к лестнице, раздумывая. Бледной тенью из-за угла показалась девушка с мертвыми глазами. Вейн посмотрела на нее внимательно. Молодая, красивая, темноволосая. Пустые глаза светло-зеленого цвета. Губы накрашены темным кармином... О, виры! Да она же почти копия самой Вейн! Неужели лич тоже когда-то была эри? До того, как ее выпили досуха... Так вот почему Дир помог ей. Он знал вкусовые пристрастия Арта и просто решил с помощью Вейн свести какие-то свои счета. И ведь правильно рассудил, что Темный польстится на темноволосую и зеленоглазую красотку.

Вот тьма! Во что она ввязалась? Надо убираться отсюда.

— Эй, — тихонько позвала она нежить, — как отсюда выйти? Ты меня понимаешь?

Лич безучастно смотрела на Вейн, без всякого любопытства. Тьма! Как же ею управлять? Вейн щелкнула пальцами.

— Тут есть второй выход?

Лич продолжала молчать, и Вейн досадливо поморщилась. Толку от нее, как от бездушной куклы! Она осторожно свесилась через перила лестницы, посмотрела вниз. Мужчины, что открывал ей дверь, не видно. Знать бы еще, сколько в доме Темных! Как и в мире людей, у Перерожденных были слуги и стражи. Разумеется, у тех, кто мог себе это позволить.

Она, как можно тише, спустилась на первый этаж и метнулась к двери.

— Эри? Что ты здесь делаешь? — ее схватил за руку страж. Как он так быстро оказался рядом, девушка не поняла, ведь еще мгновение назад в комнате никого не было! Словно возник из ниоткуда!

— Знаете, мы с вашим хозяином не договорились, и он меня отпустил. Я ему... не понравилась.

— Не понравилась?

— Совершенно. Простите, мне пора.

Он убрал руку, и Вейн шагнула к двери, спиной чувствуя его взгляд. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Ей казалось, что этот стук слышен на соседней улице. В углу комнаты неподвижно стояла девушка-лич, и Вейн до одури захотелось сбежать из этого дома. А потом и из этого города!

Она дернула ручку двери, но та не поддавалась. Вейн снова дернула. И еще.

— Не торопись, эри, — раздался голос мужчины за ее спиной.

Вейн оглянувшись через плечо на стража и ужаснулась, увидев его красные глаза и оскالившийся рот. Вот Тьма... Лич все так же стояла в углу, и Вейн в отчаянии зацепилась за ее пустой взгляд.

— Помоги! — мысленно закричала она.

Темный обхватил Вейн за талию, прижал к себе, склонил голову... И упал. За его спиной стояла лич и держала в руках остатки тяжелой напольной вазы. И все так же равнодушно смотрела в одну точку. Путница выдохнула и перевела дух.

— Спасибо, — прошептала она. Девушка не отреагировала. Уронила вазу, развернулась и ушла вглубь дома.

Размышлять над странным поведением лича было некогда. Вейн кинулась к тяжелым синим портьерам, радостно вскрикнув. Она боялась, что и здесь не обнаружит проем, лишь глухую стену. Но окна были, хоть и закрытые тяжелыми ставнями. Железные крючки на них вполне человеческие, не магические. Она распахнула створку и с наслаждением вдохнула туман.

— Ну, наконец- то! — недовольно проворчал Дир, влезая на окно. — Почему так долго?

— Почему так долго? — возмутилась она. — Ты это все намеренно... ты...

Дир отмахнулся от ее возмущений и быстро осмотрелся.

— Арт наверху? — Вейн кивнула. — Зачем ты сняла маску? Стой здесь, — приказал он.

— Что ты собираешься делать?

— Принцесса, ты ведь умная девочка, — усмехнулся он. — Догадайся.

И быстро пошел наверх, на ходу доставая свой узкий белый клинок.

Путница обхватила себя руками и с тоской посмотрела в распахнутое окно. И что ей делать? Убегать? Куда? До первого стража? Одна в Темном мире она и дня не продержится... Значит, надо посмотреть правде в глаза. Она ведь догадывалась, зачем идет в этот дом, и что хочет сделать Охотник с Темным. Уж точно не разговоры разговаривать. Убить. Он пришел убить... Ночной Охотник убивает Темных.

И какой выбор сделать Вейн?

Страж двери зашевелился и глухо застонал, приходя в себя. Вейн схватила каминную чочергу и снова ударила мужчину по затылку. Он стукнулся лбом об пол и опять затих.

Путница грустно усмехнулась. Что ж, выбор сделан.

Город они покинули через полчаса. Не пешком. Возле дома их ждали две оседланные лошади. Правда, эти кобылки отличались от тех, что были в мире людей, не только необычными желтыми глазами, но и наличием небольших крыльев. Но такие мелочи Вейн уже не удивляли, подумаешь, крылатая лошадь...

Гораздо больше ее беспокоила голова Темного в мешке Дира.

Но вопросы она смогла задать лишь вечером, когда они остановились у маленького поселения и постучались в путевой дом. Все время до этого Дир без жалости гнал лошадь, почти не оглядываясь и не заботясь, поспевает ли за ним Вейн. Девушка только тихо радовалась, что всегда была отличной наездницей, тем более, что скакать на лошади в штанах оказалось гораздо удобнее. Единственным знаком внимания за все время стало то, что Охотник протянул ей синюю маску, которую Вейн обронила в комнате наверху.

— Привыкай к ней, — сухо сказал он. — Не стоит всем показывать свое лицо.

Теперь на нем тоже была маска, простая, черная, с красным рисунком вокруг прорезей для глаз. Самих глаз в этих прорезях почти не было видно. И если долго на нее смотреть, то от красного рисунка рябило в глазах. Наверное, для этого она и нужна была.

К путевому дому они подъехали уже в темноте. Приближались медленно, скакать в непроглядной тьме было слишком опасно. Зеленый фонарь, замаячивший вдалеке, заставил Вейн облегченно вздохнуть. Ее не покидало ощущение, что из мрака за ними наблюдают десятки голодных глаз, раздражал шелест крыльев неизвестных ночных существ и незнакомые звуки, наполнявшие тьму. Даже красные глаза хозяина путевого дома девушку уже не испугали.

— Одну комнату или две? — проскрипел сморщенный Темный, глядя на них с нездоровым любопытством.

— Одну, — сказал Дир, бросая на стол монеты. — И горячей воды принесите.

Вейн осмотрелась. Путевой дом похож на обычный, человеческий. Такие же закопченные балки, очаг, грубо сколоченные столы и лавки. Впрочем, весь этот мир был похож на мир людей, только отраженный в мутном, темном и кривом зеркале. Вроде, то же самое, но все искореженное и посеревшее. Вот и здесь, вместо живой человеческой прислуги бродят бездушные личи с мертвыми глазами, а за столами - парочка Темных и их эри. Эри, женщина и парень, ели кашу с мясом, а темные разговаривали и поглядывали на них, в ожидании, когда тоже смогут поесть. Мерзость...

Вейн отвернулась и пошла наверх, туда, где им выделили комнату. Слуга-лич уже наполнял горячей водой большую лохань. Девушка сбросила плащ и маску, а потом и сапоги. Потянулась. Дир кинул свой мешок в угол, и девушка покосилась на него хмуро.

— Обязательно везти с собой... это? — спросила она.

— Обязательно, — безмятежно отозвался Охотник, тоже снимая плащ. — Заказчик не заплатит без доказательств.

— Значит, ты просто наемник, — констатировала Вейн. Служка ушел, и она потянула тряпичную ширму. — Убиваешь за деньги. Ты не мог бы выйти, пока я буду мыться? Раз уж ты взял одну комнату, то хотя бы подожди в коридоре.

— С чего бы? — удивился он. — На отдельную комнату ты пока не заработала, Путница. Хотя и помогла мне с Артом, не спорю. К нему трудно подобраться... было.

Он довольно хмыкнул за ширмой, зашуршал чем-то. Вейн понадеялась, что он сейчас не рассматривает с довольной улыбкой содержимое своего мешка. Передернула плечами. Уходить Дир явно не собирался. Вздохнув, она принялась раздеваться. Ширма из плотной ткани, а если включить воображение, можно представить, что она здесь одна.

Вейн горько усмехнулась. Да уж, если бы мистрис Алесс узнала, что ее воспитанница бесстыдно раздевается в комнате, где находится посторонний мужчина, она бы в обморок упала от ужаса. Впрочем, мистрис Алесс, наверняка упала в обморок, узнав, что Вейн не только провела ночь с братом жениха, но и всадила в него нож по самую рукоятку. Интересно, что больше поразило благовоспитанную мистрис?

Помнится, когда Вейн разрезала лицо деру Вильнюсу, ее наставница месяц не могла прийти в себя от шока. Даже не смотрела в сторону девочки, лишь губы поджимала. Наверное, и сейчас поджимает...

Девушка снова усмехнулась сквозь слезы. Лучше цинично посмеиваться, чем плакать.

Она разделась, уже не задумываясь о том, что не одна в комнате. Какие уж тут манеры... Залезла в теплую воду и, блаженно вздохнув, закрыла глаза.

— Спинку потереть? — весело спросил Дир над ухом.

От неожиданности Вейн охнула и чуть не ушла вод воду. Открыла глаза и со злостью посмотрела на мужчину.

— Выйди.

— Мне неудобно разговаривать, не видя собеседника, — нагло ответил Дир, удобно устраиваясь на лавке и закидывая ногу на ногу.

— Тогда мы поговорим позже.

— Позже я буду есть. А потом спать. Так что, если у тебя есть вопросы, задавай сейчас, — усмехнулся он. — Пока я добрый.

Он беззастенчиво ее рассматривал, и Вейн порадовалась, что она худенькая и почти полностью скрыта темной водой. Вдобавок сквозь ширму почти не проникает свет из комнаты.

— Одичалый, от которого ты меня спас, тоже был твоей работой, верно? — мрачно спросила она.

— Конечно. У меня нет привычки просто так спасать глупых лейн. Только за деньги. Правда, когда я начал на него охоту, он еще не был Одичалым. Но заказчику знать о его падении не обязательно, — заржал он.

Вейн помолчала. Да уж, благородством тут и не пахнет. Все благородство осталось по ту сторону Излома.

— Понятно. Я тебе зачем?

— А вот это уже серьезный разговор, — он резко перестал смеяться. — Мне нужна напарница. Чтобы отвлекать или... завлекать. Ты мне подходишь. В истерику не впадаешь, манерам обучена, красива... Темные таких любят.

Вейн внимательно разглядывала его лицо. Глаза цвета меда сейчас вовсе не казались теплыми, напротив, в них горел жестокий и опасный огонек.

— А если я скажу, что мне это не подходит? — тихо спросил она.

Он быстро скользнул к ней и склонился над лоханью, уперся руками в бортики и навис над ней, так что девушка вздрогнула от неожиданности.

— Я ведь предлагал тебе выбор, принцесса, — нарочито мягко проговорил он. — Ты его сделала. И теперь либо со мной, либо...

— Убьешь меня? — спросила она.

— Да.

Они застыли, рассматривая друг друга.

— Тогда тебе стоит запомнить, что девушкам нужно иногда оставаться одним, Охотник. Например, когда они моются, — с вызовом ответила Вейн.

Он усмехнулся, и опасный огонек в его глазах погас. Медленно осмотрел ее тело, белеющее в темной воде. И выпрямился.

— Я постараюсь это учесть, Путница.

Дир вышел за ширму, и Вейн с облегчением вздохнула. Домывалась она уже в одиночестве.

— Дир, скажи, все эти служки... они ведь мертвые? Личи? Они словно куклы без души, так ужасно... — спросила Вейн, когда вошла в комнату.

— Такими становятся эри, когда лишаются света жизни, — пожал плечами Дир. Он разделся полностью, не смущаясь ее присутствия. Вейн отвернулась, но слушала внимательно. — Всех эри ждет судьба такой вот прислуги без жизни и души. Они становятся пустой оболочкой, рабочей силой для Темных.

В его голосе проскользнула горечь и давняя затаенная боль. Вейн быстро посмотрела на него через плечо. Снова медовые глаза застыли, словно он смотрел на что-то, видимое лишь ему.

Да, у каждого в Темном мире своя история. И свои потери. И делиться ими здесь не торопятся.

— А как ими управлять? Разве оболочка разумна?

— Ими может управлять хозяин. Темные порабащают тела с помощью магии. Очень удобно. Бесконтрольные личи опасны, бросаются на все живое, разрывают плоть. Особенно свежие. Наверное, где-то внутри них сохраняется память о теплой плоти, о крови и жизни. Вот и рвут живых, пытаются возродиться... Но под контролем Темных они не опасны.

Вейн вспомнила девушку-лича в доме Арта Лучезарного и чуть нахмурилась. Но ведь она помогала Путнице! Услышала ее мысленную просьбу? Но разве такое возможно? Ладно, с этим разберемся позже.

— Куда мы теперь отправимся?

— За наградой, — ухмыльнулся Дир и скрылся за ширмой. Какое-то время плескался там и что-то мурлыкал себе под нос.

Ужинали они у себя в комнате. Охотник сказал, что не стоит им привлекать к себе внимание. И спать пришлось на одной довольно узкой кровати. Но Дир улегся, завернувшись в плащ, и, помявшись, Вейн устроилась рядом. Она уже поняла, что свои моральные принципы ей придется пересмотреть.

Утро началось с сопения в ухо. Настойчивые губы исследовали ее шею и плечи, нахальные руки ласкали грудь. Мужские пальцы гладили ее, чуть сжимали соски, отчего дыхание за спиной становилось все тяжелее. Он прижимался к ней так тесно, что девушка отчетливо чувствовала его восставшую плоть, что упиралась ей между ягодиц.

Вейн открыла глаза, скользнула взглядом по убогой обстановке комнаты и резко ударила мужчину локтем под ребра. Следом скатилась с кровати и вскочила на ноги.

— Давай договоримся, Дир, — холодно произнесла она. — Я буду помогать тебе, буду заманивать Темных, чтобы ты мог отрезать их головы, но никогда не буду спать с тобой. Это понятно? И не смей распускать свои руки!

Он лежал на боку, в медовых глазах ни капли раскаяния. Даже не удосужился накрыться, чтобы спрятать откровенно стоящий член. Напротив, откинулся на спину, рассматривая девушку.

— А я что, недостаточно хорош для тебя, лейна? — медленно спросил он.

Вейн пожала плечами.

— Просто неинтересно. Или учти это, или у нас с тобой ничего не получится.

— Ладно, подожду, пока сама попросишь, — лениво протянул он.

— Жди, — усмехнулась Вейн.

Она натянула сапоги, заплела волосы в несколько косичек, переплела между собой. Дир какое-то время лежал на кровати, наблюдая за ней, потом встал, прошелся по комнате, потянулся.

— Вплети вот это, — как ни в чем не бывало сказал он и протянул ей веревочку с круглыми висюльками-медальонами.

— Красивое украшение, — обрадовалась Вейн. — Спасибо!

— Это не украшение, — он развернул ее к себе спиной и сам ловко вплел медальоны в ее пряди. — В каждом яд. Парализует Темных на несколько минут, схож с тем порошком, что я давал тебе для Арта. Только этот яд нужно растворить в воде и дать выпить.

— Разве Перерожденные пьют?

— Конечно, и едят. Но главное для них — свет жизни эри.

Вейн кивнула.

— Одевайся. Позавтракаем и в дорогу. Нам не стоит долго задерживаться на одном месте.

— Нас будут искать?

Дир по своему обыкновению пожал плечами.

За несколько дней они достигли южного предела и выехали к подножью черных пиков, упирающихся острыми макушками в сумрачное небо. Это были скалы, но ничего подобного в мире людей Путница не видела. Четыре острые черные башни находились на одинаковом расстоянии друг от друга, и сложно было представить, что сотворены они природой. Но и предположить, что это дело рук человека тоже было невозможно.

— Магия, — усмехнулся на ее изумленный взглас Дир.

Ну, конечно, магия.

И еще с одним проявлением магии они столкнулись через несколько минут, когда неожиданно вокруг потемнело, дыхание словно иссякло в груди, а вокруг завертелся черный разрушительный смерч. Внезапно накатила такая тоска, что захотелось выть. Ужас - смертельный, неконтролируемый - сковал разум, лишая возможности думать и понимать. Хотелось просто умереть. Не жить. Не чувствовать. Исчезнуть. И в этом кошмаре, что клубился вокруг них, было что-то живое и страшное, что заглядывало в нутро и рычало в предвкушении.

— Назад! — закричал Дир и дернул поводья лошади Вейн.

Кобыла захрипела от испуга и резко отпрыгнула назад, распахнув свои короткие крылья. Тут же вернулся уже привычный сумрачный день, с плавающими серыми клочьями тумана и жухлыми кустарниками по обочине дороги.

— Что это было? — хрипло спросила Вейн, растирая горло, на котором все еще ощущалась призрачная удавка.

— Слой Тьмы, — спокойно ответил Дир и спешился. — Привал, Путница. Дальше нам не пройти без провожатого, будем ждать здесь.

Он расположился на земле, начертил вокруг них свои загадочные знаки, обсыпал круг белым песком. Уселся в центре и достал припасы. Вейн порадовалась, что еду и голову Темного Дир хранил в разных мешках.

Провожатый явился через час. Просто возник на пустой дороге из ниоткуда. Дир невозмутимо доедал холодное мясо и на Темного только блеснул глазами в прорезях маски. Вейн тоже уже почти привыкла к закрытому лицу и даже приноровилась есть, не цепляясь за хищный клюв.

Перерожденный остановился возле кромки белого песка. Под капюшоном черного плаща лица было не разглядеть, словно и там чернела тьма. Охотник неторопливо вытер пальцы и встал, потянулся к своему страшному мешку. Покачал им, удерживая за веревку.

— Вижу, — голосом скрипучим, словно старое колесо телеги, отозвался Темный и бросил в круг мешочек с деньгами. Дир перекинул через песок голову и кивнул.

— До встречи, Охотник, — усмехнулся темный.

Дир отвесил издевательский поклон, но промолчал. Перерожденный подобрал мешок и исчез так же внезапно, как и появился. Вейн хотела многое спросить, но Дир быстро приложил палец к губам и застыл, прислушиваясь. Потом резко раскрыл ладони, перебросив через белый песок мелкие камушки. Они резво покатались по земле, словно горошины.

— Чисто, — удовлетворенно кивнул Дир и, сняв маску, вытер лоб. Улыбнулся девушке: — С Темными лучше пять раз перепроверить, чем самому без головы остаться. Некоторые не любят оставлять свидетелей. Хотя, я понятия не имею, кто заказчик, а они не знают наемника...

— Что это за песок? — спросила Вейн.

— Сдерживает магию и темных. Сквозь него им не пройти. Жутко дорогой, но лучше потратиться, чем...

— Остаться без головы. Я поняла.

Дир быстро пересчитал деньги, пристегнул к поясу мешочек и широко улыбнулся.

— Поехали, Путница. Покажу тебе столицу этого проклятого мира. Жуткое место, но там хотя бы можно развлечься!

Темный Мир

Ниарант не произвел на Вейн впечатления. Такой же город из темного камня, чуть более оживленный, чем виданные прежде, с более широкими улицами. Только в центре возвышался дворец, заставивший девушку замереть от восторга. Белоснежный, он сиял под сумеречным небом и казался вырванным из другого мира. Вокруг этого великолепия распускались цветы, тонкие нежные стебли с яркими красными бутонами. По узким дорожкам за кованной решеткой прогуливались парочки, и сердце Вейн радостно забилося. Это было словно частью ее прежней жизни, кусочком памяти, где она была счастлива.

Забыв обо всем и бросив поводья кобылки, Вейн рванула туда. Быстро пробежала через улицу, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Ей хотелось хоть на миг прикоснуться к этой настоящей жизни, почувствовать ее, поверить...

Она прошла через ажурную калитку и замерла, нахмурившись. Что-то было не так. Не было запаха. Яркие цветы не источали аромата, а ведь розы так благоухают, стоит бутонам расцвести. Вейн сделала шаг вперед и снова замерла. Склонилась над клумбой, провела дрожащим пальцем по твердому красному бутону. И вздрогнула. Мертвый. Холодный. Каменный. Не цветок, подделка. Вечный, в отличие от настоящего растения. И не трогающий душу.

Она растерянно осмотрелась. В нескольких шагах от нее, на светлой дорожке стояла парочка. Пожилой мужчина и юная девушка. На первый взгляд можно было подумать, что благородный дер целует запястье нежной лейны. Но в этом мире все было по-другому. На дорожке стоял Темный в маске, изображающей оскаленного зверя, и пил свет жизни из эри. Мог остановиться, а мог выпить досуха, сделав из юной девушки бездушную куклу.

Дир положил ей руку на плечо.

— Не пялся на них, — тихо предостерег он. — И нам не стоит здесь находиться. Много сильных Темных, некоторые умеют и в мысли проникать. И в души. Пойдем.

Вейн молча пошла за ним, не оглядываясь. На душе было премерзко.

— Что это за место? — спросила она, когда они снова сели на лошадей и отъехали достаточно далеко.

— Дворец Смотрящих. Это те, от кого следует держаться как можно дальше, Вейн.

Она кинула на него быстрый взгляд. Дир ни разу не назвал ее по имени с того дня, как она представилась Путницей. И сейчас он смотрел только вперед, но по напряженной позе и сжатым под маской губам она поняла, что к его совету стоит прислушаться.

— Нам опасно здесь находится?

— Нам везде опасно, — ответил он уже спокойнее. — Но не бойся, у меня есть способ ненадолго превратить нас в Темных. Магии нам это не добавит, но красные глаза я обеспечу.

Он рассмеялся, и Вейн тоже улыбнулась. На душе полегчало. Но все же от предложенного Охотником снадобья она отказалась. И гулять по Ниаранту не захотела. Дир не стал уговаривать, ушел, оставив ее в путевом доме, на этот раз заказав для них две комнаты. Она поняла почему, когда увидела хихикающую девицу, выходящую из комнаты Охотника по утру. У нее были красные глаза и смазливое лицо. Какой магией она обладала, Вейн не спрашивала, но Дир за завтраком выглядел довольным.

— Держи свою долю, — сказал Охотник, отсчитывая монеты. — Можешь купить себе каких-нибудь безделушек или платье.

Вейн повертела в руках монету.

— Я хочу купить нож или кинжал. И белый песок. И яд, который может убить Темного. И выучить те знаки, что ты чертишь для охраны от магии. Вот чего я хочу, Дир. Не платье.

Он накрыл ладонью ее пальцы, в которых она нервно крутила монетку.

— Что ж, тогда мы пройдемся по другим лавкам, Путница, — поднялся он из-за стола.

И да, это были другие лавки. В мире людей Вейн не могла себе такого даже представить. Целая улица, скрытая тьмой, сквозь которую они прошли, заплатив несколько монет. Покосившиеся древние лачуги, где старухи с гнилыми зубами предлагали открыть завесу грядущего, всматриваясь в сочащиеся паром внутренности крыс подслеповатыми глазами. Темные, в ярких масках и грязных одеждах, что хватали за руки, зазывая полюбоваться их товаром: зачарованными ошейниками и браслетами для личей, накопителями силы для Темных, жезлами управления с черепами вместо набалдашников, амулетами и охранными знаками из дерева, металла и частей человеческого тела, засушенными глазами и пальцами для ритуалов, камнями-перевертышами и засохшим пометом летух. Там были и сами летухи, кыяры, черви, змеи, жабы, брохи и еще какая-то живность в простых деревянных лоханях.

На низеньких скамеечках сидели девицы и зазывно улыбались, протягивали всем свои запястья, распахивали плащи, под которыми ничего не было. Предлагали за несколько монет насладиться и светом жизни, и остальными своими прелестями. Те, кто соблазнился, уже пыхтели за навесом на тюфяке, мало смущаясь того, что ветхая ткань их почти не скрывала.

За кривым проулком начиналась уже чистая улица, на которой располагались вполне добротные лавки. Там продавались ткани, делающие обладателя на несколько мгновений невидимым, и сладости, убивающие в страшных муках. Здесь торговали стеклянными колбами, в которых бесилась заключенная сила, и дикими аршами - крылатыми кошками, с изумрудными глазами и когтями-лезвиями.

— О, свет... какие красивые, — Вейн замерла возле клетки, с восторгом рассматривая зверя. Арша с ленивой грацией приблизилась к прутьям и изогнула хребет, по всей длине которого встопорщились иглы. Тонкий хвост прижался к голове, и на кончике его блеснуло жало, а пасть распахнулась, явив четыре ряда смертоносных зубов и удлинённые клыки. И по бокам головы надулся кожаный капюшон, как у змеи. Пр продемонстрировав весь свой арсенал, арша снова свернулась клубочком, став похожей на котенка.

Вейн рассмеялась. Впервые за эти дни. А Дир рассказал, что взрослые арши достигают размеров лошади и это самые опасные хищники Темного Мира. А потом потянул ее от клеток в сторону дома без окон. Возле порога Путница снова почувствовала то, что настигло их у черных скал: страх, сковавший душу, вихрь, населенный живым злом. Тьма. Они сделали шаг назад и подождали провожатого, который провел их сквозь слой. Тьма пропустила, и Вейн оглянулась на пороге. Глазами Тьму не видно, но стоит с ней соприкоснуться, и все нутро корчится в муках. Такую защиту мог поставить только сильный маг, и это всегда означало, что хозяин достаточно состоятелен и не любит незваных гостей.

— Здесь продают лучшие клинки в Темном мире, Путница, — объяснил Дир. — И сюда нельзя войти без спроса. Или выйти, не заплатив.

Он усмехнулся, и Вейн, уже привыкшей к его усмешкам, стало спокойнее.

На кривую улицу она вернулась через два часа, став обладательницей двух парных кинжалов. За них пришлось отдать все свои монеты, но Путница не жалела. Она подбросила один из кинжалов в ладони и улыбнулась Диру.

— Пользоваться научишь? — спросила она.

— Научу, — ответил Охотник и почему-то помрачнел.

Они еще побродили по лавкам, Охотник пополнил свои запасы порошков и ядов, но рассказывать ничего не стал, объяснив, что вокруг слишком много ушей, даже если Вейн их не видит.

Когда в воздухе стали загораться зеленные шары, они вернулись в путевой дом. Вежливо поблагодарив Дира за прогулку, Вейн ушла к себе. День выдался богатым на

впечатления, так что уснуть удалось не сразу. Перед мысленным взором все всплывали то дикий кот с шипами на спине, то красноглазые старухи-предсказательницы. А проснулась Вейн снова в слезах, и опять ее память не сохранила воспоминаний о том, что же ей снилось.

За завтраком Дир хмурился, но на вопрос Вейн лишь пожал плечами и сказал, что у них есть новый заказ.

А вскоре они покинули Ниарант - мрачную столицу Темного мира.

Через три месяца Вейн вполне метко научилась метать свои кинжалы и уже могла не хуже Дира установить защиту и сплести заклинание с помощью клона магии, заключенного в стеклянный шар. Против Темных, обладающих достаточной силой, такие фокусы были бесполезны, но сильных, к счастью, насчитывалось не так много.

Охотник оказался терпеливым учителем, но и Вейн была одарённой ученицей. Даже слишком одаренной. Она готова была часами стоять напротив мишени, тренируясь в метании кинжалов или выпуская смертоносных игл, которые купила с очередного заработка. Даже Охотник качал головой, наблюдая, как девушка истязает себя без малейшей жалости, лишь сжав зубы. Ее не интересовали наряды или краски для лица, но она придирчиво наряжалась и тщательно красилась, выходя «на охоту». Превращала себя не просто в красивую эри, а почти в произведение искусства. Она лепила новую себя, вытравляя из души воспоминания о той девушке, которая когда-то приехала в Далькотт, будучи нареченной.

Вейн больше не хотела вспоминать.

Когда она шла по улице города Холодных Песков, одетая в зеленое платье, черные штаны и высокие сапоги, с маской на лице, с которой до самой талии свисали зелено-черные перья, да еще вдобавок улыбалась яркими карминовыми губами, ей вслед оборачивались и долго смотрели не только мужчины, но и женщины.

А на следующий день, когда в мешке Дира болталась голова очередного Темного, Вейн превращалась в неприметного мальчишку, в широких серых штанах и кожухе - служку своего господина. Или даже в лича - пустую оболочку с мертвым взглядом.

Когда она впервые изобразила лича, даже Дир поверил. Он пришел к ней утром, а Вейн встретила его пустыми глазами, застыв посреди комнаты и ни слова не говоря. Сначала он посмотрел с усмешкой, а потом вдруг побелел, словно схлынули все краски с его лица, и даже медовые глаза враз выцвели. Схватил девушку за плечи, тряхнул так, что у нее чуть кости не хрустнули.

— Вейн... — прошептал он. Нет, не прошептал, прохрипел, провыл, как умирающий зверь.

И она подняла голову, позволив взгляду стать осмысленным.

— Поверил? — с насмешкой спросила она. И подумала, что он ее сейчас прибьет, такой яростью исказилось лицо мужчины.

— Прости, — она схватила его за руки, умоляюще заглянула в глаза: — Дир, прости! Но я ведь должна была проверить, насколько хорошо у меня получается. А если бы я тебя предупредила, ты не смог бы оценить...

— Я оценил, — как-то устало произнес он и ушел, хлопнув дверью.

Вернулся только через два дня, когда Вейн уже металась по городу, не зная, где его искать. Пришел, как ни в чем не бывало, правда, помятый и взъерошенный, с красными следами на шее, то ли от поцелуев, то ли от укусов и ощутимым запахом застарелого хмеля.

— Скучала, принцесса? — протянул он, вальяжно развалившись на ее кровати.

Вейн яростно блеснула глазами.

— Не очень.

— Ведьма, — ласково проворковал он. — Злая, холодная ведьма...

И тут же перевернулся на другой бок, закинул ноги в грязных сапогах на ее подушку и захрапел. Вейн фыркнула и спустилась вниз, к хозяину путевого дома, чтобы заказать себе другую комнату.

Утром он без стука ввалился в ее комнату и тряхнул за плечи.

— Вставай, — совершенно трезвым голосом приказал Дир, торопливо забрасывая вещи в мешок.

— Что случилось?

— Стражи прочесывают город. Боюсь, по наши головы пожаловали. Быстро, Вейн!

Она вскочила, торопливо оделась, спрятала под кожух оружие, превращаясь в неприметного мальчишку.

— Откуда знаешь?

— Осведомитель шепнул. Правда и стражам он может шепнуть про нас. Так что, не медли.

Но топот на лестнице раздался раньше, чем они успели выйти.

— Шаарта! — выругался Дир и метнулся к окну. Выкинул мешки и спрыгнул. Перекувыркнулся, встал на ноги и протянул руки: — Прыгай, я поймаю!

Вейн заколебалась. Окна второго этажа были слишком высоко, и страх перед падением заставил ее остановиться.

— Прыгай! — прошипел Дир.

Она залезла на окно, и тут ее схватили чьи-то руки, втащили обратно в комнату.

— Попалась, Кьяра, — усмехнулся страж.

Вейн отчаянно вскрикнула, забилась в его руках, но Темный обладал связующей магией. Он крепко держал ее руки, не давая добраться до клинков и яда. А потом перерожденный свистнул, призывая стражей, и Путница дернулась изо всех сил. В памяти вспыхнула картинка, как ей связывают руки там, в мире людей, оттаскивают от окровавленного тела Ксандра...

И Темный вдруг завыл от боли, а Вейн изумленно обернулась и опешила. Ее тело горело синим пламенем, не причиняя ей никакого вреда, но сжигая стража. Пламя вспыхнуло и погасло. Задумываться было некогда, по коридору уже бежали другие Темные. Вейн вскочила на окно, и почти не глядя, спрыгнула вниз. Ее поймали сильные руки, на миг прижали к груди.

— Я уже хотел уходить без тебя, — усмехнулся Дир. — Лошади там.

— Вон они! — заорал страж, высовываясь из окна: — Сюда!

Обожженный ее пламенем Темный все так же был на одной ноте.

— Что ты с ним сделала? — пришпоривая лошадь, крикнул Охотник

— Нож всадила, — ответила Вейн и тоже ударила кобылу по бокам. Лошадка недовольно заржала, распахнула крылья и огромным рывком рванула вперед.

Они неслись, как сумасшедшие, весь день, опасаясь преследования. Лишь изредка останавливались и шептали отводящие глаза заклинания, израсходовав почти все силу, что была у них припасена. И почти весь белый песок. Но зато Темные теперь вряд ли смогут их выследить. Только глубокой ночью, когда ехать в темноте уже становилось опасно, они достигли путевого дома, где и остановились на ночлег.

— Придется на какое-то время затаиться, — с сожалением пробормотал Дир, когда они заперлись в комнате наверху. — Переждать. Боюсь, нас будут искать. У того Темного, что мы ополовинили, остался брат.

— Родной? — удивилась Вейн.

— Ага. Вместе за Излом попали, говорят. Мстить будет.

Он пнул ногой мешок с головой этого самого Темного, и Вейн поморщилась. Она все никак не могла привыкнуть к подобной бесцеремонности Дира.

— Куда поедем?

— Есть у меня домик на берегу... Как раз для таких случаев припасен. Переждем пару месяцев там. Денег у нас достаточно, хорошо поработали, — он усмехнулся.

Вейн вспомнила некоторые подробности их работы и вздохнула. Но Охотник был доволен, он и сам не ожидал, что из лейны получится такая хорошая приманка. За три месяца с ее помощью он заработал больше, чем за весь прошедший год.

— Спать ложись, — он зевнул во весь рот, не стесняясь. — Встаем рано.

Вейн улеглась на единственную кровать, не раздеваясь и привычно закутавшись в плащ. Уснула быстро.

А проснулась от собственных слез, что не давали дышать, и губ, что целовали ее.

— Тихо, тихо, сладкая моя, хорошая. Не плачь... я с тобой...

Дир обнимал ее, крепко прижимал к себе, и она вздохнула, закрыла глаза, уткнувшись лицом в его грудь. Сколько раз она уже просыпалась так, от кошмаров, которые не помнила? Память не сохраняла их, а может, берегла хрупкое равновесие сознания, что с таким трудом выстраивала девушка.

Она запретила себе вспоминать о прошлом. Запретила думать, что в садах Талара уже расцвели айрисы, и леса стоят зеленые, наполненные птичьими трелями. Что в Далькоте сошел снег, и долина ожила, а в замке стало по-летнему тепло и солнечно. Что где-то там все так же живут, ходят, дышат те, кого она потеряла: родители, Люси, Леран... Все, кроме Ксандра...

Рыдания снова сдавили горло, и она крепче прижалась к Диру. Он чуть замер, а потом стал гладить ее спину, прижимая к себе, шепча на ухо что-то ласковое. И успокоившись, она снова уснула.

До домика на берегу они добрались через несколько дней. Правда, он был совсем маленький, с двумя крошечными комнатами, но из светлого дерева и с окнами. Привычка Темных жить в помещениях без окон сильно раздражала Вейн. Дир сказал, что на другом берегу илистой реки есть небольшой городок, в котором можно приобрести продукты и все необходимое. Но сам дом стоял в глубине леса, и что самое замечательное, ил в этой реке очень не нравился перерожденным, так что сюда они не наведывались.

А через несколько дней Вейн поняла, что больше не может закрывать глаза на очевидное. Уже месяц она подозревала, что с ней не все в порядке. Эта тошнота по утрам, приступы слабости и сонливости... И женские дни, которых не было с той самой ночи в горах Далькотта.

Тошнота подкатила к горлу в очередной раз, и Вейн, не сдержавшись, кинулась в уборную, где ее вывернуло наизнанку. Потом она долго стояла, упершись руками в лохань с водой. Умылась, прополоскала рот. Но руки все еще дрожали.

Когда она вернулась в комнату, Дир стоял у стены. Медовые глаза превратились в желтые, губы сжались в одну тонкую линию.

Одним прыжком он оказался рядом с Вейн и сжал ей плечи. Сильно, так что девушка поморщилась: наверняка останутся синяки.

— Что с тобой? — резко спросил он.

Вейн подняла голову. Скрывать больше не имело смысла, к тому же он уже начал догадываться.

— Я жду ребенка, — тихо проговорила девушка.

— Ты беременна, — не сказал, а выплюнул Дир. Лицо его исказилось от ярости. Он встряхнул девушку: — Кто он? Отвечай!

— Дир, отпусти меня, — негромко попросила она.

— Отвечай, — вдруг заорал он. — Да ты... тварь! Пока я перед тобой ужом верчусь, чтобы ты мне хотя бы раз улыбнулась, ты перед другим ноги раздвинула? Потаскуха!

Он снова встряхнул ее, и Вейн показалось, что Дир с трудом сдерживается, чтобы не ударить. Она ошарашенно на него посмотрела.

— Что? Каким ужом? О чем ты? Ты с ума сошел? И... ты делаешь мне больно!

— Я тебе делаю больно? — неожиданно засмеялся он, и Вейн стало не по себе от этого смеха. — Я? Тебе?

Он снова сжал ее плечи так сильно, что Вейн вскрикнула.

— Дир! Прекрати!

Он резко убрал руки и, развернувшись, ушел.

До вечера Охотник так и не вернулся. Вейн переделала все дела, поужинала в одиночестве и легла спать. Среди ночи девушку разбудили горячие губы, что целовали ее лицо, и Вейн открыла глаза. В темноте комнаты Дир сидел на ее кровати и, склонившись, целовал, целовал...

— Прости меня, маленькая, прости... — горячечно шептал он. От него слабо пахло хмелем и сыростью, волосы были мокрыми. — Я схожу с ума... прости... Почему ты не сказала мне? Над тобой надругались, да? Вейн... хорошая моя... Принцесса... Скажи мне... Кто это сделал? Я найду и убью... Убью того, кто тебя обидел. Это Арт? Или Хряп? Но они Темные... у них детей не бывает... Скажи мне, кто это сделал!

Она оттолкнула его и встала. Подошла к столу, на ощупь нашла лампу, зажгла. Маленький желтый огонек осветил растрепанные волосы Дира, его лихорадочно блестящие глаза. Он так и остался сидеть на кровати, настороженно ловя каждое ее движение.

— Это не Темный, — тихо сказала Вейн. — Это ребенок человека, которого я сильно любила.

Она вдруг откинула голову и горько рассмеялась.

— И я сама хотела близости с ним. Сильно хотела. Потому что влюбилась, жить без него не могла! Понимаешь?

Она холодно смотрела, как бледнеет его лицо, а на скулах проявляются красные пятна.

— А потом, — продолжила Вейн шепотом, — потом я взяла нож и убила его. Приревновала к собственной сестре. Взяла и убила.... Взяла и убила! Убила... Убила. Убила!

Вейн трясло. Она так долго сдерживалась, не выпускала наружу эти слова и чувства, что казалось, они разъедали ее изнутри, словно яд. Она не понимала, что плачет, что слезы катятся по ее щекам, и продолжала улыбаться.

Дир вскочил, обнял ее.

— Тихо, маленькая, тихо, не плачь... не плачь... Все будет хорошо, — он подхватил ее на руки, присел на кровать, баюкая, словно ребенка. — Я о тебе позабочусь... Не бойся. Не бойся, Вейн, хорошая моя... Моя прекрасная лейна... Не плачь...

Он слизывал ее слезы. Нежно, едва касаясь, целовал лицо. Мокрые глаза, щеки, губы. Снова и снова. Его ладони гладили девушку, успокаивая... или нет?

В какой-то момент поцелуи перестали быть нежными и стали жадными? Вейн очнулась, когда он наклонил голову и сквозь ткань ее сорочки накрыл губами вершинку груди. И принялся посасывать, втягивать в рот, чуть прикусывать. Она напряглась, застыла, и Дир поднял голову.

— Не отталкивай меня, — он просил, но в хриплом голосе чуть слышно проскальзывала угроза. — Прошу тебя, Вейн... прошу. Не отталкивай.

Она откинула голову, позволяя ему целовать себя. Вейн устала бороться и устала быть одна. Она хотела душевной близости, понимания. Но и за нее тоже приходится платить. С собой. Она была благодарна Диру, он ведь, действительно, заботился о ней, наверное...

Мужчина перевернулся, придавил Вейн собой. Потянул с ее плеч сорочку, обнажая тело. Несколько мгновений смотрел, словно щупал взглядом. Разглядывал жадно ее полную грудь, узкую талию и пока еще плоский живот. Сколько раз, вколачиваясь в услужливые тела продажных эри, он представлял это тело! Гордую лейну, что смотрела на него с холодным высокомерием, даже когда улыбалась. Иногда он платил ужасно дорогим Темным шляхам, которые умели накладывать иллюзии на свои тела и лица, и каждый раз он хотел видеть лишь это лицо и это тело. Но все равно чувствовал подделку. Всегда. По запаху, по искусственным стонам, по услужливому взгляду. Он ревновал каждый раз, когда она шла к очередному Темному, и дико боялся, что кто-то может ей понравиться, и что она захочет остаться.

Дир вздохнул и со стоном прижался к ее губам. Горячий язык прошел по ним, переместился на шею, ключицы. Коснулся груди. Он трогал и целовал ненасытно, сильно, словно сумасшедший, дорвавшийся до предмета своей страсти, своего мучительного желания. Оторвался от нее лишь затем, чтобы торопливо сорвать с себя одежду. И вновь прижаться к телу девушки, чтобы трогать, тереться, облизывать... Он хотел попробовать ее везде, торопливо прикасаясь к нежной коже, вдыхая ее запах, всматриваясь в зеленые глаза. Напряженная плоть мужчины упиралась ей в живот, и он двигался, хрипло и тяжело дыша, сходя с ума от желания поскорее войти в нее, вбиться в это прекрасное тело, что так долго пьянило его своей близостью и недоступностью. Это было таким мучением - смотреть на нее, трогать, обнимать во сне, вдыхать ее запах и не иметь права на большее. Порой ему казалось, что он не сдержится и заставит ее, возьмет силой или убьет, чтобы больше не мучиться.

— Вейн, — прошептал он. Сжал в ладонях ее грудь, уже не в силах сдерживаться. Она посмотрела в медовые глаза, затуманенные страстью. В них отражался огонек лампы, словно внутри Дира загорелся свет. Путница положила руки на его спину и притянула к себе. Скользнула ладонями вдоль позвоночника, сжала его ягодицы. Неуместно возникло воспоминание, как он двигался между широко разведенных ног Лиры. Вейн чуть усмехнулась и вонзила ногти в его кожу. И со стоном он вошел в ее тело, резко, сразу до самого конца, тут же задвигался толчками, откидывая голову и рыча от наслаждения. Еще и еще Дир вколачивался в нее сильными болезненными рывками, и Вейн выгибала спину, подстраиваясь под его слишком грубые движения, царапая ему кожу.

На последнем, самом сильном толчке он снова застонал и почти рухнул на нее, прижал, вминая в свое тело и содрогаясь от мощного оргазма. Полежал так, не двигаясь, затихая. Рук не разжимал, продолжал крепко обнимать девушку.

— Кажется, тебе было не слишком хорошо, маленькая, — усмехнулся он, подняв голову.
— Прости... Я долго этого ждал.

Он привстал на локтях, заглянул ей в глаза. Улыбнулся, как сытый кот.

— Дир, отодвинься, — попросила Вейн.

Он хмыкнул, скатился, с трудом устроился рядом. Все же ее узкая койка не была рассчитана на двоих. Да и Дир был совсем немаленьким, ему здесь и одному-то было бы тесно. Поэтому он лег на спину, положил Вейн себе на грудь. Так и лежал, поглаживая ей спину и улыбаясь, пока девушка удивленно рассматривала его лицо. Кажется, она еще никогда не видела Охотника таким: расслабленным, спокойным, довольным. И этот свет в его глазах разгорался все ярче, делая их почти золотыми, как кленовые листья по осени... Или Вейн это лишь казалось.

— Я позабочусь о тебе, Вейн, — сказал он, — не бойся.

И снова начал ее целовать, посасывать язык, скользнул руками между ног девушки, лаская и дразня. И возбуждаясь сам от этих прикосновений.

— Потрогай меня, — просил он.

И Путница гладила его кожу, рассматривала мужское тело. Странно, но смущения не было. Наверное, что-то в ней изменилось все же, или здесь, в этом мире, это нормально, смотреть на все с циничной усмешкой? Ведь так смотрят Темные?

Она гладила его тело, ощущая под кожей твердые напряженные мышцы. Трогала с легким любопытством исследователя. Ей нравилось, как откровенно он теряет голову от ее прикосновений, как сильно возбуждается от движений ее языка или пальцев, как хрипло стонет и дрожит. Нравилось его тело и запах, загорелая кожа и страстные до боли поцелуи. И удовольствие он ей доставил. Телу было хорошо, и сознание старалось не вмешиваться. А душа... Душа осталась там, в холодных горах Далькотта.

Мертвые земли. Антар

Из спальни вела маленькая лесенка на открытую площадку башни, и Вейн забралась туда. В первый момент поежилась от сырости. Отсюда просматривался мощный брусчаткой двор, конюшня, каменная ограда с нахорлившимися летухами и сосны в кочьях белесого тумана, словно в паутине. Слои тьмы ощущаются лишь при входе в них, а сейчас они не скрывали от Путницы замковый двор и даже снующих личей. У стены стояла маленькая фигурка, которая подняла голову, словно почувствовала взгляд, и махнула ладошкой с зажатой в ней палкой.

— Трини, — улыбнулась Вейн.

Странно, что девочка увидела Путницу, находящуюся так далеко. Но видимо, у малышки оказался зоркий глаз. Она снова махнула рукой и двинулась вдоль стены, вырисовывая на кладке узоры.

Вейн снова улыбнулась, размышляя о малышке. Ее личико показалось ей знакомым при первой встрече, но Путница лишь пожала плечами, так и не вспомнив, кого напоминало нежное курносое лицо девочки.

Она уже собралась уходить, когда заметила за стеной темные точки и прищурилась, пытаясь их рассмотреть. Всадники. К Антару кто-то приближался, причем, весьма уверенно. Судя по расположению, кавалькада была уже в невидимых взору слоях, но двигались спокойно, ровно. А это значит, что с ними провожатый из замка, и в Антар едут не враги, а гости.

Вейн наклонилась над стеной, пытаясь рассмотреть всадников получше.

Прибывших было два десятка. Темные воины, закованные в латы из зачарованного черного антанита, поглощающего магию, обвешанные амулетами, несколько эри и... девушка. С такого расстояния Вейн не рассмотрела ее лица, лишь ярко-рыжие, почти красные волосы, распущенные и непокрытые. На ней было темно-зеленое платье с длинным шлейфом, и Путница удивленно подумала, как, верно, неудобно в таком ходить... Но всаднице он не мешал, потому что стоило ей спуститься с лошади по приставным ступенькам, как ее шлейф подобрал мужчина, укутанный в серый плащ. Всполохов вокруг него не было, и Путница усмехнулась: рыжеволосая Темная прибыла с личным эром.

Всадница что-то сказала своим спутникам, а потом резко повернулась и бросилась в сторону замка, туда, где стоял Ксандр. Рассмеялась, повисла на его шее, поставляя губы для поцелуя. И он склонил голову, поцеловал...

А Вейн отшатнулась, вдруг испугавшись, что они заметят ее. В голове стучала кровь, и она отодвинулась, спряталась подальше. Теперь ее взгляду было открыта лишь маленькая площадка у стены, где все еще стояла Трини. Девочка снова помахала ей, и Вейн рассеяно кивнула в ответ.

Она вернулась к лестнице, дышать воздухом перехотелось.

На следующий день Ксандр ни разу не появился в башне. Вероятно, был слишком занят со своими гостями. Особенно с рыжеволосой. Вейн сжимала зубы, когда думала об этом и привычно раскрывала ладонь, желая вогнать в кожу иглу, чтобы избавиться от невыносимого чувства обреченности, но игл больше не было. Да и были бы, разве могли бы они ей помочь?

Вечером в башню явился Сай и два лича, споро накрывшие стол к ужину. Темный с ухмылкой сделал приглашающий жест рукой, подзывая девушку и усаживаясь в кресло.

— Я вот все думаю, тебя здесь заперли за провинность или... наоборот? — он сально осклабился и подмигнул ей, а Путница мило улыбнулась в ответ.

— А ты как думаешь? Харис очень боится, что я не сдержусь и сбегу к тебе... за конюшни.

— А что ж тогда лицо такое поцарапанное?

Вейн насмешливо приподняла бровь.

— Ну, сам знаешь, в любви порой трудно... сдержаться от проявления бурной страсти.

Он расхохотался, хлопнул себя по коленям.

— Эх, а я так надеялся, что хозяин отдаст тебя мне, — разочарованно протянул он. — Хотя теперь, когда вернулась Лантана, у нас с тобой появился шанс, малютка! Но прости, я подожду, когда твое личико снова примет прежний вид, а губы не буду столь... распухшими! Вот это тебя заездил харис, даже жалко...

Он снова подмигнул, а Вейн подумала, что точно прибьет Сая, прежде чем покинуть Антар.

— Лантана? — задумчиво повторила она. — Самый красивый и редкий цветок Темного Мира? Девушка отличается завидной скромностью... Кто это? Еще одна эри?

— Нет, Лантана — Темная, — мечтательно протянул Сай и закатил глаза. — Редкий цветок — это верно. Красавица... Кожа белая, как молоко лунной кобылицы, волосы — огонь, глаза — синь небес. Только недоступная, стерва.

— Да ты поэт, — с насмешкой протянула Путница, удобнее устраиваясь в кресле и принимаясь за еду.

Сайкериос широко улыбнулся и тоже потянулся к закускам.

— Ну, она, действительно, очень красивая. Поговаривают, попала сюда за то, что угостила муженька чаем с крысиным ядом. А с Тьмой расплатилась состраданием и совестью. Удобно, правда? Способная... Я бы не отказался с ней познакомиться ближе.

— Что же не познакомился? Неужели, отказала?

— Увы... Влюбилась в хозяина, как кошка. А он ей такую защиту от чужой магии поставил, что и пытаться бесполезно, эх... Но ты ведь не ревнуешь, правда, эри? Не злись, ты тоже весьма интересна. Особенно, когда не столь потрепана.

Он расхохотался, а Вейн подумала, что, кажется, знает, чем заплатил Тьме писчий после перерождения. Своим чувством такта и воспитанием! Если они вообще у него были, конечно.

— И зачем же пожаловала эта несравненная Лантана? — ехидно поинтересовалась Вейн, намазывая на булочку повидло. — И с кем?

— А вот это знать любопытным эри необязательно! — щелкнул ее по носу Сай.

— Что, даже не намекнешь? — девушка слизнула с губ янтарные сладкие капельки варенья, и Темный проводил взглядом заманчивое движение ее языка. Выдохнул.

— Ну-у... Я не знаю, если честно. Меня в такие вопросы не посвящают. Я ведь только писчий.

Путница понимающе хмыкнула. Да уж, зная болтливость блондина, она бы его тоже ни во что не посвящала.

— Слушай, а как ты вообще в Антаре оказался? Место тут такое... Я, когда сюда ехала, каких только страстей не услышала. А тут тихо... и даже стражей нет.

— Тут по-разному бывает, — неожиданно серьезно ответил Сай. — А попал... Да знаешь... мне повезло. Я из обедневших деров, денег хотел заработать, на обручение... Да к мошенникам попал. А дальше все грустно и неинтересно. А когда за Изломом очутился, чуть не погиб. Не умею я так жить, знаешь ли. Аесар меня спас тогда, к себе забрал, писчим. На самом деле я ему очень благодарен.

Сай покраснел и отвернулся. А Вейн подумала, что, пожалуй, оставит Темного в живых.

— Ты здесь недавно?

— Год.

Она кивнула. Конечно, это очевидно: коркой цинизма еще не покрылся, смешливый, разговорчивый, хоть и недалекий, да любвеобильный. Но благодарность столь редкое явление в этом мире, что с лихвой все окупает.

— Так что там с диким цветком? — вернула она на проклятую землю окончательно смутившегося писчего.

— Редким... Редким цветком, — рассеяно поправил он.

— Ну да, с ним самым. С кем и зачем пожаловала?

— Со стражей. С советниками Аесара. С эри. А зачем? Так живет она здесь.

Вейн поперхнулась ягодной настойкой.

— Она жена хариса?

— Ну, вроде того. В Омут тьмы они вроде не спускались, но тут уж без подробностей, не видел, не знаю.

Путница вздохнула. В Омут тьмы спускаются те, кто решил связать свои судьбы и жизни в Темном Море. В мире людей для этого идут в храм, а здесь — в черную дыру, практически в Бездну. Она тряхнул головой, слизнула капельки повидла с губ и откинулась в кресле.

Сай закончил трапезу и ушел в кабинет, выполнять поручения Аесара, как здесь называли Ксандра, а Вейн снова решила подняться на башню.

Во дворе было оживленно: деловито сновали личи, бряцали оружием воины, суетились Темные. Возле ворот мекнули, словно пламя, рыжие волосы, и порыв ветра донес до Путницы женский смех. Ксандр был с ней, и Лантана веселилась, что-то рассказывая ему.

Вейн внимательно осмотрела двор и спустилась вниз, к Саю.

— Слушай, а как ты прошел сквозь слои? — спросил она. Он на миг поднял голову, оторвавшись от бумаги, на которой что-то писал, кивнул на свой перстень.

— Позволяет проходить слои Аесара.

Девушка расправила складку на платье, откинула стянутые шнурком волосы за спину, подошла к Саю и потянула его за рукав.

— Ты чего? — удивленно вскинулся он.

Не отвечая, Путница прижалась к нему всем телом, поцеловала в губы. Нагло засунула язык в рот Темного, облизнула, словно кошка, и оттолкнула, прежде, чем он успел что-то сообщить.

— Прости, не удержалась, ты такой соблазнительный, Сай... — растягивая слова, промурлыкала она и улизнула, хлопнула перед его носом дверью. Торопливо надела на палец перстень, что стащила с его руки, и вышла из башни. Слой Тьмы вспыхнул перед глазами белым светом, и Вейн застыла, ослепленная. А в следующий миг открыла глаза и поняла, что находится в подземелье, прикованная к стене. Со злостью дернулась, пытаясь освободиться и понимая, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. Затихла и внимательно осмотрела свою клетку. Узкий луч света проникал сквозь круглую дыру в потолке, освещая небольшое пространство. Разглядывать особо было нечего: решетка, квадрат утоптанной земли и стена, к которой она прикована. Вот и все.

— ...не переживай, Лантана, это ненадолго, — раздался спокойный голос Ксандра, и металлическая решетка опала сухим песком, впуская пару. Вейн молча смотрела, как они приближаются, как удивленно смотрит на нее рыжеволосая красавица, как холодно и оценивающе — Темный.

— У тебя новая эри? — звонко спросила Лантана, и Путница окинула ее быстрым изучающим взглядом. Действительно красавица. Глаза — ярко-синие звезды, с красными вкраплениями, маленький носик, нежные губы. Всмотревшись, как учил Мастер, мимо и в то же время в упор, Вейн увидела желтые искры над ее головой, но определить магию Темной не смогла. Путница отвернулась, перевела взгляд на Ксандра, подняла насмешливо бровь. Он ответил ей презрительным взглядом, подошел ближе.

— Так и знал, что ты не удержишься. Перстень украла, или Сай сам отдал? Под впечатлением от твоих... способностей? Только он именной, открывает слой лишь для хозяина, а мелких воришек отправляет сюда.

Она промолчала, не сомневаясь, на какие способности он намекает. Лантана смотрела все так же удивлено. Потом вдруг оживилась, подошла ближе.

— Эри! Так много живой силы... — она провела пальцем по щеке Вейн. Путница стояла неподвижно, хоть и испытывала сильное желание вцепиться рыжей в патлы и пару раз приложить головой об стену. Вот только кандалы на руках мешали. Лантана провела пальчиком по обнаженной руке Вейн, и та не выдержала.

— Убери от меня своего домашнего питомца, харис. У меня от них чесотка.

— Да как ты... — опешила рыжеволосая и замахнулась, чтобы ударить. Ксандр перехватил ее руку. Красавица резко обернулась, посмотрела в его глаза, желтые искры вспыхнули золотым светом, засияли...

— Прекрати, — спокойно проговорил Темный, — сейчас это не нужно.

— Вкусная эри... Отдай мне ее, милый? Почему нельзя? — томно прошептала Лантана и прижалась к нему всем телом.

— Чтобы ты сделала ее личем? — усмехнулся мужчина.

— Отдай... — ее золотой свет уже укутывал девушку сплошным потоком, словно речная вода— сирену.

Лицо Ксандра смягчилось, он улыбнулся почти по-человечески ласково, и Вейн почувствовала, как горько и пусто стало внутри. Она вдруг поняла, в чем сила Лантаны: красавица умела создавать в чужом сознании недолговечную иллюзию чувств - нежности, страсти, любви... и Темный смотрел на нее, улыбаясь так, что сердце Путницы разрывалось от боли. Она отвернулась, не желая смотреть, как он будет ее целовать.

— Отдашь? — прошептала рыжеволосая, словно Вейн рядом не было. Обвила руками его шею, потянулась к губам, поднимаясь на носочки, прижимаясь всем телом. И нетрудно было догадаться, какие чувства она сейчас внушала мужчине. Он усмехнулся, потянул девушку за собой, и черная решетка снова восстановилась из песка, закрывая проем.

Путница подняла голову, прислушалась к тишине. Дернула оковы и зашипела от боли. Если сложить ладонь, вывернуть пальцы, то возможно удастся вытащить. Еще немножко...

Серые клочья в один миг завертелись вихрем, вытягиваясь в мужскую фигуру, но скрывая лицо. Он молчал, и Вейн невольно нахмурилась, провела языком по пересохшим губам. Туман закрывал Ксандра пеленой, менялся и двигался, дорисовывая ему чудовищные черты: то оскаленные клыки, то распахнутые кожистые крылья, то и вовсе нечто необъяснимое. И казалось, что в тумане стоит не человек, а порождение мрака, темный кошмар сумрачной бездны. Впрочем, так оно и было.

— Зачем явился? — намерено грубо спросила Путница. Его молчание нервировало. — Ты перепутал меня со своей рыжей зверушкой? Может, освободишь? Руки затекли.

— В качестве эри ты мне больше не нужна, — сквозь туман его голос звучал совсем безжизненно. — Спрятать камень в слоях или замке ты не могла, уже нашел бы. Значит, отдала осколок своей птице. Как думаешь, сколько времени мне понадобится, чтобы отыскать одну кяру? Умные птички, но недостаточно...

Девушка всматривалась в туман, от которого уже болели глаза.

— Ищи, — скрывая испуг за насмешкой, отозвалась она. — Къяр в Темном мире много. К тому же они легко уходят в слои, насколько ты знаешь. Устанешь искать. Но ты можешь попытаться, Ксандр, — она помолчала, моргнула, пытаясь избавиться от рези в глазах. — Слушай, мы, вроде, обо всем договорились. Освободи меня. Я... просто хотела... прогуляться. Надоело сидеть в башне, знаешь ли.

Туман резко опал, уполз в щели белыми змеями. Мужчина шагнул к ней, подцепил пальцем за подбородок.

— Врешь, Вейн. Сбежать хотела. Во всем врешь, ни слова правды. А самое плохое, что я даже не сомневался, что ты украдешь перстень, стоит Саю появиться в башне. И сущности ты связывать не желаешь, сделаешь все, чтобы обмануть меня... — он провел пальцем по ее лицу, почти лаская, и Вейн прижалась к стене, не отрывая от него взгляда. — Ты так отчаянно что-то скрываешь, что мне все сильнее хочется узнать, что именно.

«Посади рядом роскошную олиру и лютик, кто заметит лютик?» — вспомнила Путница. Подмени любопытство злостью и сможешь выиграть...

Она медленно улыбнулась.

— Ах, Ксандр... Кажется, ты все чаще стал искать повод, чтобы прикоснуться ко мне. Что, рыжая не справляется? Ее потуги по созданию в твоей голове иллюзии страсти уже не впечатляют? — Вейн откинула голову, заглядывая в темнеющие глаза мужчины и продолжая безмятежно улыбаться. — Она чуть прикусила губу. — Тебе нравится смотреть на меня, когда я стою здесь? Прикованная к стене? Такая... беззащитная? Тебе нравится, я вижу... — она позволила насмешке проскользнуть в голос. Ксандр молчал, смотрел спокойно, даже голову склонил. Он усмехался, только расширенный зрачок все ярче разгорался красным, да туман беспокоился - скользил по земляному полу призрачными змеями.

— Хочешь, я покажу тебе еще картины своего прошлого? — понизив голос, продолжала она. — О, спорим, ты такого не видел? Знаешь, Полночные игры просто цветочки по сравнению с развлечениями в доме Смрадного Горбуна. Слышал о таком? Десятки мужчин и женщин, личи и даже звери. Хочешь посмотреть?

В его глазах вспыхнула уже привычная ненависть.

— Ты отвратительна, — тихо произнес Ксандр, отодвигаясь от нее и заворачиваясь в туман. — А раз тебе не сиделось в тепле, останешься здесь до утра.

Он растаял, а Вейн тяжело вздохнула. Играть в эти игры становилось все сложнее.

— Хм... Интересно, что ты показала бы, если бы он согласился? — прошелестел мужской голос, и Путница резко вскинула голову, глядя, как проявляется за решеткой фигура, укутанная в серый плащ. — Насколько я знаю, ты никогда не была у Смрадного Горбуна.

Мужчина откинул капюшон, криво усмехнулся, блеснув в полумраке медовыми глазами. И Вейн улыбнулась.

— Дир.

Темный мир

Через два дня Дир привез в дом на берегу испуганную женщину – эри. Вейн посмотрела на них удивленно и улыбнулась, стряхнула воду с рук. Когда они вошли, она потрошила тушку зверька, которого с утра вытащил из силков Охотник.

— Не знала, что у нас будут гости, — поприветствовала она, все также улыбаясь. — Останетесь на ужин?

Женщина вздрогнула и мотнула головой.

— Я тороплюсь, — она покосилась на молчаливого Дира. — Давайте по-быстрому вас осмотрим. Не уверена, что справлюсь, все же практики давно не было... Здесь за Изломом детей и нету вовсе, а я сюда уж три года как попала... Это у людей, что не седмица, так бегут девки с проблемкой, а я помогаю... За то сюда и отправили, а я же как лучше, по доброте душевной...

Она, все приговаривая, приблизилась к девушке. Вейн чуть нахмурилась.

— Кто вы такая?

— Она поможет, — тихо сказал Дир.

— Помогу, помогу, — забормотала женщина. — Может, травками обойдемся, а может спицами, все-таки запустила, милочка... Раньше бы надо было...

И Вейн вдруг поняла, о чем говорит эта милая женщина. От ярости потемнело в глазах, и она удобнее перехватила тесак, который держала в руке.

— Пошла вон, — негромко приказала она.

Женщина смотрела непонимающе и все еще тянула к девушке руки, пытаясь потрогать живот.

— Пошла вон! — заорала Вейн и замахнулась. Сейчас она, кажется, легко убила бы и эту милую ведьму, что пришла избавить ее от бремени, и Дира, который топтался у двери.

Женщина выскочила, вереща от ужаса, а Вейн обернулась к Охотнику.

— Вот как ты решил обо мне позаботиться? — угрожающе спросила она.

— Вейн, так будет лучше, — он попытался заглянуть ей в глаза. — Ты не понимаешь...

Она яростно сбросила его руку, оттолкнула с такой силой, что мужчина упал. И пошла в комнату, собирать свои вещи.

— Вейн, послушай, — Дир вошел следом. — Послушай меня! В Темном мире нет детей. Нет, понимаешь? Очень редко, почти никогда, случается так, что появляются дети у тех, кто приходит из мира людей уже с плодом, как ты. Но таких детей всегда забирают Смотрящие. Мы не сможем защитить этого ребенка. И не сможем всю жизнь скрывать его. Лучше так, пока его еще нет...

— Он есть! — она посмотрела на мужчину с ненавистью. — Есть, понимаешь? Лучше скажи, что это мешает лично тебе, Охотник. Что с пузом я стану не слишком желанной приманкой и уже не смогу приносить тебе денег!

Она, уже не глядя на него, завязала мешок и направилась к двери. Он поймал ее, прижал к себе, выдернул котомку из ее рук и швырнул в сторону. Сжал ей запястья.

— Вейн, да стой же ты!

Извернувшись, девушка потянулась, изо всех сил укусила его за губу, ударила ногой в колено, вырвалась и бросилась бежать. Дир взвыл и кинулся за ней. Поймал, повалил на пол, подмял под себя. Заломил вверх ее руки и сжал их, как тисками. Торопливо стянул с нее штаны, всовывая язык ей в рот, тяжело дыша от охватившего возбуждения. У Вейн во рту стало скользко от его крови, она задыхалась, а он уже раздвигал ей ноги.

— Не отпущу, — прохрипел он, одним движением вбиваясь в ее тело. Задвигался рвано, сильно, жадно целуя ей губы. И даже когда содрогнулся, захрипел в оргазме, продолжал держать ее руки и прижимать к доскам пола.

— Прости, — он поднял голову, настороженно всматриваясь в ее глаза.

— Ты просишь прощения за то, что только что меня изнасиловал или за то, что хочешь убить моего ребенка? — холодно спросила она.

Его лицо исказилось, в желтых глазах мелькнули одновременно злость и страх.

— За то, что испугал тебя. За то, что не спросил... За все... Прости...

— Отпусти меня.

Она встала, поправила одежду. Дир тоже поднялся, настороженно наблюдая за ней.

— Я думал, что так будет лучше, — промолвил он.

— Ты думал. Давай ты больше не будешь думать за меня. Плохо получается, — со злостью сказала Вейн и вышла из домика. Дир смотрел ей вслед почти с ненавистью и одновременно с тоской.

Он просил прощения, и Вейн сделала вид, что простила. Удивительно, но здесь на берегу тихой заболоченной речушки, поросшей камышами, девушке нравилось. Здесь было так же пасмурно, как и везде в Темном мире, но вокруг дома росли светлые деревья с серебристыми узкими листьями, и от них в окна попадали искры света. Да и сам домик, после того, как она его отмыла и проветрила, оказался вполне уютным.

Дир с утра уходил на охоту и всегда возвращался с добычей. Так что, местную фауну Вейн изучала в основном по тушкам, которые готовила к обеду. И каждый раз удивлялась разнообразию и причудам местной природы.

Пару раз Охотник уезжал на несколько дней, узнать, как обстоят дела, а потом пропадал целых две недели. Но вернулся довольный и сказал, что мести со стороны брата их последнего заказа, они могут больше не бояться. Уточнять Вейн не стала, она и так поняла, что это означает.

Однажды утром она привычно проснулась от его поцелуев и удивилась: что-то было по-другому. Открыла глаза и отпрянула, не сразу узнав Охотника. Он улыбнулся, а Вейн удивлено провела пальцем по его гладкой щеке. Без привычной русой бороды Дир казался моложе и гораздо симпатичнее. Странно, но Путница никогда не задумывалась о внешности мужчины, с которым делила кров и постель. И сейчас с каким-то удивлением рассматривала красивое лицо с необычными глазами цвета меда.

— Дир, а сколько тебе лет? — спросила она.

Он поцеловал ее в нос и хмыкнул.

— Слышала поговорку про любопытных сорок? — усмехнулся он.

— Ну скажи? — Вейн с утра чувствовала себя отлично, ее не тошнило, и уже только это значительно повышало настроение. Она потянула его за волосы, растрепала. — Скажи!

— Я не помню, Вейн, — с улыбкой ответил он.

— Как это?

— За перерождение приходится платить, ты же знаешь. Я отдал воспоминания. Я помню себя только с того момента, как оказался за Изломом.

Она перестала улыбаться и резко села, ошарашенно заглядывая в его глаза. Дир улыбался все так же безмятежно.

— Подожди, — медленно произнесла Вейн. — То есть мир людей ты не помнишь?

Совсем?

Он качнул головой и безразлично пожал плечами.

— Все что-то отдают. К счастью, мои воспоминания показались Тьме достаточной платой, чтобы сохранить мою жизнь.

— Но ты ведь знаешь, что я лейна... откуда?

— Встречал, — усмехнулся он. — И лейн и диров, которые попадают за Излом и ждут, что все здесь им принесут на блюде. Да и рассказывали многие, как там, у людей. По сути так же, как здесь, если задуматься. И если судить по моим навыкам и отсутствию манер, я в мире людей был из самых низших слоев. Так что и забыть это не жаль.

— А мне жаль, — тихо отозвалась Вейн.

Он резко поднялся и нахмурился. Хорошее настроение пропало, и Дир пожалел, что вообще сказал ей это. Жалость в ее глазах была болезненнее злости.

— Не смей меня жалеть, — грубо отрезал он. — Радоваться надо. Ты по ночам воешь и о родных убиваешься, а я — нет. Жалеть надо тех, кто помнит.

И ушел, хлопнув дверью. Вейн проводила его взглядом.

Ее беременность протекала довольно легко, Вейн чувствовала себя хорошо, только быстро уставала. На последних месяцах в домике на берегу появилась молодая светловолосая эри, которую звали Кнейш.

— Она будет тебе помогать, — пояснил Дир.

Вейн улыбнулась ему благодарно, потому что уже сильно беспокоилась о предстоящем рождении ребенка. И хоть Охотник уверял, что все будет хорошо, и он обо всем позаботится, Вейн переживала. А присутствие в доме девушки как-то успокаивало, все же Дир часто оставляя ее одну, уходил на охоту или уезжал в городок.

Кнейш оказалась расторопной и спокойной. С вопросами не лезла, а если Вейн спрашивала — отвечала. До Излома она была служанкой и привычно повиновалась приказным ноткам в голосе лейны. Так что Путница была ею вполне довольна.

А когда Вейн увидела случайно, как ритмично соединяются тела Кнейш и Дира в камышах на сложенном одеяле, то просто ушла и за ужином улыбалась, как обычно. Дир тоже веселился, хоть и очень внимательно смотрел ей в глаза. И лейна подумала, что тренированный слух Охотника, скорее всего, уловил ее шаги на берегу. Но он ничего не спрашивал и не говорил, а она тем более.

К тому же сейчас все мысли Вейн были только о ребенке, который шевелился у нее под сердцем, наполняя душу щемящей нежностью. И на размышления о развлечениях Дира у нее не было ни сил, ни желания.

И все же они оказались не готовы к рождению малыша, потому что сам малыш решил не дожидаться положенного срока, а появился на свет на два месяца раньше.

В этот день, как назло, разыгралась буря. С севера налетел холодный ветер, развеял клочья тумана, что лениво плавали у земли, выморозил землю инеем. Как только Вейн поняла, что начались роды, Дир умчался на лодке в городок и приехал через несколько часов, волоча за руку подвывающую Темную. Он втолкнул ее в дом, не обращая внимания на причитания Перерожденной, которой непросто далось путешествие через ядовитую для нее реку.

— Вейн! — Дир ворвался в комнату, где стонала девушка. — Она поможет! Повитухой была до Излома.

Путница благодарно кивнула и снова застонала, обхватив живот.

— Воды горячей принесите, — пришла в себя Темная, сверкнув красными глазами.

Несколько часов муки окончательно измотали Вейн, и под утро она уже тихо скулила, временами впадая в беспамятство. Но ребенок все не рождался, словно не желая появляться на свет в этих проклятых землях.

— Кажись, помрет девка-то,— равнодушно повернулась повитуха к Диру. Тот схватил ее, сжал одной рукой шею.

— Умрет девушка, ты тоже умрешь, — пообещал он. — Мучительно.

— Так я что... Могу живот разрезать, освободить, тогда ребенок, может, и выживет. А вот мать нет...

— Спаси ее. Спаси девушку. Что хочешь делай, только спаси...

Вейн слышала голоса, проваливаясь в темноту, но не понимала смысла.

— Спаси ее... только спаси ее...

— А ребенок?

— Все равно. Главное, спаси девушку...

Дальнейшее она помнила смутно. Какие-то слова, образы... боль. А потом пробуждение на миг, и она видит красное сморщенное создание, которого держит Темная. Малыш... Ее малыш. Живой... Александр. Алекс.

Мертвые земли. Антар

— Кажется, ты вляпалась в неприятности, милая? — Дир покачал головой, внимательно осматривая решетку. — Вот тьма, заговоренная...

Вейн стиснула зубы, вытаскивая из стального обруча руку. Хорошо хоть ее запястья были тонкими, а ладони - узкими. И она давно научилась сдвигать сустав большого пальца. От резкой боли она зашипела, но кисть все же выскользнула, освобождаясь. С лодыжками дело обстояло хуже.

— Лови, — хмыкнул Охотник, перекидывая через прутья отмычку.

— Не мог раньше сказать? — возмутилась девушка, но железные крючки поймала, почти не глядя, и ловко открыла кандалы. Потерла кожу на ноге, там, где остался красный след, подошла к решетке.

— Откуда ты здесь?

— Так и знал, что ты без меня не справишься, малышка, — Дир вздохнул. — Проклятые Темные, что за любовь к зачарованным решеткам? Даже двери нет, не то что замка...

— Ты приехал с этой рыжей ведьмой? — спросила Вейн. — Как тебе удалось?

— Она не устояла перед моим природным обаянием, — широко улыбнулся Дир. — Правда, пришлось устранить ее эра...

Вейн нахмурилась недовольно, и он поднял ладони:

— Да жив он, жив. Валяется в каком-то подвале. Очухается, ничего с ним не случится. — Дир остро глянул в ее лицо и спросил чуть резче, чем надо: — Откуда Темный знает твое имя? Я слышал, как он его произнес.

— Влез в сознание, — рассеянно ответила Путница, раздумывая, как много он слышал. — Не заметила вовремя...

— Вот сюрприз ему был, когда имя не сработало, да? — криво усмехнулся Охотник и добавил уже серьезнее: — Надо убираться отсюда, Вейн. Плохая была идея с самого начала... Где твоя кьяра?

— Где-то за стеной, — вздохнула Вейн. — Там семь слоев тьмы, Дир, ты ведь видел. К тому же Кхха сильно ослаблена сейчас, и даже мое сознание не удержит. Не то, что нас двоих...

— Восемь. Восемь слоев, — хмуро поправил он. — Тогда у нас один выход: закопать Темного и дожидаться, пока слои пропадут. Иначе не выберемся.

— Без тебя знаю, — огрызнулась девушка. — Возвращайся к своей хариди, Дир. Где тебя разместили?

— В основном крыле. И надо поторопиться. Лантана упоминала, что скоро в Антар прибудет Немой Провидец. Скрыть от него мысли и воспоминания даже ты не сможешь, выпотрошит, как стервятник тушку кряки.

Она махнула рукой, показывая, что понимает, и задумалась.

— Надо выбраться из замка, — пробормотала она и решительно подняла голову. — И ты прав. Мы сможем уйти, только убив Темного. Иди, Дир. Я останусь здесь. Не нужно злить его раньше времени.

Он протянул руку сквозь решетку, тронул ее за плечо, и Вейн посмотрела чуть удивленно. Охотник вздохнул, руку убрал, накиннул на голову свой капюшон.

— Будь осторожна, Путница. И помни, что я всегда рядом...

Он ушел, а девушка отошла к стене. Села, подтянув коленки к груди, задумалась. От сырости пробирала дрожь, она начинала замерзать, жалея, что не захватила с собой

теплую шаль. Тихий шорох привлек ее внимание, и девушка подняла голову. Вскочила удивленная.

— Трини! Как ты здесь оказалась, малышка?

Девочка пожалала худенькими плечиками. На ней было все то же серое платье в темную полоску, с передничком и коричневые тяжелые ботинки. Вейн недовольно подумала, что маленькую девочку нужно одевать, как принцессу, а не как сиротинку.

— А я везде хожу,— беспечно ответила Трини. — А почему ты здесь?

— Меня наказали.

— А за что?

— Э-э-э... Я пошла туда, куда нельзя было... — пробормотала Вейн.

— Понятно, — глубокомысленно протянула девочка и провела пальчиками по решетке. На миг Путнице показалось, что ее рука прошла сквозь металлические прутья. Она моргнула, протерла глаза.

— Твой харис на тебя сильно злится, да? — прямодушно спросила девчушка, потерла ладошкой чумазую щеку.

— Очень сильно, — Вейн со вздохом опустилась на колени, чтобы быть на одном уровне с Трини. — Понимаешь, я сделала кое-что очень плохое. Так получилось... И из-за этого он оказался здесь. И я тоже. Это все сложно, Трини...

— Взрослые любят усложнять, — девочка снова пожалала плечами. — Если ты его обидела, надо извиниться, и он злиться перестанет.

Вейн улыбнулась и покачала головой.

— Нет, Трини. В нем теперь так много темноты... И во мне. Извинения уже не помогут...

— Если не хочешь видеть темноту, надо смотреть на свет, — глубокомысленно изрекла малышка и хихикнула.

Вейн снова улыбнулась.

— Если бы все было так просто... — пробормотала она и зевнула.

— Все просто. А тебе надо поспать, эри, — девочка снова провела палочкой по решетке, и та мягко зазвучала, словно лютня. — Я так думаю. Когда я не знаю, что делать, то просто засыпаю...

— Ты очень мудрая девочка, — снова улыбнулась Вейн. Спать, и правда, хотелось сильно. Может, она просто окончательно замерзла в этом сыром подземелье.

Девочка улыбнулась.

— Ты смешная. Я еще приду, можно?

— Конечно! Ты тоже смешная. И очень умная, — добавила Путница, спохватившись. Малышка махнула рукой с зажатой в ней веточкой и вприпрыжку убежала. Вейн же снова опустилась на пол и закрыла глаза. Все же Трини кого-то ей напоминала... Но додумать не успела, потому что уснула.

Ей снилось что-то хорошее, теплое. Чьи-то прикосновения и поцелуи, горячие губы. Она поморщилась во сне, отворачиваясь. Выдохнула чуть слышно:

— Дир...

И открыла глаза, вскочила, озираясь.

Подземелье исчезло, Вейн лежала на кровати в спальне башни. Мягко тлели огни в камине, отбрасывая на мебель красные блики и распространяя приятное тепло. Натужно

скрипели за стеной сосны, и стучал по крыше ветер, разгоняя туман. И никого в комнате не было.

Она застыла на постели, прижала ладонь к губам.

— Ксандр.

И сжала кулаки, до боли прикусила губу, не позволяя себе чувства. Нельзя. Иначе... Иначе проиграет.

Утро началось с клинка, воткнутого в грудь.

Вернее, почти воткнутого. И если бы не выработанная годами привычка спать вполглаза и чуткий сон, Вейн погибла бы от руки разъяренной рыжей ведьмы, что фурией ворвалась в спальню и с размаха вонзила кинжал в то место, где еще мгновение назад лежала Путница.

Вейн скатилась с кровати, отпрыгнула, в один миг перехватила тяжелую кочергу и, не задумываясь, ударила, выбивая из рук Лантаны оружие. И развернувшись, пнула ее в грудь босой ступней, так что Темная охнула и, отлетев, упала. Ее платье цвета нежной весенней листвы некрасиво задралось, а ноги нелепо раскинулись, обнажая ажурные чулочки и соблазнительные кружевные панталончики.

Путница фыркнула, осмотрев все это великолепие, и уселась Лантане на грудь, коленями придавив ее руки. И сжала перерожденной горло, равнодушно наблюдая, как захрипела красавица.

— Пусти... — с трудом выдавила из себя Темная.

— Зачем? — спокойно ответила Вейн. — Ты пришла убить меня, явилась с клинком, так что я в своем праве ответить тебе тем же. Или в Антаре никто не соблюдает Кодекс? — она убрала руку и брезгливо вытерла о шелковое платье рыжеволосой.

— Кто ты? — откашлявшись, силло спросила Лантана. Она попыталась пошевелиться, и Вейн снова пригвоздила ее к полу.

— Эри. Зачем пришла? Вернее, почему?

— Ты оскорбила меня... Там, в темнице! Я не прощаю оскорблений!

Путница пожала плечами.

— А ты не лезь ко мне. Целее будешь.

— Да как ты смеешь! Да я тебя убью! Выпью досуха! — возмутилась красавица. Видимо, даже лежа на полу и полностью обездвиженная, она не могла понять, что обычная эри приказывает ей, Темной! Для лучшего осознания ситуации Путница схватила Лантану за волосы и стукнула об пол. Глухо охнув, та провалилась в небытие. Вейн скривилась.

— И что вы все такие нежные... — недовольно пробормотала она и со вздохом встала. И попятилась. Ксандр сидел в кресле и совершенно невозмутимо наблюдал. Его черная одежда и темные волосы резко контрастировали со светлой обивкой кресла. Казалось, ему не было дела ни до лежащей на полу Лантаны, ни до Путницы, ударившей ее. Только серый туман змеями клубился вокруг сапог мужчины.

А Вейн вспомнила, что на ней лишь короткая ночная сорочка, которая задралась до самого пояса, когда она сидела на рыжей ведьме. Она отдернула грубую ткань и, как ни в чем не бывало, отошла к окну. Там было обычное серое и пасмурное утро, с затянутым пеленой свинцовым небом и бледным диском белого солнца, лениво плавающим в этой мути.

За спиной было так тихо, словно там никого не было, и это нервировало Путницу.

— Только давай без нравоучений, — хмуро бросила Вейн, чтобы разорвать эту тишину. — Очнется твой цветочек, ничего с ней не случится.

Она постояла, рассматривая унылый пейзаж, вздохнула и обернулась. И уткнулась в его грудь. Чуть отступила, прижалась спиной к стене и с насмешкой уставилась в его глаза. На бледном лице Ксандра залегли тени, словно от боли.

— Что-то ты плохо выглядишь, Аесар, — усмехнулась она. — Что, бессонница мучает? Или рыжая заездила? Ты смотри, а то так, и правда, в призрака превратишься...

Он уперся рукой о стену возле ее головы, и Вейн заставила себя не дергаться и не отодвигаться. Хотя его близость раздражала ее настолько, что хотелось ударить. Или поцеловать.

— Ксандр, ты бы позаботился о своей рыжей кошечке в панталончиках, вдруг захворает, лежа на полу? Какой ты невнимательный, право!

— С ней все в порядке, — спокойно сказал он, рассматривая девушку. — А вот ты дрожишь, Вейн. Твое сердце бьется слишком часто, дыхание сбивается, зрачки расширенны... Я даже подумал бы, что ты боишься, но... — он склонился еще ниже, почти к самой щеке, жадно втянул воздух возле ее шеи, — но ты пахнешь желанием. Знаешь, это очень будоражащий аромат...

Она попыталась отодвинуться, но было некуда. Путница снова насмешливо улыбнулась, даже губы облизала, намеренно вульгарно, так, что сама чуть не поморщилась от отвращения. Ее всегда удивляло, насколько мужчины падки на столь дешевые приемы.

— Ксандр, ты соскучился? Так попроси, может, я буду не против...

— Просить из нас двоих будешь ты, — глухо сказал он.

— Я просто дрожу от... страха! — пропела она, чувствуя, что правда дрожит. И он чувствовал эту дрожь, ловил напряженным взглядом, ощущал всем телом.

— И очень просить, Вейн. Только тогда, я, возможно, прикоснусь к тебе, — тихо сказал он.

— Не лсти себе, — усмехнулась она, откидывая голову. — Я просто привыкла к жарким... ночам. А здесь слишком долго мою постель не согревает мужчина. Мертвые Перерожденные, конечно, не в счет.

Он усмехнулся.

— Прикасаться к тебе — опасно для жизни. Помнится, после первого раза я получил нож в грудь, а после второго — удар по голове и кражу камня. Я учту свои ошибки. На будущее.

— Учти, — девушка резко подалась вперед, прижалась к его телу, голыми ногами к кожаным штанам, грудью к ткани рубашки. — Начни прямо сейчас... — она закинула руки ему на шею, откинула голову и раскрыла губы, понимая, что почти никто не может устоять перед столь откровенным призывом.

— Ты намеренно меня дразнишь, Вейни? Помнится, у носатого Верда, которого все называли Жалом, была эта глупая присказка про олиру и лютик. Старая присказка старого мастера... Эти трюки так предсказуемы, Вейн. Ты дразнишь, улыбаешься, облизываешь губы, но это все игра, маска... Отвлечение внимания. Я слышан о тебе, Кьяра... Да и кто из Темных о тебе не слышал? О твоих методах и подвигах, — он усмехнулся и снял ее руки, отодвинулся. Путница смотрела в это лицо, чуть искаженное шрамом на виске и старалась не дрожать. Теперь ей действительно было не по себе. Он наклонил голову, рассматривая ее.

— И еще я нашел твою птицу, дорогая.

— Как? — выдохнула Вейн.

— В этих землях нет существа, которое способно от меня спрятаться, — равнодушно ответил он, сделав шаг назад. — Так, может, перейдем уже к ответам? Вейни?

— Ты врешь, — напряженно сказала девушка, — ты не мог найти Кхха. Это блеф.

Ксандр приподнял бровь, подошел к столу, развел ладони. Серый туман клочьями сгустился, налепился, как снежный ком, выровнялся в пласт. И Путница увидела клетку, в которой недовольно стучала клювом ее кьяра.

— Кх-ха, — прошептала девушка, и птица подняла узкую голову, походила, перекачиваясь и подволакивая крыло. И снова клюнула прутья, заурчала.

— Камня у птицы нет, но она принесет его мне, не сомневайся.

Он снова улыбнулся, и Вейн почувствовала желание обхватить себя руками, чтобы согреться от охватившего ее озноба. Теперь она действительно боялась его. Боялась того, кем он стал, боялась силы, что он получил, и темноты, его заполнившей.

Лантана пошевелилась и, застонав, села. Путница метнулась к ней, схватила кинжал, валяющийся на полу, и приставила лезвие к горлу Темной.

— Отпусти меня, — сказала она, не сводя настороженного взгляда с Ксандра. — просто позволь уйти. Кхха принесет тебе камень. Иначе...

— Иначе что? — с насмешкой спросил он, подходя ближе. Медленно, мягко, совершенно бесшумно.

— Перережу твоей зверушке глотку! — со злостью выдохнула Вейн.

Лантана издала придушенный хрип и дернулась. Путница крепче схватила ее за волосы, надавила лезвием на кожу.

— Отпусти меня! — почти с отчаянием выкрикнула Вейн.

— Ты стала такой кровожадной, маленькая Вейни, — протянул голос за ее спиной, и Путница резко обернулась. Ксандр, еще миг назад стоявший возле окна, оказался у двери. Она попятилась, вздергивая скулящую и ничего не понимающую Лантану, прижалась спиной к стене.

— Не надо играть со мной, Ксандр, — зло бросила Вейн.

— Разве не ты первая начала эту игру? — он улыбался, приближаясь. — Ну же, милая, и что же ты будешь делать, если я подойду?

— Я уже сказала! Этот цветочек лишится своей рыжей головы!

— Так сделай это... — он шагнул еще ближе.

Лантана мелко тряслась в руках Путницы, как испуганный зверек, даже не делая попыток освободиться.

Ксандр на нее не смотрел, он не отводил глаз от Вейн, улыбаясь ей почти ласково. И неумолимо приближаясь.

— Ты еще не поняла, Вейни? Тебе не уйти из Антара, пока я все не узнаю. Ты уже готова открыть мне свои воспоминания?

— А ты уже готов получить труп этой ведьмы? Или думаешь, я блефую?

— Ну что ты, я вполне тебе верю, — еще один шаг. — Только я не остановлюсь, Вейн. А ты?

Путница глубоко вздохнула. Ксандр подошел еще на шаг... И девушка резко дернула рукой с клинком, лишь в последний момент сдержав ладонь. И зашипела от злости. Потому что рыжие волосы в ее кулаке стали русыми, тонкая фигура Перерожденной разрослась, стала выше и массивнее, зеленое платье сменилось грубыми штанами и серой рубашкой с кожаным нагрудником.

Вместо Лантаны у ног Путницы лежал со связанными руками Дир.

Ксандр вздернул бровь в притворном изумлении.

— Ну, надо же, милая, неужели в тебе проснулась совесть? Очень не вовремя. И, думаю, тебе не надо представлять этого эра? Вы ведь знакомы?

Вейн смотрела на него с откровенной ненавистью.

— И как давно здесь Дир вместо этой... рыжей?

— Я отправил Лантану в ее комнату, как только появился, — любезно пояснил Ксандр. — Знаешь, я привык заботиться о том, что мне дорого.

— А она для тебя «что»? — ехидно спросила Вейн и присела возле Дира. У Охотника была разбита губа и глаза ошалелые, непонимающие. Помимо иллюзии, видимо, Ксандр на него наложил и печать безмолвия, от которой потом несколько дней болит все тело.

Темный стоял посреди комнаты, наблюдая, как Вейн разрезает веревку на руках Дира, стирает кровь с его лица. Туман вокруг него темнел, уплотнялся, заволакивал пеленой. И вновь в этом мареве мелькнули оскаленные клыки чудовища.

— Кажется, ты сетовала на холодную постель, Путница? — глухо сказал он. И скривился. — Ну, не буду мешать. — Кинул на пол перстень и шагнул в свой сумрак.

Вейн вскочила, как только туман исчез, втянулся в щели между досками пола, стек каплями серой влаги. Она закружилась по комнате, бормоча заклинание, черные волосы вились вокруг головы, глаза зажмурены, босые ноги отбивают ритм. Резко развела ладони, открыла глаза...

— Ушел? — сипло спросил Дир.

Путница постояла, прислушиваясь, не веря, что Ксандр на самом деле покинул помещение. Но заклятие скрытого не выявило посторонней тени, и Вейн бросилась к Диру, присела рядом. Но не для того, чтобы помочь.

— Он смотрел твои воспоминания? — она схватила его за плечи, сжала изо всех сил, так что Охотник поморщился, но девушка не обратила внимания. — Смотрел?

— Нет, — Дир осторожно отлепил от себя ее пальцы и ласково погладил по щеке. — Но Клятву Жизни с меня взяли. И в отличие от тебя, я ее нарушить не смогу, сама знаешь...

Он потер русую щетину на подбородке и заглянул Вейн в глаза.

— Кто он? — выпалил Дир. — Кто он... тебе?

— Никто.

— Никто? Правда? Тогда почему он так ревнует?

— Ты ошибаешься, Дир... — чуть слышно пробормотала Вейн.

Путница села на пол и схватилась за голову. Вот тьма... Зачем только Охотник пришел за ней! Стоит Ксандру залезть ему в голову и просмотреть воспоминания...

— Да? Вот уж вряд ли. Кто он? — вдруг со злостью рявкнул Дир и тут же устало прикрыл глаза. — А знаешь, можешь не отвечать, принцесса. Даже я не такой дурак, чтобы не заметить очевидного сходства. Просто одно лицо... Алекс его сын, ведь так, Вейн?

Она закрыла глаза и уткнулась лбом в колени. От отчаяния хотелось просто завывать. Взгляд зацепился за матовый синий камень на тусклом металле. Перстень... Она решительно встала, положила ладони на грудь Охотника, провела до пояса. Он смотрел настороженно, потянулся к ее руке, неуверенно накрыл ладонью. Девушка быстро расстегнула петельку на его рубаше, тронула медальоны на кожаных шнурах

— Что у тебя есть? — глухо спросила она. — Яды? Черная пыль? Дождь? Что?

Он перехватил ее ладонь, прижал к груди.

— Это все не поможет! Слишком много темноты, ты что, не видишь?

Путница руку выдернула, перебрала его амулеты и сдернула один.

— Уходи, Дир, — не глядя на него, проговорила Вейн. — Уходи. Перстень надень, пройдешь сквозь слой возле башни. Иди...

— Что ты задумала? Вейн! Я не оставлю тебя одну...

Она отвернулась.

— Иди. Постарайся найти Кхха. И жди меня у ворот.

Он еще постоял за спиной, а потом Вейн услышала, как хлопнула дверь.

Вейн вытряхнула из амулета зерно, согрела в ладони, а когда раскрыла, по запястью пополз белый снежный узор морозного цветка. Он оплел ее пальцы тонкими холодными стеблями, расчертил руку кружевом ажурных листьев и расцвел у локтя острыми, колкими лепестками – льдинками. Кожу обдало холодом, и рука почти сразу онемела. А снежный цветок уже вращался в ее теле, оплетал льдом, замораживал сущность...

Путница вошла в купель и скинула сорочку. Шагнула на ступеньки каменной чаши и улыбнулась. Все же, магия порой так полезна... Например, когда нужна горячая вода. Она легла, из-под прикрытых век наблюдая, как из круглых отверстий струится вода, заполняя чашу. Исходящие паром струи коснулись ее ног, потом бедер, мягко сомкнулись на животе, щекоча пупок. Горячая вода согревала, не давала ей замерзнуть от силы, что она впустила в свое тело. Вейн лежала, откинув голову и глядя в мутное зеркало, что уже заволокло паром. Эри исцеляются очень быстро, и сейчас на ее коже почти не осталось следов от прогулки по слоям. Она провела ладонью по коже, коснулась груди. Пальцем прочертила влажную дорожку до живота. И остановилась.

— Если ты так равнодушен, Ксандр, почему тогда смотришь на меня? — тихо произнесла Вейн. — А я знаю, что смотришь... Постоянно. Когда я сплю. Когда двигаюсь. Здесь, в купели... Я чувствую твой взгляд и вижу в нем ... голод... И даже сейчас.

Вода почти заполнила купель, затянула лежащую в чаше девушку, и она закрыла глаза. Капли мерно падали, ударялись о бортик с глухим, мягким звуком. Где-то в отверстии воздуховода шумел ветер, но чуть слышно, отдаленно. Она вздохнула. Потянулась и распахнула ресницы.

Да, он смотрел. Стоял, прислонившись плечом к стене, и смотрел. Взгляд тяжелый, темный, губы сжаты в одну жесткую линию.

— Чего ты добиваешься? — хмуро спросил Ксандр.

Девушка слегка пожала плечиком, и от легкого движения вода заволновалась, всколыхнулась, приоткрывая ее тело. И он не смог скрыть вспыхнувшего в серой глубине глаз желания. Нет, не желания... Потребности, необходимости, почти одержимости... Страстного, неистового вожделения, спрятанного за сдержанностью.

Вейн не двигалась, даже губы не открывала, только смотрела.

— Мне... холодно, — чуть слышно прошептала она.

Он усмехнулся, поднял руки, рывком стащил с себя рубашку, и Вейн скользнула взглядом по мощной груди, по широким плечам, по темной поросли волос, тонкой полосой уходящей вниз. И замерла, не отводя от него глаз. Еще одно резкое движение, и Ксандр освободился от сапог, расстегнул штаны, откинул их прочь. Вейн жадно смотрела, как он спускается по ступенькам в купель. Мужское тело слишком очевидно говорило о том, насколько он не равнодушен. Даже если внутри Ксандра не было ни одного чувства к ней, желания тела остались неизменны. И сейчас Вейн скользила взглядом по его вздыбленной мужской плоти, по напряженным мышцам, по серым глазам, в которых сейчас так туго сплелись невыносимое желание и острая неприязнь.

Миг, и Ксандр уже рядом, стоит на коленях в воде, но не прикасается, всматривается в зелень ее глаз, словно что-то ищет.

— Не верю, — хрипло сказал он. — Ничему не верю. Врешь, Вейн... Играешь снова. Ничего не осталось от той, что была когда-то, теперь лишь Путница. Развратная, жестокая, расчетливая... Но ты права. Я не могу... не смотреть на тебя. Или не желать...

Он медлил несколько мгновений, а потом впился ей в губы, жестко раздвигая их языком, вторгаясь в ее рот почти болезненно сильно, без малейшей ласки. Коснулся ее кожи, и у Вейн вырвался сдавленный стон. Его ладони не гладили, а сжимали тело девушки. Она уцепилась за него, прижалась, сдавила его плечи, запрокинув голову. Ее тело горело от этих злых прикосновений, от его силы, от терзающих губ, дыхание рвалось хриплыми вдохами... Вейн задыхалась. Она хотела этого мужчину. Хотела до боли, до хрипа, с самого начала, с самого первого дня, с первого мига их встречи. И не знала, как противиться этому.

Вода всколыхнулась от их резких движений, выплескиваясь через бортик, но они не заметили.

Он снова вернулся к губам, жадно, ненасытно терзая, всасывая ее язык. Облизывая его, словно лакомство. Прикусил ей губу, зализал, спустился ниже, на шею. Каждый поцелуй — словно ожог, мучительное наслаждение, раскаленная игла эйфории, пронзающая тела обоих.

Ксандр прижал ее к каменной кладке, пробежался пальцами по бедру, лаская и возбуждая.

— Тебе так нравится дразнить меня, Вейн? Играть?

Он накрыл губами острое навершие соска, обвел языком. И опустил ладонь в воду, провел между напряженно сжатых женских бедер. А потом отстранился и резко развернул спиной к себе, так что Вейн легла грудью на бортик. Перехватил ее запястья одной рукой, не давая пошевелиться. Прижался к ее ягодицам возбужденным членом.

— Попроси меня... — хрипло сказал он.

— Что?

— Попроси... Скажи, мне, что хочешь этого... Хочешь, чтобы я взял тебя.

Он склонился, горячие губы прошлись вдоль ее позвоночника, отчего у Вейн закололо в пальцах и все тело выгнулось от желания. Она застонала, и Ксандр прикусил ей кожу, снова впечатался в ее бедра, все еще удерживаясь на грани и не входя.

— Попроси... — выдохнул он. — Я так хочу... попроси меня!

Вейн попыталась вывернуться, но он лишь крепче сдавил ей руки. И снова потерялся о ее ягодицы. Это ощущение близости и желание, чтобы он заполнил ее собой до самого основания, погрузился как можно глубже, заставляли их обоих стонать, тереться, выгибаться и вжиматься в тела друг друга до болезненных синяков.

— Вейни... Скажи мне это... Прошу тебя... — почти стонал он. — Почему ты такая... упрямая!

Он бешено целовал ей шею, плечи, спину, короткими рваными поцелуями, прижимаясь к ее бедрам, сжимая руки, и Вейн снова выгнулась и не сказала, выдохнула:

— Забери тебя Бездна, Ксандр... Да...

И он резко вошел в ее тело, одним ударом, так что дыхание стало всхлипами, кровь — жидким огнем, а движения — бесконечным наслаждением, сводящим с ума и заставляющим извиваться, вжиматься, вращаться в чужое тело, биться об него все сильнее, желая соединиться как можно крепче и туже...

Она помнила его, помнила эти движения внутри своего тела, и в то же время это было так по-новому, так остро и сильно, так болезненно прекрасно.

Он оторвался на миг, и Вейн вывернулась от чувства потери, но Ксандр лишь развернул ее лицом к себе, обхватил бедра и снова погрузился в ее тело. Она скользила ладонями

по его коже, такой горячей и влажной, зарывалась пальцами в темные волосы. В ее воспоминаниях они были короткими, как у всех легионеров, а сейчас до плеч... С них падала вода на ее грудь при каждом движении, каждом рывке, и даже эти капли сводили с ума, заставляли хрипеть от желания. Внутри нее расцветал снежный цветок, сковывал сердце льдом, обрастал ледяными иглами. И от того каждое прикосновение его горячей кожи обжигало.

Он уже не целовал, только смотрел ей в глаза, с каждым ударом вбиваясь все сильнее. Да и не нужны уже были поцелуи, казалось, еще лишь одно прикосновение — и мир расколется, взорвется, исчезнет! Они дышали короткими хриплыми вздохами, почти стонами, ловя сухими губами прерывистое дыхание друг друга, не отрывая глаз, с каждым движением взлетая все выше и выше на волне блаженства.

Еще удар, и Вейн всхлипнула, откинула голову, уже не застонала — закричала от невыносимого, чистого, острого до судорог экстаза и, наверное, упала бы, если бы Ксандр ее не держал. Но он держал крепко, даже когда содрогнулся сам. Только застонал глуше, уперся одной рукой в бортик купели и не отпускал, пока дыхание обоих не стало тише, а взорвавшийся мир не вернулся на свое место.

Ксандр поднял голову, посмотрел ей в лицо. Медленно слизнул каплю воды с ее губ. Еще одну. Капли были солеными, но он не хотел думать, что это значит... Ни о чем не хотел думать. Хотел только держать в руках Вейн и целовать ее губы. Бесконечно.

Путница подняла ладонь. Стужа сковала нутро ледяной коркой, забрала боль, остудила пыл живого сердца. Почти убила. Но только так можно не чувствовать. На ее пальцах вырастала ледяная игла, тонкая до прозрачности, острая, как боль... Такая игла входит в сердце незаметно и убивает ласково. Еще один поцелуй, и острое вошло в тело Ксандра. Стужа уже перекинулась с кожи Вейн на воду в купели, замораживая ее. Капли на глазах становились льдинками, колючими белыми шипами холода. Серые глаза мужчины затянулись белой вьюгой, словно буря в Далькоте, в тот день, когда они впервые встретились.

Путница встала, не оглядываясь вышла из купели. Внутри было холодно и пусто, за спиной обрастал ледяными шипами Ксандр. Она прошла в комнату, быстро одела уже привычное серое платье, обула сапоги. Закрутила в тугий узел мокрые волосы. И пошла вниз.

Первый шаг в слои оказался тяжелым, даже скованное льдом сердце затрепетало от ужаса. Но чем дальше Вейн шла, тем легче становилось. Без силы хозяина слои тускнели, сворачивались бледными тенями, исчезали.

Она пересекла двор, никого, кроме личей не встретив, добежала до ворот. Там уже ждал Дир с деревянной клеткой, в которой сидела кьяра.

— Кх-ха нашел, но что мы...

Вейн ударила по клетке, разбив прутья, выпуская птицу на волю. Недовольно заурчав, Кхха уселась ей на шею, но тут же вспорхнула испуганно. Дир посмотрел внимательно, сжал девушке подбородок, заглядывая в глаза. В их зелени уже цвели снежные узоры, словно на весенней листве, прихваченной утренним инеем.

— Шантар, Вейн! Ты впустила в себя стужу? Ты с ума сошла?! — он злобно сплюнул, скрывая за яростью страх.

— Найди лошадей, — спокойно сказала Вейн. — Поторопись, Охотник. Я не уверена, что цветок зимы убьет Темного...

— Зато он убьет тебя! — яростно воскликнул Дир.

— Возможно. Но прежде я заберу Алекса у Смотрящих. Скорее, Дир.

Выезжая из Антара, Вейн обернулась. Но во дворе, мощенном брусчаткой, было на удивление тихо и пусто, только у стены стояла маленькая фигурка с веточкой в руках. И у Путницы на миг сжалось сердце, скованное стужей. Трини... Девочка подняла руку и помахала ей, прощаясь.

Темный мир

Четыре года назад...

В тот день Путница тоже торопилась, безжалостно подгоняя лошадь. Ведь ее любимому мальчику исполняется два года! И в мешке, том, на который Вейн любовно поглядывала, она везла малышу подарки. Там были сладости, тающие на языке и тянущиеся длинными медовыми лентами; стеклянные магические шары, в каждом из которых заключались невероятные живые пейзажи: цветущие поля с маленькими домиками деревень; озера, с плескающимися русалками; искрящиеся радугой водопады, с пролетающими над ними драконами. И целый ворох игрушек, которые так нравились ее сыну, и книжки с зачарованными страницами, после чтения которых снятся волшебные сны.

И Вейн улыбалась, представляя, как обрадуется Алекс, и как они усядутся у камина после праздничного ужина, чтобы хорошенько все рассмотреть.

Вейн вбежала в дом, на ходу скидывая плащ и маску, бросая на лавку перчатки.

— Алекс, — крикнула она, — Алекс, где ты, малыш?

В светлых комнатах было тихо, и Путница вдруг забеспокоилась.

— Кнейш? Дир? Алекс? Где вы!

Она почти бегом оббежала дом, убедилась, что он пуст. Метнулась к выходу и уже в дверях столкнулась с Охотником.

— Дир! — с облегчением выдохнула она, — где Алекс? Они с Кнейш ушли гулять?

Мужчина молча смотрел на нее, не отвечая, и паника снова сжала сердце Вейн.

— Где мой сын? — резко выкрикнула она.

— Они забрали его. Смотрящие. Прости... Их было слишком много...

Она застыла, осмысливая его слова, с недоумением и испугом всматриваясь в глаза цвета меда.

— Прости, — мучительно выдохнул Дир. — Я ничего не смог сделать... Я ведь предупреждал, что так будет!

Вейн чуть склонила голову. Внутри разливалась стужа, она давила панику, не позволяя ей взять вверх над разумом, хотя все ее инстинкты требовали выть и кричать. Но этого она не могла себе позволить.

— Не смог или не захотел, Дир? — холодно спросила она.

— Вейн! — он вскинул на нее измученные глаза. — Ты что!

— Что? Разве я так далека от истины? Ты жив и здоров, не валяешься тут с перерезанным горлом. Значит, решил, что без Алекса будет лучше. Тебе. И не будет больше этого напоминания о моей большой любви, которое так тебя раздражало все эти годы. Правда, Охотник?

Он молчал, на бледных щеках проступили красные пятна, выдавая его чувства. Медовые глаза словно выцвели, пожелтели.

— Может, все было бы по-другому, если бы ты хоть иногда смотрела на меня не как на бездушного лича, Вейн? — тихо и горько бросил он. — Может, тебе стоило сделать что-нибудь, чтобы я стал частью вашей жизни? Твоей и Алекса? Ты столько лет живешь воспоминаниями, даже не видишь меня, я устал от этого!

Она отвернулась, подобрала свои перчатки, молча надела.

— Что не нравлюсь я тебе? — со злостью спросил Дир. — Манеры мои не устраивают? Знаешь, я ведь сразу понял, что мне до тебя не дотянуться, как ни старайся! Хотя как

изворачивайся. Легче тебя в свою низость окунуть. Да только все бестолку! Что бы ты не делала, как бы низко не опускалась, ты все равно остаешься благородной лейной. А я — вором и убийцей. И я всегда буду стоять на сотню ступеней ниже тебя...

— Дир, ты сошел с ума.

— Конечно, сошел. Когда вздумал, что ты можешь стать моей!

— Когда они забрали Алекса? Кнейш с ним?

— Даже сейчас ты не слышишь меня! — с яростью сказал он.

Вейн повернула голову.

— Дир, у меня забрали ребенка, а ты хочешь поговорить о себе? Прости, неинтересно. Так когда они уехали?

Путница быстро и внимательно проверила весь свой арсенал, четко разложила оружие, не позволяя себе ни одной мысли, ни единой лишней эмоции.

— Ты против них не выступишь, Вейн. Это бесполезно. Ты не вернешь Алекса.

Она закончила, перекинула через локоть плащ. И подняла голову.

— Я не отпущу тебя, — твердо сказал Дир. — Ты погибнешь. Смирись и останешься жива...

— Уйди с дороги, — спокойно сказала она.

Его лицо исказилось то ли от боли, то ли от ярости.

— А то что, убьешь меня? — хрипло спросил Дир.

— Да, — спокойно ответила Вейн.

Он вдруг кинулся к ней, схватил за руки, зашептал лихорадочно.

— Вейн, пожалуйста, послушай меня... послушай! Не ходи за ним. Прошу тебя. Хочешь, я на колени встану? Умолять буду? Тебя убьют, понимаешь? Ты не можешь бороться со Смотрящими, никто не может! Это просто бессмысленно! Это глупо! Ну что хорошего в том, что ты станешь личем, Вейн? Или мы оба? Разве Алекс будет от этого счастливее, скажи? Его не тронут там, детей берегут, у него будет все! Но тебе его не отдадут никогда... Вейн!

Он вдруг, и правда, упал на колени, продолжая сжимать ее руки, покрывая ладони поцелуями.

— Умоляю, не уходи... Тебя выпьют до дна. Я жить без тебя не могу, не хочу... Только останься! Все сделаю, все, что захочешь, прошу... прошу тебя... любимая...

Он все целовал и целовал, потом обхватил ее руками, прижался лицом к ее животу, и все продолжал что-то говорить, умолять, убеждать... Вейн закрыла глаза. Всего на миг позволила себе эту слабость. А потом оттолкнула его руки и вышла, даже не попрощавшись и зная, что уходит навсегда. Чтобы ни было дальше, ее история с Диром закончена.

И где-то внутри дома завывало что-то, словно и не человек вовсе, зверь...

Мертвые земли. Антар

Гнилых Озер они достигли к вечеру, отдохнувшие лошадки неслись рысью, раскрывая короткие крылья, взмывая на несколько шагов над землей. Вейн придерживала Птичку, чтобы та не слишком резвилась.

Дир молчал, только хмурился да оглядывался напряженно. Они мчались по утоптанной дороге, мимо сосняка в паутине тумана, вдоль топких низин, от которых несло болотом. Но зверей не видно, чудовища Мертвых земель не почтили путников своим визитом. Впрочем, от этих мыслей Вейн усмехнулась. Самое страшное чудовище она оставила за спиной, в ледяной купели.

Или самым страшным зверем этих земель была она сама?

Даже сквозь холод сердце забилося болезненными учащенными толчками. Стужа сковывала ее изнутри, мешала смотреть, потому что слезы замерзали в глазах, кололись, и приходилось часто моргать, чтобы хоть что-то увидеть.

Кх-ха тяжело заклокотала, уселась на плечо девушки. Недовольно заворчала, почуяв холод, но улетать не стала, только вцепилась крепче когтями. Вейн ее почти не почувствовала, так закоченела.

Путевой дом был тот же, в котором она останавливалась по пути в Антар. Хозяин ее даже признал, улыбнулся приветливо.

— Две комнаты, — не ответив на улыбку Темного, бросила Вейн. — И горячей воды. Много...

Дир кинул на нее обеспокоенный взгляд, но Путница не обратила внимания, отвернулась. За столами сидели несколько перерожденных, скорее всего, местные лесорубы, такие получают от тьмы силу десятерых. Они что-то засвистели вслед девушке, когда она пошла к лестнице. Но и на это Путница не обернулась, лишь заклокотала недовольно Кхха.

Но уйти Вейн не успела, потому что дверь просто слетела с петель, выбитая снаружи темной силой. И сразу все, кто был в зале, ошетинились оружием, оскалились, пригнулись... Дир метнулся, закрывая собой Вейн.

— Беги! — выкрикнул он.

Вейн бросилась по лестнице, но ее просто сдернули вниз, словно плетью. Кхха упала с ее плеча, и не взлетая, поползла в сторону. Сильные руки сжали девушку так, что она задохнулась.

— Игры закончились, — яростно сказал Ксандр.

Ее сознание взорвалось от чужого разума, на этот раз без всякой осторожности, он просто взламывал ее память, причиняя боль.

— Не сопротивляйся, Вейн... — серые глаза с красным зрачком заполнили для нее целый мир, став бесконечной снежной равниной, ледяной пустошью...

Дир выдернул из рук раззявившего рот лесоруба топор, и, размахнувшись, со всей силы ударил Ксандра по голове. Но тяжелое лезвие словно наткнулось на стальную плиту, и Охотник упал, не выдержав отдачи. Ксандр отвернулся от девушки, осмотрелся. Повел ладонью так, что Дир отлетел в сторону, ударившись спиной о деревянные балки таверны.

— Нет! — вскрикнула Вейн. — Не трогай его!

Лесорубы очнулись, зашевелились.

— Они же эри! — вспомнил один из них Кодекс. — Эри нельзя убивать! Только пить... Мы правила чтим! Эй, Темный, руки от девчонки убери!

Ксандр даже не обернулся.

— Сколько еще раз я должен умереть от твоей руки, Вейн, чтобы окончательно понять, кто ты? — выдохнул он ей в губы.

— Отпусти... — она дернулась, пытаясь дотянуться до своих кинжалов, но он больно сжал ей руки, обездвиживая.

— Отпусти девчонку! — возмутились лесорубы, вскинули свои топоры, одновременно бросаясь на Ксандра. Он вздохнул, поднял голову, и таверна взорвалась воплями, потому что в один миг весь Путевой дом погрузился в слой тьмы. Исчезли стены и потолок, завертелись вокруг черные вихри, и полезли со всех сторон жуткие монстры: оскаленные, крылатые, трехголовые и рогатые, порождения мрака и тьмы... На черном небе — ни одной звезды, и со всех сторон — туман, тоже живой, дышащий, жадный...

— Не надо... — тихо сказала Вейн. Странно, но сейчас она не чувствовала страха. Может, от того, что Ксандр держал ее, слой, созданный им, не вызывал в девушке привычного приступа ужаса. Зато его сполна ощутили все остальные. Огромные лесорубы плакали, как дети, размахивая своими топорами, кричал хозяин таверны, и выли прислужницы, забившиеся под столы. Только хищники бездны подкрадывались тихо, беззвучно...

Но Ксандра все это уже не интересовало. Он смотрел ей в глаза, с ненавистью, с тоской, с болью.

— Почему? Почему, Вейни? Почему ты делаешь это? Предаешь меня? Почему? Ненавижу тебя и забыть не могу! — он говорил зло, отрывисто, сжимая ее тело, как тисками. — Столько лет, а в голове снова только ты...

Твари мрака бросились на Темных, сомкнулись страшные челюсти на чьем-то теле...

— Не надо, — закричала Вейн. — Я все покажу. Не надо, прошу тебя.

Он медленно кивнул, и все исчезло. И таверна, и лесорубы, и Дир... Это снова был слой: голая равнина с нависшим над головой пасмурным небом.

— Объясни, Вейн!

— Объяснить? — Вейн закричала, но вдруг затихла, сжала решительно зубы, вскинула голову. Взяла его ладонь и приложила к своей щеке. Тьма, как же она замерзла... — Я тебе покажу, Ксандр. Все равно ведь узнаешь.

Он тоже замер, настороженно всматриваясь в ее глаза. Потянулся аккуратно к ее воспоминаниям, все еще не веря. Да, двери ее памяти были открыты. Нараспашку.

— Входи, — выдохнула она.

Он осторожно шагнул за грань ее воспоминаний. Образы... Картинки ее жизни, яркие, цветные... Прозрачные кусочки детства, словно осколки слюды, окрашенные розовым и желтым...

— Вейн, скорее! — кричит мальчишка, сын конюха. — Берта нас сейчас найдет! Беги скорее...

И она бежит. Маленькая чумазая девчонка бежит, задыхаясь от сладкого ужаса и восторга...

Юность... Зеленые мазки робкого женского интереса к юношам... Поцелуй украдкой... Платье с розовыми лентами, а она хотела с сиреневыми... Редкие минуты свободы, бесконечные ограничения и правила, которым необходимо следовать... Строгий отец, поджатые губы матушки...

Долгая дорога. Здесь зима. Снег лежит на вершинах гор, и нет никакой красоты, только холод. Образы понеслись быстрее, стали четче и объемнее. Они скользили в темном коридоре памяти, пролетали мимо него, словно вспышки. Сейчас он смотрел на то, что она показывала, не видя лица Вейн, но чувствовал ее беспокойство. Это было так странно и завораживающе, видеть кусочек их общих воспоминаний ее глазами. Так удивительно... Он почти не дышал, погружаясь в этот мир — знакомый и в то же время совсем другой.

Далькотт

Он запомнил его таким привычным и родным, а для нее это был огромный замок с темными галереями. Зимний сад. Она не любит розы, они так удушающее пахнут... Танцевальная комната... Он сам...

Как дико увидеть себя в чужих воспоминаниях. Он пахнет для нее лесом и дождем, его образ нарисован черным и серебряным, резкими штрихами, словно художник слишком сильно давил на грифель, почти прорывая холст...

— Дальше, — прошептала Вейн, и Ксандр послушно шагнул в глубь памяти. Некоторые воспоминания пусть останутся только ее. У него есть свои.

Темный провал. Словно разлом, словно Бездна. Ни памяти, ни образов.

Ужас. Люди вокруг. Они кричат, показывают пальцем, их лица искажены злобой.

— Убийца... Тварь...

Много красного света, словно зарево пожара. Или разлитой крови. Руки, связаны веревкой. Клеймо эри на ее запястьях. Страх... страх. Страх!!! Бег. Шаг.

Красные глаза Темного, что нашел ее у края Излома. Он безумен, он пьет ее свет. И она не сопротивляется. Почти. А потом... Много темноты, словно душа ее погрузилась во мрак. Тени людей, разных и ничего не значащих.

— Уже близко, — снова шепчет Вейн.

Следующая дверь.

...Кинжалы в ладонях. Снова и снова она мечет их в цель: сухое дерево уже все в зарубках. Но это мало... еще...

— Побереги себя, Путница, — говорит Охотник.

— Я. Не хочу. Себя беречь, — выдыхает она и снова кидает клинок. Но в последний миг рука дрогнула, и клинок пролетел мимо цели. Дрогнула... Потому что ОН шевельнулся. Она кладет руку на живот...

Ксандр уже бежит в коридоре ее памяти. Он задыхается. Образы несутся вскачь, словно ретивые дикие лошади, степные онтарийцы... Он уже не контролирует их, не может удержать, он ничего не может... Потому что это... невозможно больно.

Крик. Крик младенца.

— Мальчишка, — блестит красными глазами старуха. — Смотри, какой здоровяк!

Она смотрит. Он совсем не здоровяк. Крошечный и сморщенный, беззащитный...

— Дайте мне его...

Еще скользкий. Тряпка, в которую его укутали, пахнет плесенью. А глаза серые. Нет. Не серые... Серебряные. Страха больше нет. Свет льется через маленькое окно, и в нем кружатся пылинки, словно маленькие искрящиеся фиры, те самые, из детских сказок. И вокруг разливается золото, поют птицы, и весь мир взрывается, а потом сужается в одну точку, вливается в одно крохотное создание, что уже не кричит, смотрит бессмысленным младенческим взглядом, даже не представляя, что стал центром мироздания.

— Красивый, — шепчет Вейн. — Александр... Алекс.

Боль взрывается внутри с такой силой, что Ксандра откидывает назад, словно ураганом. Но только это не ее боль. Его.

Он возвращается.

Вейн осторожно провела ладонью по его щеке, стирая слезы, и застыла, напряженно

глядя на мужчину, что смотрел на нее неверящими дикими глазами, в которых сейчас было так много эмоций, что смотреть в них — все равно, что в бездну.

— Его забрали Смотрящие, — негромко проговорила она, — четыре года назад. Мне пришлось стать очень хорошей охотницей... Для них. Ты был моим последним заданием, Ксандр. Мастера обещали, что отпустят меня и Алекса, вернут за Излом, если я добуду твою голову, — она грустно усмехнулась. — С головой не вышло... Но я решила, что Камень познания поможет мне поторговаться... Вот так, Ксандр.

Он смотрел на нее так странно, что Вейн попятилась от этого взгляда.

— Почему ты мне не сказала? — спросил тихо, но девушку словно плетью ударило.

— А почему должна была сказать? — вскинулась она. — Ты так хотел мне отомстить, разве нет? И не лучшая ли месть — забрать у меня сына? Для Смотрящих я убиваю, а что делала бы для тебя? Я не знаю, кто ты теперь...

— Ты сумасшедшая, — как-то устало сказал Ксандр и покачал головой. — Совершенно... Если бы я знал... Столько лет! — он схватился за голову, сжал виски, лицо со шрамом искажилось от боли.

— Если ты его у меня забереешь, я тебя точно убью, — жестко сказала Вейн. — На этот раз окончательно. Клянусь тебе.

Вейн обхватила плечи руками, пытаясь согреться. Озноб колотил ее, а стужа уже плелась по коже ледяным узором. Темный так странно на нее смотрел, и понять этот взгляд она никак не могла.

Ксандр резко шагнул к ней, обхватил лицо девушки ладонями.

— Ненормальная, — выдохнул он. — Дрожишь от стужи, почти умираешь от снежного цветка, а все еще угрожаешь мне? Скажи, Вейни, почему я постоянно должен тебя отогревать?

— Не отогревай, — буркнула она.

— И позволить стуже тебя заморозить? Ну нет... Не могу лишиться себя удовольствия... убить тебя лично!

Он прижался к ее губам, притянул к себе, вздохнул, вытягивая из нее свет жизни вместе с холодом... Вейн закрыла глаза. Сопrotивляться или думать больше не было сил, ледяные шипы кололи тело изнутри. И она просто стояла, чувствуя его горячие губы, жаркие поцелуи, нежные руки, что обнимали ее... И сама не поняла, в какой момент стала отвечать ему, обняла за шею, прижалась теснее. Его дыхание изменилось, стало тяжелее и чаще. Ксандр распустил ей волосы, зарылся пальцами в пряди и со вздохом сожаления отодвинулся. Внимательно всмотрелся в ее глаза и усмехнулся.

— Сейчас есть дела важнее, Вейни.

— Какие? — совершенно ошалевшим голосом спросила девушка, с изумлением чувствуя, что стужа исчезла.

— Я должен забрать своего сына, — сказал Ксандр, и Вейн вдруг отчаянно захотелось расплакаться, навзрыд, как в детстве. Но она сдержалась и лишь кивнула, вложив свою руку в его ладонь.

В Путевом доме все осталось по-прежнему: лесорубы сидели на лавках, хлопая осоловевшими глазами, хозяин пытался вытащить из-под столов прислужниц. Но девицы лишь верещали, не желая вылезать. А когда посреди зала возник Ксандр и Вейн, хозяин таверны счел за лучшее к прислужницам присоединиться.

Дир сидел, сгорбившись, как старик, но, увидев их, вскочил, подкинул на руке нож. Вейн торопливо подошла к нему, придержала ладонь мужчины.

— Не надо, — тихо сказала он. — С тобой все в порядке?

Он хмуро кивнул, но нож не убрал. Путница подхватила на руки ковыляющую по полу кьяру, усадила себе на плечо. Кхха огласила зал недовольным урчанием и попыталась клонуть стоящего рядом Темного. Но быстро передумала, отвернувшись, вцепилась в плечо Вейн. Ксандр обвел тяжелым взглядом присутствующих, и лесорубов как ветром сдуло, даже несмотря на глубокую ночь. Видимо, они сочли, что и туманный лес будет гостеприимнее этого Путевого дома.

— Отправимся на рассвете, — сообщил Ксандр не терпящим возражений тоном. — Вы можете остаться здесь. Утром я за вами приду.

— С каких это пор ты здесь командуешь? — со злостью осведомился Дир. И снова подкинул на ладони нож.

— С тех пор, как оставил вас в живых, — усмехнулся Ксандр.

Вейн устало вздохнула и пошла вверх по лестнице.

— Если вы тут собираетесь ... меряться, я пока посплю. До завтра.

Мужчины проводили ее взглядами, и Путница понадеялась, что до рассвета никто никого не убьет. Кхха заурчала довольной кошкой, свесилась с ее плеча, прикрыв глаза желтой пленкой, и Вейн придержала птицу рукой, чтобы не упала.

Удивительно, но теперь, когда Ксандр узнал про Алекса, в душе Путницы страха стало меньше.

Спала Вейн тревожно, чутко, без сновидений. И вскочила еще до того, как горизонт окрасился красным. Ночью к ней стучал Дир, но Путница не открыла, не пожелав выяснять отношения. Она все сказала ему еще тогда, три года назад...

Три года назад...

Они повстречались снова через год ее работы на Смотрящих. Белый дворец Ниаранта стал ее домом и в тоже время клеткой. Там жил ее мальчик, и Путница всегда возвращалась туда, ненавидя это прекрасное здание и его обитателей. Поначалу она еще пыталась сбежать, украсть сына, скрыться, но быстро убедилась, что это невозможно. Ее всегда находили. И наказывали, запрещая видиться с Алексом.

Путница поняла, что придется играть по правилам. Стать самой лучшей, чтобы однажды победить... Но куда ей против силы перерожденных... Их было девятнадцать, самых сильных, самых страшных, тех, кого называли Мастерами. Тех, кого она видела в своих снах... Без голов. С каким удовольствием Путница отточила бы свои навыки охотницы на каждом из этих людей. Их черные души и бесконечные пороки вызывали у девушки приступы омерзения и брезгливости. Пожалуй, только Жало, который обучал ее, не был насквозь прогнившим от вседозволенности перерожденным. Его Вейн уважала за знания, за мастерство, за мудрость наставника. И за то, что он ограждал Путницу от назойливого внимания некоторых смотрящих. Почему он это делал, Вейн не знала, но старик был слишком силен и его побаивались. К тому же, в Ниаранте было много тех, кто готов был удовлетворить извращенные вкусы Темных по первому зову. Так что охотницу почти оставили в покое. Почти... как бы там ни было, Жало обучал Вейн, каждый раз удивляясь ее способностям. Тьма оказалась щедрой к девушке, одарив способностями, которые Вейн старалась не демонстрировать Смотрящим. Огонь или умение видеть силу Темных она скрывала ото всех, кроме Жала, а умение общаться с личами даже от него. Но Вейн не могла не признать, что, обучаясь у старого Верда, она достигла тех высот мастерства, которых не достигла бы никогда, оставаясь с Диром.

Правда, Дир вряд ли додумался бы до тех методов, которые использовали Смотрящие.

Она не думала об Охотнике. И удивилась, встретив его однажды в коридоре дворца. Это был тот недолгий период, когда у Путницы не было никакого задания, и она отдыхала,

проводя время с сыном. И потому сейчас была не в привычной одежде охотницы, а в простом зеленом платье с широким поясом-кушаком и длинными руками с разрезами. Отросшие волосы распущены и лишь убраны с висков, схвачены деревянной заколкой. Она хотела, чтобы Алекс видел ее такой: женственной и мягкой.

— Дир? — Путница вскинула бровь, настороженно оглядывая мужчину. — Что ты здесь делаешь?

— А ты не рада меня видеть, принцесса? — он растягивал слова с насмешкой, но смотрел исподлобья, тяжело. И лицо осунувшееся, снова заросшее русой щетиной, с потухшими медовыми глазами.

Серый плащ почти скрывал его фигуру, но тренированный взгляд Вейн заметил и тяжелое оружие, и множество магических предметов и амулетов. Значит, Дир по-прежнему промышляет охотой... Впрочем, понятно. Все же, это единственное, что он умел делать хорошо.

— Рада, — спокойно ответила Вейн. И поняла, правда, рада. В этом мире темноты Дир был привычным, почти родным. Как дальний родственник, видится с которым часто нет никакого желания, но само осознание, что он есть, греет душу.

— Даже не обнимешь? Раз рада? — все с той же натужной насмешкой протянул он.

— Зачем ты здесь? — мотнув голов, повторил Путница.

— А, может, соскучился.

Девушка постояла, в упор рассматривая его, и мужчина смутился, отвел взгляд.

— Что с Алексом? — сипло спросил он.

— Он здесь, нам выделили комнаты в северном крыле, — так же спокойно рассказала Вейн и улыбнулась. Ее глаза загорелись, как бывало всегда, когда она думала или говорила о сыне. — Просит купить ему лошадку и научить ездить верхом.

— А ты? — тихо спросил Дир, с болезненной жадностью всматриваясь в ее лицо.

Вейн рассмеялась.

— Куплю. Когда четыре исполнится, мал еще. Прости, мне пора, тороплюсь, — она прошла мимо, чувствуя, как он смотрит ей в спину. И снова удивилась, встретив его на следующий день, уже в другой одежде, без плаща. И прямо возле дверей своих комнат.

— Я начинаю думать, что ты меня преследуешь, — усмехнулась Путница.

— Может, и так, — блеснул он глазами. — Думаю, мы теперь чаще будем видаться, Путница. Смотрящим понадобились мои услуги...

Вейн помолчала.

— Зачем тебе это? Ты же не любишь работать на кого-то.

— Впечатлился твоими успехами, — широко улыбнулся Дир. — О грозной Кьяре уже легенды ходят. Вот, решил сам убедиться, насколько она грозна...

— Убедился?

— Нет еще...

Он рывком притянул девушку к себе, прижался к губам. И застыл, почувствовав острие клинка, вспоровшего ему кожу.

— А так понятнее? — спросила Вейн.

— Ну, ты же не убьешь меня, принцесса? — с ухмылкой спросил он, заглядывая в ее глаза цвета молодой весенней зелени. И то, что он там увидел, заставило Охотника разжать руки и отступить. Вейн убрала оружие и ушла, не оборачиваясь, решив, что Дир

сделал свой выбор, а она — свой.

Несколько раз он еще пытался сблизиться, вваливался хмельной в ее комнаты, целовал с болезненной одержимостью, просил или угрожал. Пытался взять силой, набрасывался с сумасшедшей настойчивостью, и только благодарность за давнее спасение удерживало Вейн от решающего удара.

Со временем Дир если и не понял, то смирился, лишь изредка она ловила на себе его тоскливый взгляд. Но даже если и были у него чувства, свои желания Охотник в узде не держал, проводил время, развлекаясь с доступными эри и Темными девами, и, казалось, ему было неважно - с благородной дамой или уличной шлюхой.

Вейн на это лишь пожимала плечами и запиралась в своих комнатах, если была в Ниаранте. В качестве напарника Охотник ее вполне устраивал, он всегда прикрывал ее спину. Впрочем, как и она — его. Но личного между ними Вейн больше не хотела. И в чувства не верила... Она почти не думала о нем. Она не думала ни о ком, кроме Алекса, не отвечала на мужские взгляды и призывы, не соглашалась на встречи. Многие удивились бы, узнав, что роскошная телом и изысканная лицом Кьяра, снимая маску, становится нелюдимою затворницей.

Но саму Вейн это полностью устраивало.

Мертвые земли

Путевой дом был или пуст после ночных событий, или еще спал. Вейн попросила у хозяина найти ей одежду взамен серого платья, что было на ней, и он с готовностью исполнил ее просьбу. Где Темный раздобыл штаны и тунику, девушку не интересовало, нашел и ладно. Главное, Путница больше не будет цепляться подолом за стремяна.

Она торопливо переоделась в комнате и снова спустилась. И удивилась, увидев сидящего за столом в пустом зале Ксандра. Он пил горячий настой, обхватив деревянную кружку длинными пальцами, словно греясь. И судя по глубоким теням, залегшим под глазами и заострившимся чертам, ночь у Темного выдалась тяжелая.

Девушка присела напротив. В ее голове был целый рой вопросов, главным из которых оставался: что будет дальше? После того, как они заберут Алекса. Но задавать их Вейн не стала. Для начала сына надо забрать... А Ксандр даже с умением создавать слои вряд ли выстоит против Мастеров.

— У тебя есть какой-то план? — поинтересовалась она. — Ниарант окружен стеной защиты и слоями тьмы, но ты и сам это знаешь, наверное. А Белый Дворец и вовсе... Туда можно войти лишь тем, сущность кого проверена Смотрящими. Несколько колец стражей, каждое из которых сильнее предыдущего. Внутри полностью исключена магия, разумеется, кроме магии Мастеров. Амулеты подавления вмурованы в стены еще при закладке дворца, так что их невозможно снять или перенастроить. Я не знаю, как мы сделаем это...

— Вижу, ты хорошо изучила дворец. Пробовала убежать?

— Семь раз, — тихо сказала она. — В первые два года. После последнего не видела сына шесть месяцев. — Она отвернулась, разглядывая тлеющие огни в очаге.

Ксандр смотрел на нее в упор, и понять, что творится в его голове, Вейн не могла.

— Знаешь, а я ведь тебя искал, — задумчиво протянул он, и Путница вскинула голову. — Предполагал, что ты можешь попасть сюда... Искал среди эри и среди Темных. Правда, и подумать не мог, что ты — Кьяра.

Вейн пожала плечами. Что было бы, если б нашел? А, впрочем, какая разница? Путница давно разучилась задаваться такими вопросами. Есть здесь и сейчас, и зачем размышлять о несбывшемся?

— Так какой у тебя план? — настойчиво повторила она. — Я знаю все входы и выходы из дворца, надо продумать, составить карту, начертить... Пытаться проникнуть внутрь лучше на заре, когда Смотрящие спят. Ночь обычно посвящается утехам, так что рассвет — самое спокойное время. Возможно, удастся застать их врасплох и выиграть время... Ксандр! Ты меня слушаешь?

— Жаль, что я не нашел тебя тогда... — все так же задумчиво отозвался он, игнорируя ее вопрос. Поставил кружку на стол и наклонился, заглядывая девушке в глаза. — Вейн, почему ты ничего не помнишь о том, что случилось в Далькоте?

Она поморщилась.

— Слушай, ну какая теперь разница? Все равно ничего не изменить...

— Почему ты не помнишь?

— Да откуда я знаю! — взорвалась Вейн. — Не помню и все. Я слышала, что так бывает, память стирает воспоминания, если они ... слишком... ранящие. Или болезненные.

— Но в сознании они все равно есть, — твердо произнес Ксандр, не спуская с нее глаз. — А у тебя — нет. Совсем. Полный провал.

— Я не знаю, — она снова пожала плечами. Сейчас ее не интересовало прошлое. — Так какой у тебя план? И почему мы сидим тут и говорим об этом, вместо того чтобы нестись в Ниарант? Или ты... передумал? Ксандр?

Она вскочила, не в силах сдержать беспокойство, сцепила ладони, чтобы они не дрожали. И он вдруг встал, одним движением притянул ее к себе, так что Вейн прижалась щекой к его груди, задышала часто. Его ладонь легла ей на затылок, медленно погладила, словно маленькую.

— Все будет хорошо, Вейн. Просто поверь мне, — его голос прозвучал так странно, что она вскинула голову, пытаясь заглянуть в серые глаза. Но Ксандр отвернулся, и лишь на миг ей показалось, что в этих глазах до краев налита... боль. Сильная, обжигающая, почти невыносимая. А еще странная растерянность.

— Но план...

Он хмыкнул над ее макушкой, легко коснулся губами волос девушки.

— План... Не переживай. Мы вернем ... Алекса. Если бы я знал раньше...

Вейн снова с подозрением уставилась в его лицо.

— Ксандр, а давай мы уже поедem, а?

Он снова уткнулся в ее волосы и рассмеялся, так что макушке стало щекотно от дыхания мужчины.

— Надо немного подождать, — глухо сказал он. — Не переживай. Иди, собирайся, скоро отправимся.

— Я уже готова, — она переступила ногами, не зная, как поступить. Стоять в его объятиях было, несомненно, приятно. Даже слишком приятно. Но вот как к этому относиться, Вейн не знала. И потому стояла, опустив руки и не двигаясь.

Он обхватил ее лицо руками, застыл, глядя в глаза, и Вейн нахмурилась.

— Только не надо снова лезть в мою голову, — хмуро бросила она. — Хочешь что-то узнать, спроси. У меня после вчерашнего еще все болит...

Ксандр покачал головой, словно его сильно что-то удивляло. И улыбнулся.

— После вчерашнего... чего, Вейни? Помнится, вчера много чего произошло... — она чуть покраснела, вспомнив купель в Антаре, и Ксандр рассмеялся. А потом прижался к ее губам, сначала нежно, ласково, так что она изумленно открыла рот, чтобы съязвить, но уже через мгновение поцелуй Темного стал глубже и горячее. Он прижал ее к себе уверенным жестом собственника, так что Вейн только вздохнула прерывисто. А может и вовсе разучилась дышать, она уже не знала.

За ее спиной была какая-то поверхность, кажется, стол, и Ксандр посадил, сжал ягодичы... Вейн издала хриплый вздох-стон, и мужчина прижался к ее бедрам, пока их языки сталкивались и сплетались, изучая друг друга...

Ксандр оторвался от ее губ и тихо выругался сквозь зубы, прижимая Вейн к себе.

— Вот теперь - пора, — переведа дыхание, сказал он. — Если твой...м-м-м напарник едет с нами, пусть поспешит.

Вейн слезла со стола и с недоумением осмотрелась. Почему пора теперь, она не поняла, в полутемной таверне ничего не изменилось. Дира звать не пришлось, он уже спускался по лестнице, мрачно нахмурившись. Вейн улыбнулся, а Ксандра демонстративно проигнорировал. Накинул капюшон серого плаща, скрывая лицо, и вышел за порог. Вейн еще раз проверила кинжалы и пошла следом.

И замерла на пороге.

— Кто это?

Во дворе Путевого дома стояли страшные существа: огромные, человекоподобные, но с клыкастыми лысыми головами и желтой, сморщенной кожей. На их разумность указывало то, что эти создания мрака были в одежде: кожаных латах и юбках до колен, а их тела украшали амулеты и многочисленное оружие. И каждый из них восседал на еще

более страшном порождении бездны — дикой горной арше.

Когда одно из этих чудовищ, спешившись, двинулся к ним, Путница привычно выхватила кинжалы, развернулась, готовая к битве. И изумилась, поняв, что Ксандр не только идет навстречу монстру, но и, кажется, рад ему. И по сравнению с этими массивными чудовищами даже высокий и широкоплечий Ксандр казался хрупким.

— Мой повелитель, — низко, рокошуще произнесло существо, преклоняя колено.

— Приветствую тебя, Архатан Сали, — спокойно ответил Темный.

— Мы готовы отправиться в путь и отдать свои жизни, Аесар.

— Надеюсь, это не понадобится, Архатан, — усмехнулся Ксандр и повернулся к Вейн. — Лошадей оставим. Арши двигаются гораздо быстрее и почти не устают. К тому же, сумеют защитить нас в случае нападения. Я думаю, Смотрящие уже знают, что я покинул Антар.

— Ты уверен, что эти... животные сами не съедят нас по дороге, — засомневалась Вейн, не уточняя, каких именно животных имеет в виду. И смутилась, уловив насмешливый взгляд лысого великана.

Она посмотрела на огромных кошек, одно прикосновение жала которых дарило мучительную смерть.

— Которую из них я могу... оседлать?

— Арши не терпят седла, — усмехнулся Ксандр. — Ты поедешь со мной. Охотник может присоединиться к одному из стражей.

Дир кинул на Темного злобный взгляд из-под капюшона, но возражать не стал. И уверенно пошел к ядовитым кошкам. Так что Вейн даже восхитилась им.

Ксандр уже уселся на одну из арш и, кажется, никакого неудобства от такого соседства не испытывал. Да и кошка, на удивление, лежала спокойно. Вейн протянула ему руку, и Темный подхватил девушку, усаживая перед собой. Она обернулась через плечо.

— Ксандр, а ты кто?

Он пожал плечами:

— Держись крепче, Вейн.

Держаться можно было лишь за наросты на спине животного, как раз между ними они и сидели. И Путница уцепилась изо всех сил и правильно сделала, потому что арша прыгнула, сразу перемахнув через забор, окружающий Путевой дом, и понеслась вперед огромными скачками с такой скоростью, что хвойный лес слился в одну темную линию.

Они мчались в каком-то диком темпе целый день, так что Вейн даже задремала, не в силах смотреть на мелькающие деревья, поля, топи... Несмотря на скорость, арша двигалась весьма плавно, грациозно, так что Путница прислонилась к мужчине и закрыла глаза, рассудив, что нужно отдохнуть сейчас, позже будет некогда.

Пару раз они проносились мимо поселений, но даже встречные всадники не реагировали на их ужасающую кавалькаду, а просто сторонились их и останавливались, нахмурившись.

— Ты закрываешь нас слоем тьмы? — догадалась Вейн и повернула голову к мужчине. Он кивнул, сосредоточенно глядя на дорогу. Наверное, поддерживать слой на такое количество людей и... других существ, да еще и в движении, было не так просто, и Вейн отвернулась, чтобы не отвлекать. И снова закрыла глаза.

На привал они остановились лишь глубокой ночью в небольшой низине, укрытой туманом. Великаны, которых Ксандр называл рограми, быстро и беззвучно разложили шатер из плотной ткани, и, к удивлению Вейн, устроили под навесом своих диких кошек.

А сами расположились на земле, не испытывая никакого видимого неудобства.

Путница пристроилась в отдалении, завернувшись в плащ. Дир о чем-то говорил с предводителем рогров и даже улыбался, видимо, собеседник ему нравился. И это тоже удивило Вейн.

Ксандр появился рядом бесшумно, покачал головой, когда Путница выставила клинки, и сел рядом. Протянул ей холодное мясо с лепешкой. Девушка кивнула с благодарностью, откусила кусок, запила водой.

— Кто они? — кивнула Вейн на великанов.

— Я встретил Архатана пять лет назад, когда путешествовал, составляя карту этого мира, и пытался изучить слои... Те знаки на моей карте, помнишь? И однажды я встретил рогра. Так получилось, что мне довелось спасти его жизнь. А оказалось, что он правитель своей расы. И долг жизни для них превыше всего. Рогры — те, кому издавна принадлежит эта земля, Вейни. Они жили здесь задолго до того, как здесь появились первые Перерожденные.

— Но как же... — растерялась Вейн, — я никогда даже не слышала о них! И точно не встречала!

— Рогров невозможно заметить, если они этого не хотят. К тому же они живут там, где нет людей. Ни Темных, ни эри... Они живут в слоях тьмы, Вейн.

— Но разве это возможно?

Ксандр задумчиво рассматривал укладывающихся рогров. Дир скользнул по ним мрачным взглядом, но не подошел, улегся с другой стороны, спрятав лицо в капюшон. Темный потянул девушку за руку.

— Иди сюда... Хочу кое-что тебе показать.

Она поднялась, и туманная низина исчезла. Они стояли в саду цветущих белых айрисов, а над головой сияли огромные синие звезды. Пахло ароматом цветов и свежим, чуть соленым бризом, словно где-то рядом было море. И прислушавшись, Вейн действительно услышала шум набегающей на берег воды. Здесь было так хорошо, что хотелось просто лечь на теплую землю, закрыть глаза, и лежать так долго-долго...

И девушка вспомнила, как сказала Ксандру о том, что соскучилась по этим цветам. Неужели, запомнил?

Путница осторожно тронула белые тугие лепестки айриса: живые, хрупкие, настоящие!

— Это тоже слой, Вейн, — подтвердил ее сумасшедшую догадку Ксандр.

— Но как же... Как все это возможно? Я не понимаю... Это ты создаешь все это? Но все так реально...

— Да, — он улыбнулся. — Слои так же реальны, как и остальной мир. Как Ниарант. Или Далькотт. Это не иллюзия, они настоящие. И я не уверен, что создаю их. Мне кажется, что я просто открываю двери, потому что где-то в мироздании все это уже есть. Все, что мы можем вообразить, или то, чего не можем. И все животные, что населяют Темный мир, вышли из слоев.

Вейн все-таки не удержалась, легла на землю, закинув руки за голову. Тяжелые бутоны цветов склонялись к ней, чуть покачиваясь.

— Это потрясающе... — выдохнула она. — Совершенно невероятно.

— Не более невероятно чем то, что у меня есть сын, — тихо произнес он.

Мужчина присел рядом, коснулся ладонью запрокинутого лица Путницы, нежно, почти неощутимо обрисовал контур ее губ. Девушка молчала и не двигалась, только смотрела в его глаза, которые сейчас тоже казались серебряными звездами. Он гладил ей лицо, потом шею, провел пальцем по груди...

— Знаешь, если ты сможешь вернуть мне Алекса... Я на все согласна. Все сделаю... Правда, — глухо сказала Вейн. И поежилась от вспыхнувшей в его глазах ярости.

— Как-то не привык к тому, что мне делают одолжение, — бросил он и поднялся. Вейн тоже встала, чувствуя себя неудобно. Очарование цветущего сада поблекло, даже соленый бриз уже не казался приятным. Она отвернулась. Даже если Ксандр сейчас помогает, неизвестно, что на самом деле у него в голове. И поверить в его доброту ей было сложно. Путница давно усвоила, что в Темном мире доброты нет. И почему этому Темному быть другим? Возможно, он самое страшное создание Тьмы во всех Мертвых землях и за их пределами.

К тому же, любить — это так больно. А любить его — больно вдвойне...

— А впрочем, — он резко развернулся к ней, дернул к себе. — Пусть хотя бы так...

И так же резко потянул шнурки на ее тунике, обнажая грудь, прижался губами к горошине соска, прикусил и Вейн выгнулась. Его руки почти сдирали с нее одежду, торопясь добраться до тела, прикоснуться, почувствовать, взять... Ощутить под губами ее кожу, пройти языком, почувствовать на вкус. Сжать до боли, потому что от ее слов внутри так холодно и тоскливо... И потянул ее на землю, усадил сверху, обхватил бедра...

Вейн откинула голову, отдаваясь его страсти, его движениям, его телу, сильным толчкам и прикосновениям. Она не понимала, что с губ ее срываются стоны наслаждения, которые заставляли его двигаться еще мощнее, насаживая на себя сидящую сверху девушку. Ксандр держал ее за бедра, кусая губы от невыносимого удовольствия, смотрел, как обрисовывает лунный свет ее контур, распущенные темные волосы, полную грудь, узкую талию... Силуэт, который столько лет снился ему во сне. Образ, который он так и не смог забыть. И жадно ловил ее стоны и вздохи, желая запомнить, впитать в себя, сохранить. Аромат айрисов и запах желания щекотал ноздри, будоражил кровь, которая и так кипела в жилах, бурлила раскаленной лавой.

...Он дал ей несколько минут, чтобы прийти в себя и одеться, а после молча сжал руку, и Вейн увидела, что снова сидит на своем сложенном плаще, рядом сопят дикие кошки, и блестят из тумана желто-зеленые глаза рогров. Дир поднял голову, но разобрать выражение лица, скрытого нависшим капюшоном, она не смогла. Да и не хотела. Ксандра рядом не было.

И, завернувшись в мех, Путница легла, закрыла глаза, стараясь просто ни о чем не думать.

Они двигались так быстро, что достигли границ Ниаранта уже на третий день. И сразу поняли, что их уже ждут. Их маленький отряд застыл, рассматривая ряды вооруженных стражей. Похоже, смотрящие действительно опасались Призрака, потому что у стены города, ошетинившись оружием, стояло не менее сотни воинов.

— Я ведь говорила, что лучше подходить на заре. И с тыла, — нахмурившись, проговорила Вейн. Она сжимала в руках клинки, отчаянно пытаясь найти выход. И не видела его. Кхха, путешествующая на шее хозяйки, заворчала и тяжело взлетела, ушла в слои. Может, решила переждать в более безопасном месте.

Ксандр спрыгнул со спины арши, отошел в сторону, и Путница проводила его недоумевающим взглядом. Темный прошел два десятка шагов, остановился на небольшом клочке утоптанной земли. Серый туман разлетелся от него клочьями, рваными обрывками, завертелся, как подхваченный непогодой мусор... Но ветра не было вовсе. Воздух застыл, потяжелел, словно перед весенней грозой, а потом задрожал, и там, где стоял Ксандр, образовалась дыра, из которой сложенными рядами стали появляться рогры.... Десятки... Или уже сотни великанов, вооруженных изогнутыми черными клинками и боевыми топорами, способными разрубить человека пополам.

По четкому ряду защитников Ниаранта прошла волна паники, они дрогнули, с ужасом наблюдая появление из дыры пространства воинства тьмы.

— Стоять! — заорал один из смотрящих, и Путница скривилась, услышав этот

ненавистный голос. Истер Непобедимый значился у Смотрящих главнокомандующим, и за Изломом был полководцем королевской армии. А еще он был страшным и жестоким Перерожденным, которого Вейн с удовольствием разрезала бы на куски, если бы смогла.

Но на стражей его голос подействовал ободряюще, они сомкнулись, закрывшись щитами. И тут же воины размножились, возле каждого появилось несколько копий, и уже неясно было, где настоящий, а где — подделка.

— Вперед!!!

Рогры и Темные стражи бросились вперед одновременно, три десятка шагов и две шеренги тел встретились, сбились, сплющились, вбились друг в друга с диким воем и лязганьем оружия, с гортанными криками и предсмертным хрипом, с азартом битвы и агонией смерти. Схлестнулись, как две волны, рождая хаос.

И Вейн бросилась туда, пытаясь пробиться к воротам, но сильная рука выдернула ее, и краем глаза девушка увидела, как упал страж, сраженный клинком Ксандра.

— Не лезь! — приказал он.

— Но я...

Он впихнул ее в руки одного из своих великанов.

— Береги, — коротко бросил он.

Рогр кивнул, сграбастал Путницу, не обращая внимания на ее возмущение. Где-то в гуще битвы уже был Дир, и его серебристый клинок-плеть описывал сияющие дуги, кроша стражей. Рядом с ним бился Архатен. И там же был Ксандр...

Вейн глубоко вздохнула, вывернувшись в огромных ручищах рогра, повернулась к нему лицом. Над ней нависала бычья шея, перетянутая веревками сухожилий, а выше — выпирающая почти звериная челюсть с длинными кликами, прижимающими нижнюю губу. Путница встала на носочки, но даже так дотянулась лишь до груди рогра.

— Эй... наклонись, а? Скажу кое-что, — протянула она.

Великан неторопливо склонил голову, заглянул в лицо девушки маленькими желто-зелеными, словно недозрелые сливы, глазами.

— Чего? — проворчал он.

Вейн хмыкнула, примерилась и чмокнула чудовище в оскаленную морду. Тот опешил, потом скривился от отвращения, разжал руки и яростно стал тереть сморщенную кожу. На его жутком лице застыло выражение такого ужаса и брезгливости, что в другой ситуации девушка хохотала бы до колик, но не сейчас. Сейчас она выскользнула и опрометью кинулась туда, где кипела битва. Стоять и смотреть было не в характере Путницы.

Она оббежала кишачий телами и клинками хаос, достигла стены и с разбега вбила носок сапога в углубление. И тут же ее сдернули вниз. Не раздумывая, Вейн обернулась, выпуская кинжалы. Темный упал, и, подобрав оружие, Путница снова полезла на стену.

Правда и рогры уже пробились к воротам. Огромные, в десять человеческих ростов, они рухнули под напором великанов, и вся эта бурлящая битва перекинулась уже за городскую стену.

Вейн взобралась по каменной кладке, перевалилась, пытаясь отдышаться. По стене уже неслись с двух сторон стражники, и она присела, кидая кинжал в ближайшего. Но сзади был еще один... Который вдруг упал, захлебнувшись. Ксандр гневно сверкнул глазами на девушку, но ничего не сказал. За ним уже стоял Архатен и Дир.

По стене они добежали до сторожевой башни и спустились по ступенькам вниз. Битва на улицах Ниаранта становилась все ожесточеннее, по прямым лучам улиц бежали все новые стражи, и Вейн с отчаянием подумала, что их слишком много... Пока вопль ужаса не прокатился по рядам воинов, и Путница увидела, как лезут через ворота дикие арши,

раздувая кожаные капюшоны и угрожающе покачивая смертоносным жалом. А сверху уже падали ядовитые кьяры, били кожистыми крыльями и изогнутыми клювами, мешали смотреть... Черный комок упал на шею Вейн, и она дернулась, но тут же вздохнула с облегчением, признав Кхха.

Великаны уверенно пробивали себе дорогу ко Дворцу, и, почувствовав слои тьмы у парковых дорожек, лишь расхохотались. То, чего боялись все люди Темного мира, для рогров было родным домом. Видимо, Смотрящие тоже поняли это, потому что слои пропали, а возле дворца образовался ров, шириной в лье, кишачий зубастыми тварями.

Усмехнувшись, Ксандр приложил ладони к земле, и она содрогнулась, закрываясь. И парк просто смели, растоптав в пыль каменные розы, раскрошив мертвые цветы грубыми сапогами. А Путница улыбнулась, увидев это...

— Стой, где стоишь, Призрак, — вкрадчивый голос Смотрящего вполз в уши, словно склизкий червь.

Путница резко обернулась и не сдержала крик, потому что Истер Непобедимый стоял на ступеньках и держал нож у горла маленького мальчика.

— Удивительное, сходство... — продолжал Истер, дотронувшись до лица Алекса, отчего Вейн скрипнула зубами, — просто одно лицо. Странно, что мы не смогли добраться до этих воспоминаний, Путница. Думаю, они были весьма пикантными. А я все думал, отчего наша охотница такая разборчивая...

Он расхохотался.

— Отпусти ребенка, — сказал Ксандр. Сказал спокойно, но, бросив на него взгляд, Вейн вздрогнула. И все вздрогнули, потому что вокруг мужчины клубился уже не туман, темнота, изначальный мрак.

Истер перестал смеяться и, дернув Алекса, скрылся в глубине дворца. Они бросились следом, и Путница уже не сомневалась, куда бежит полководец Ниаранта.

Зал Отражений... Тысячи зеркал, в каждом из которых отражается Смотрящий. Бесконечное количество коридоров во тьму, фигуры, укутанные в серые плащи. Они все были здесь: все Мастера, самые сильные Перерожденные Темного мира. Но были внутри зеркал, в этих черных извивающихся коридорах. И Алекс тоже был там... Его губы шевелились в испуганном «мама», но малыш крепился, не плакал, хотя Вейн видела, как судорожно он сжимает маленькие кулачки. И за одно это, за страх своего ребенка готова была перегрызть глотки каждому из Смотрящих.

Рядом сквозь зубы выругался Дир, прошипел что-то Архатен. Ксандр молчал.

— Уберите оружие, — голос одного из Мастеров прошелестел сухим южным ветром. — Каждый из вас принесет клятву Жизни Смотрящим, свяжет себя тьмой, только так вы сможете покинуть этот зал. Чтобы служить Ниаранту.

— Они не отпустят нас, — прошептала Вейн. — Они врут. Снова врут...

Ксандр взял ее за руку, не поворачивая головы.

— Не бойся, — сказал он.

И Зал Отражений взорвался. Все сотни зеркал разлетелись острыми сияющими осколками и застыли в воздухе, переливаясь радужными гранями. Все застыло: Дир, вскинувший руку с клинком, Архатен, оскалившийся перед прыжком, Смотрящие в своих балахонах, обездвиженные силой Ксандра. Даже пылинки в воздухе и сам воздух... Только раз Вейн уже видела такое: когда стояла в Храме Света, и по проходу к ней шла Тьма...

В застывшем мире остались только они и пошли туда, где в одном из зеркал сжался на полу Алекс.

— Сила Темного соизмерима тому, что отдает человек, — тихо сказал Ксандр, поднимая сына на руки. И тот очнулся, заморгал глазенками, удивленно уставившись на мужчину.

Ксандр улыбнулся малышу и уверенно прижал его к себе. И посмотрел на Вейн. — Я тогда отдал любовь к тебе.

Мир ожил и осыпался на пол стеклянными брызгами зеркал. В которых больше не было Смотрящих.

— Где они? — Путница вскинула кинжалы, настороженно оглядываясь.

— Далеко, — безмятежно ответил Ксандр, улыбаясь Алексу. — Я отправил их туда, откуда вряд ли они смогут вернуться.

Алекс внимательно рассматривал лицо мужчины, что держал его на руках, и неожиданно тоже улыбнулся. И Вейн подумала: все-таки жаль, что она давным-давно разучилась плакать. Хотя, кто мешает ей научиться заново?

Две недели прошли для Вейн в какой-то эйфории. Ей постоянно хотелось смеяться, прижимать к себе сына, так что малыш уже вырывался, пытаясь объяснить маме, что он слишком взрослый для этих нежностей. Но мама лишь хохотала, ловила убегающего сынишку, и тот со вздохом позволял себя целовать. Делая вид, что ему это ужас как не нравится.

Жизнь в Ниаранте постепенно возвращалась в норму. Архатен Сали уплатил свой долг жизни, и орды рогов покинули город, а жители потихоньку начали отстраивать разрушенные дома, пребывая в некой растерянности и пытаясь переварить новости. Смотрящие, которые всегда указывали им, как жить и что делать, куда-то пропали, а Белый дворец был занят неизвестными. Но постепенно весть о том, что там поселился не кто-нибудь, а хозяин Антара, прокатилась по притихшему городу, взорвав его.

Многие сочли это за благо, и по разрушенным парковым дорожкам потянулись просители и вассалы, кто с дарами, кто с жалобами, чтобы засвидетельствовать свое почтение новому хозяину Темного мира.

Вейн наблюдала со стороны все это безумство, хмыкала и убегала в свои комнаты, играть с Алексом в прятки.

В Ниарант прибыл Сай, приехал на роскошном белоснежном жеребце, лучась красными всполохами своей силы. И каждый день Путница ожидала появления рыжей Лантаны, убеждая себя не убивать ведьму сразу по прибытию, но, к ее счастью, Темная не появилась.

Только раз Вейн сама пришла к Ксандру, попросила вернуть старого Верда, все же, старик, как мог, защищал ее. Она помялась, не зная, что еще сказать и чувствуя себя скованно в роскошном кабинете дворца, который теперь занимал мужчина. Темный кивнул.

— Я подумаю, — равнодушно бросил он, в упор разглядывая Путницу.

— Спасибо тебе, — тихо проговорила Вейн. — За все спасибо. Я очень...благодарна.

Она подняла голову, глядя в его глаза. Ксандр помолчал, сцепил руки в замок.

— Благодарна... Да, я понимаю, — от покачал головой, усмехнулся. — Вейн, это я должен тебя благодарить. Каждую минуту. За сына.

Он хотел сказать еще что-то, но ворвался бесцеремонный Сай с ворохом каких-то бумаг, с порога закричал о необходимости ввести новые приказы, отчего Ксандр поморщился с досадой, а Вейн просто сбежала.

Порой Ксандр забирал Алекса, и они уходили куда-то играть и разговаривать. Поначалу Вейн нервничала от таких прогулок, но быстро поняла, что Алекс возвращается довольный, и успокоилась. Только кусала губы, глядя, как они улыбаются друг другу, такие похожие... К ней Ксандр не приближался и после того раза, среди айрисов, ни разу не прикоснулся. И Вейн уже сходила с ума от желания снова почувствовать его губы, руки, тело... Но лишь хмурилась, когда он был рядом. Она уже проходила это:

жуткую агонию любви к мужчине, и какая насмешка влюбиться в него снова! Или она никогда не прекращала любить его, хоть и пыталась себя в этом убедить?

Вейн вздрогнула, однажды увидев его в своей комнате.

— Что-то случилось? — резче, чем хотела, спросила она.

— Нам надо кое-что выяснить, — он тоже говорил отрывисто, словно через силу.

Вейн осторожно кивнула, разгладила складку бледно-сиреневого платья. Мужчина проследил взглядом ее движение и помрачнел.

— Почему ты не сказала мне, что ничего не помнишь о том дне?

— Разве ты поверил бы? — нахмурилась Вейн. — Ты смотрел на меня, и в твоих глазах я видела лишь желание отомстить, Ксандр! Был только один способ что-то доказать — открыть память. Но тогда ты узнал бы об Алексее...

— Я хочу еще раз посмотреть твои воспоминания, — глухо сказал он.

Она кивнула.

— Хорошо, — и подошла ближе, встала рядом. Красный ободок вокруг зрачков был совсем бледным, и девушку больно кольнуло это. Значит, даже в качестве эри она ему не нужна... Темный положил ладони на ее лицо. Вейн стояла неподвижно, не сопротивляясь, позволяя ему смотреть все, что он захочет. Но Ксандр лишь только скользнул по ее памяти, а потом смотрел лишь одно. Снова и снова, хмурился, кусал губы, многократно возвращаясь к одному воспоминанию. Вернее, к его отсутствию.

— Расскажи, что помнишь, — приказал он, убирая руки.

— Ничего, — качнула головой Вейн. — Ты ведь видел. Только то, как упала в обморок в гостиной Далькотта, а очнулась уже в своей кровати. Руки в крови, а ты... мертв.

Она все же запнулась на этой фразе, хоть и старалась не дрожать. Ксандр прошел по комнате, замер, обернулся к ней.

— Я тогда был в седле несколько суток. Устал жутко... Почти не спал. Сменил несколько лошадей, — отрывисто заговорил он. — Хотел скорее добраться до замка, чтобы все прояснить. Ехал и думал лишь о том, как обниму тебя, надену на палец кольцо, скажу все брату и... усну. А потом этот глупый разговор, и ты упала без чувств... Не знаю, почему камень познания так на тебя действовал?

— Возможно, из-за темноты во мне... — Вейн обхватила себя руками. Мужчина кинул на нее быстрый взгляд и продолжил.

— Я отнес тебя наверх, в твою комнату. Пришел лекарь, сказал, что это обычный женский обморок, и тебе нужно просто поспать... А потом я повернулся к остальным и сказал, что люблю тебя, и мы обручимся, как только ты придешь в себя. Скорее всего, прямо утром.

Вейн изумленно прижала ладонь к губам.

— Но как же... Леран... Люси!

— Знаешь, я тогда так устал, что мне уже было неважно... Хотя, конечно, нельзя было так... Особенно с Люсиндой. Я хотел объяснить ей, но просто не сдержался. Да и что объяснять? Тетя Рута перепутала записки, не знаю, почему мне тогда показалось это хорошей идеей: написать тебе предложение на клочке бумаги? — он вздохнул. — Возможно, потому, что я был влюблен до безумия и, наверное, не совсем разумен... Но тетюшка записки перепутала. Вот и все. Не знаю, почему твоя сестра согласилась!

— Потому что ты ухаживал за ней! — давняя боль все же выплеснулась горечью. — Приглашал на свидания! Пытался поцеловать и говорил комплименты!

В серых глазах вспыхнуло такое изумление, что Вейн осеклась и замолчала.

— Я? Вейн, ты сошла с ума? Для меня Люси была избалованной маленькой девочкой, не слишком умной и слегка назойливой. И кроме банальной вежливости ничего другого по отношению к ней я никогда не проявлял. С чего ты взяла, что я ухаживал за ней?

— Люси сказала...

— И ты ей поверила?

— А почему я должна была не поверить? — разозлилась Вейн. — Она моя сестра. Родной человек. И к тому же... — девушка отвернулась, — Люсинда такая красавица... ее всегда все любили. В отличие от меня.

Ксандр шагнул к ней, но снова остановился. Заложил руки за спину.

— Я понимаю, почему ты ей поверила. Не понимаю, зачем Люси пыталась тебя в этом убедить, — и снова нахмурился. — После того, как все им сказал и выгнал их всех из комнаты, я просто лег рядом и уснул. И больше не проснулся... Но и не умер. Из-за камня, что был на мне, впал в это странное состояние - не смерти и не жизни. Я слышал разговоры вокруг, и то, как Леран рассказывал, что видел тебя... Видел, как ты ударила меня ножом. И считал, что достаточно знаю своего брата, чтобы поверить его словам. Но сейчас я думаю, что нам нужно вернуться в Далькотт и выяснить правду.

Эти слова так поразили Вейн, что она, не сдержавшись, открыла рот.

— Ксандр, но как? Излом...

— Я думаю, что Излома нет, Вейни.

— Что?

Он вдруг улыбнулся лукаво, и девушка с трудом удержалась, чтобы не броситься ему на шею, и прикусила губу. Осознав, что готова идти за ним хоть на край света. Хоть в бездну, хоть в сам Излом... Ксандр сглотнул, жадно всматриваясь в ее глаза. В какой-то момент ей показалось, что он не сдержится, снова сожмет в объятиях, начнет целовать... Но он отвернулся и пошел к двери.

— Утром выезжаем. Будь готова.

И уже был у двери, когда Вейн вспомнила вопрос, который все хотела задать ему.

— Ксандр, подожди... Я спросить хотела. Кто та девочка, в твоём замке, в Антаре? Трини? Она чья-то дочь?

Темный обернулся с удивлением.

— В Антаре нет никаких девочек, Вейн.

— Но как же... — растерялась она, — малышка, лет семи в полосатом платье... с веточкой! Я же ее видела, разговаривала!

— Вейн, — теперь он смотрел с беспокойством, — в Антаре никогда не было детей. И тем более маленьких девочек. Откуда ей там взяться?

— Ты уверен? — спросила она и сама поняла глупость своего вопроса. Конечно, он уверен. Опустила голову, задумавшись, — Иди. Утром я буду готова. Все в порядке.

Мужчина еще постоял, с подозрением ее рассматривая, кивнул и тихо закрыл за собой дверь.

Алекса пришлось взять с собой. Поняв, что родители уезжают, сын устроил настоящий бойкот, пригрозив убежать в лес и поселиться с рогами, так что Ксандр сдался, хмыкнул, что Алекс «весь в маму» и велел выделить для него лошадь. А когда они уже выезжали, к ним присоединился Дир. Мужчины обменялись короткими взглядами, но и здесь возражать Ксандр не стал. Их окружили в кольцо стражи, и Путница вздохнула. Она до сих пор не верила, что Темный теперь вроде как правитель...

До Излома добрались за несколько дней и остановились почти у самого края бездны. Стражи смотрели с опаской, все же мало кто может побороть естественный страх перед пропастью. Белесый туман стелился над обрывом, заволакивая отвесные стены Излома. Дна не видно... И даже камушек, что столкнула с края Вейн, провалился и исчез, словно и не было у этой пропасти дна...

— Ну, и как мы его перейдем? — хмуро поинтересовался Дир, подбрасывая на ладони нож. Последние дни Охотник вел себя странно и после взятия Ниаранта отдалился, стал избегать Путницу. И потому она даже удивилась, что он вызвался ехать с ними.

— Ксандр? — Вейн посмотрела на Темного. Тот стоял, заложив руки за спину и чуть прикрыв глаза. — Для этого нужен Камень Познания?

— Сейчас я думаю, что для этого ничего не нужно... Потому что Излома не существует, — сказал он. — Это слой. Просто еще один слой... И именно поэтому его переходят Одичалые. И поодиночке и целыми стаями. Если бы это было не так, люди не знали бы, что такое Нашествия... Одичалые переходят пропасть, потому что не боятся, не понимают и просто идут туда, где есть люди.

Они разом посмотрели в бездну. Мелкие камушки и песок посыпались с края, стуча по отвесным стенам пропасти.

— Хм... Тогда, может, и шагнешь туда первый? — ехидно осведомился Дир.

Ксандр даже голову в его сторону не повернул. Ему не было страшно шагнуть в бездну. Страшно оставить одних Вейн и Алекса... И в то же время он был уверен в своем предположении. Почти.

Темный вздохнул и шагнул к краю.

— Нет! — вскрикнула Вейн. Замерла испуганно. — Вдруг ты ошибаешься? Я... — хотела добавить, что не переживет этого, снова потерять его, но привычно промолчала.

— Папа, лови меня, — вдруг вскрикнул Алекс, вывернувшись из рук своего стража и бросился в пропасть...

И все трое: Ксандр, Дир и Вейн, не раздумывая, кинулись следом.

Но не упали в бездну, как ожидали, а замерли, изумленно оглядываясь. Ксандр рассмеялся, а Дир охнул, сел на землю и схватился руками за голову. Темный мир исчез. Они стояли посреди скошенного поля, рядом высились стога убранного сена, и безмятежно паслись коровы. Одна из них подняла голову, одарила свалившихся откуда-то путников безразличным взглядом и снова принялась поедать траву.

Вейн догнала сына и шлепнула его по попе.

— Алекс! Ты что творишь! Я чуть с ума не сошла, когда ты шагнул в пропасть!

— Мама, но там не было этой...пропасти! Просто поле! — обиделся мальчишка и даже шмыгнул носом, не понимая, за что его ругают.

— Излом не видят Одичалые и дети, — прищурившись от яркого света, сказал Ксандр.

Вейн закинула голову. Яркая синь небес, от которой она совсем отвыкла. Желтые поля. Спокойные тихие деревья, уже готовившиеся надеть осенний наряд. Легкий ветер, приносящий запахи скошенной травы и... коровьего навоза. Она рассмеялась, подставляя лицо ласковым лучам солнца.

— Пойдемте, нужно раздобыть лошадей, — произнес Ксандр.

— А как же стражи перевала? — забеспокоилась Вейн. — Разве они не заметят нас?

— Я наложу на нас слой, — кивнул он и подхватил на руки Алекса. Вейн обернулась: — Дир?

Охотник стоял на коленях. Глаза распахнуты, но смотрят словно вглубь себя, и по лицу текут слезы... И он улыбался. Вейн осторожно коснулась его плеча, присела рядом. Взгляд мужчины стал более осмысленным.

— Я вспомнил, Вейн, — прошептал он, — все вспомнил! Родителей. Двух сестер. Братьев... Наш дом на берегу моря. Там тепло и цветущие сады... И на пригорке храм из белого дерева. И маяк на скале, в котором по ночам зажигает огонь старый Пит... И корабли, что приходят в бухту, большие и маленькие, с вырезанными на носу морскими девами, под белыми парусами... Вспомнил...

Она не сдержалась, обняла его, погладила по спине.

— Поедешь к ним?

Он медленно кивнул.

— Да. Поеду.

Она помолчала, внимательно глядя в медовые глаза.

— А знаешь, у меня там, кажется, нареченная осталась, — хитро усмехнулся Дир, — красивая была. Волосы белые, грудь большая... Мда... И сеновал вспомнил, где я эту грудь...

Вейн рассмеялась и щелкнула его по носу. Потом легко поцеловала в губы и встала.

— Еще увидимся, Охотник?

— Вряд ли, Путница, — с улыбкой сказал он. — И когда-то меня звали Кристоф...А прощаться я не люблю, так что, бывай.

Он поднялся, подмигнул ей, улыбаясь, и пошел вдоль кромки поля, не оглядываясь.

И лишь отойдя достаточно далеко от девушки, остановился, осмотрел горизонт. Дир вспомнил не только то, что рассказал Вейн. Вспомнил, как в пятнадцать лет убежал из дома и прибил к компании черных рыбаков, что промышляли разбоем на море. Вспомнил убитого моряка, который не хотел отдавать свой улов. Он тогда просто слишком сильно ударил... И как плакала мать в храме на суде Света. Был ли он готов вернуться на родной берег, увидеть родных, ведь для них он давно мертв и проклят?

И нужен ли ему теперь тот дом, слишком давно оставленный?

Дир обернулся. Отсюда уже почти не были видны трое, что уходили все дальше к Перевалу. Его Путница избрала свой путь, и Охотник ей больше не нужен. И надеяться ему больше не на что, слишком ярко в ее зеленых глазах горел огонь любви к другому мужчине. Он горел там всегда, просто Дир слишком долго не хотел его замечать. Но сегодня, возле края бездны Дир понял это окончательно.

Внутри привычно заболело, и он сжал зубы, тряхнул головой. Яркое солнце слепило глаза, и они слезились. Он отвык от солнца. Отвык от мира людей.

Дир еще постоял, рассматривая долину, и пошел обратно к слою Тьмы, к краю Излома. В мире людей ему больше не было места.

До Далькотта добрались, когда на небе загорелись первые звезды. Алекс уснул на руках у Ксандра, и Вейн улыбалась, поглядывая на них. Лошадей они раздобыли в сторожевой башне, стражи не увидели в них ничего подозрительного и с готовностью продали щедрым путникам рысаков.

Замок возвышался на скале. А внизу по-прежнему шумела деревня, загорались в домах огни, где-то плакал малыш, и смеялась юная девушка. В Далькотте тоже светились окна, и пахло дымом очагов...

Ксандр придержал своего жеребца, останавливаясь. Он смотрел на родовой замок, и Вейн остановилась рядом, молча, чтобы не мешать ему.

— Я должен кое-что сказать тебе, Вейн, — негромко, чтобы не разбудить Алекса, сказал он. — Я знаю, что мы узнаем в замке. Догадываюсь...

— Что? — прошептала девушка.

— То, что ты невиновна, — усмехнулся мужчина и горько улыбнулся на ее ошарашенный взгляд. — Но это все неважно. Вернее, даже если бы это сделала ты, мне неважно. Я не знаю, сможешь ли ты простить меня за мое отношение... там в Антаре. Знаешь, я так сильно любил тебя, что никак не мог смириться с тем, что считал предательством. И если ты не простишь меня, я пойму. Но только через несколько лет. Потому что сделаю все, чтобы ты забыла и полюбила меня, Вейни. — Теперь он смотрел на нее в упор. — Потому что я люблю тебя. Потому что безумно ревновал все это время. Просто с ума сходил, представляя тебя с другими... И уже не мыслю своей жизни без тебя и без Алекса. И я уже никогда тебя не отпущу, так что тебе лучше полюбить меня как можно скорее, Вейни!

— Но ты ведь... — выдохнула растерянно девушка просто в силах поверить. То, что он говорил о своих чувствах, было так невероятно, что даже мысль о собственной невинности уже казалась неважной.

— Я отдал Тьме свою любовь к юной лейне, что приехала в этот замок семь лет назад, — негромко сказал Ксандр, — а потом встретил Путницу. Сильную. Смелую. Отчаянно сражающуюся за тех, кого любит. Бесконечно прекрасную и желанную... Восхитительную. Сумасшедшую. И полюбил ее в сто раз сильнее.

— Это невозможно, — прошептала Вейн. — Невозможно! Ты даже не знаешь меня... Ты любишь мое тело... Или воспоминания о прошлом. Но не меня.

— Я люблю тебя, — спокойно и уверенно отозвался Ксандр. И улыбнулся. — Я понимаю, почему ты не веришь. Ни мне, ни кому-то другому. Я видел достаточно в твоих воспоминаниях... Но я очень постараюсь это изменить, Вейни.

Это просто невозможно... Но было, и она видела правду в его серебряных глазах. Ксандр взял ее ладонь, прижал к губам. — И больше я тебя никому не отдам. Даже самой Тьме. Просто поверь мне.

И девушка кивнула. Да, теперь она ему верила. Только свое «люблю» она скажет ему чуть позже... Лукаво улыбнувшись, Путница вздернула насмешливо бровь.

— Ну что ж, Темный... Пожалуй, я дам тебе несколько лет, чтобы заслужить мое прощение. Надеюсь, ты достаточно изобретателен?

Он усмехнулся, и в его глазах мелькнул такое желание, что Вейн ойкнула и со смехом ударила пятками свою лошадь, решив, что проявлять изобретательность Ксандр начнет прямо сейчас.

А еще с улыбкой вспомнила, что именно на этом месте ее семь лет назад спас от снежной бури незнакомец.

В замке, казалось, ничего не изменилось за прошедшие годы. Даже у ворот сидел все тот же привратник, правда, сейчас совсем седой. И когда он рассмотрел гостей, заорал так, что Вейн всерьез испугалась, как бы не скончался с перепуга.

— Дер... господин... Покойный наш... О, помилуйте меня святые виры!!!

Конечно, вопли разбудили Алекса, и он заморгал глазенками, осматриваясь.

— Не бойся, малыш, — Ксандр закрыл его рукой, — мы здесь ненадолго.

На крики привратника уже бежала и другая прислуга, даже стражи с копьями наперевес, но Ксандр лишь усмехнулся. Да и стражники останавливались в недоумении, не зная, что делать, все -таки хозяин явился. Хотя и мертвый вроде бы.

Темный спешил, не отпуская сына, подал руку Вейн, но та лишь фыркнула. В нижнем

зале замка горел огонь в каминах, пахло кашей и мясом. И вся семья сидела за столом в ожидании ужина. А когда в дверь вошли гости, вскочили разом, роняя стулья и вскрикивая от ужаса и изумления.

Вейн быстро осмотрела такие знакомые лица: Люсинда такая же красавица, и по-прежнему предпочитает желтый и розовый цвет. Леран возмужал и сейчас обнимал Люси, чуть закрывая собой. В его карих глазах плескалось неверие, смешенное с суеверным страхом. Мистрис Алесс стояла бледная, сжимая ладони. Маленькая белокурая девочка слезла со стульчика и спросила звонко:

— Мам, пап, а это кто?

И тетушка Рута, до этого шатающаяся у стола и готовая упасть в обморок, первой кинулась к ним, прижала Ксандра к своей пышной груди так, что он даже растерялся.

— Александр, — утирая слезы, шептала она, — а я ведь говорила! Говорила, что нет тебя там, в усыпальнице-то! Чувствовала! Только не верил мне никто...

Ксандр погладил ее по совершенно седой голове, как маленькую. Тетушка Рута наконец отстранилась от него и решительно взяла девочку за руку. А другую протянула Алексу. Малыш вопросительно посмотрел на Вейн, и та кивнула.

— Думаю, детки хотят услышать интересную сказку про волшебных фир. И угоститься вкусным печеньем, — пропела тетя Рут и повела детей из зала.

— Что все это значит? — со страхом спросила Люси, обернулась беспомощно к Лерану. И снова на стоящих у порога: — Вейн? Неужели это ты? Вейн...

— Ксандр? — прохрипел Леран.

Прислужник, внесший супницу, споткнулся, уронил тяжелую посудину, и она со звоном раскололась, выплескивая бульон. Юная служанка взвизгнула, а потом завизжала.

— У них знаки тьмы, — заголосила она, — на руках! Я видела! Перерожденные! Нашествие!

С воплем она выскочила из зала, и все проводила ее взглядами. В наступившей тишине тихо звякала крышка супницы, покачиваясь на досках.

— Теплый прием, — усмехнулся Ксандр. Они с Вейн переглянулись и обменялись улыбками. — Мы ненадолго, — продолжил мужчина и по-хозяйски прошел к креслу, сел, закинув ногу на ногу. Вейн фыркнула.

— Ксандр! — очнулся Леран и бросился к брату. — Ты жив! Вы оба живы...

— Они оба Перерожденные, — глухо сказала Люси.

Вейн в упор посмотрела на сестру, и та снова охнула, попятилась.

— Вы правы, лейна Люсинда! — почти весело подтвердил Ксандр. — Мы оба перерожденные. И обещаем не есть вас, если вы ответите на несколько вопросов. Собственно, вопрос только один: кто всадил нож в мою грудь семь лет назад. — Он обвел притихших родственников тяжелым взглядом и добавил проникновенно: — Знаете, быть Темным не так уж и плохо. Например, я могу вскрыть воспоминания каждого из вас, даже не вставая с этого кресла. Но так совсем неинтересно... Лейна Люсинда, скажите, почему вы соврали вашей сестре о том, что я влюблен в вас? Что ухаживаю и оказываю знаки внимания?

— Люси? — изумленно воскликнул Леран. — Что значит: соврала? Ты мне сказала то же самое! И что Ксандр тебя... То есть вы с ним... Что наша маленькая Ками от него! И я обязан жениться на тебе после его смерти! Люсинда, отвечай сейчас же!

Путница изумленно посмотрела на Лерана. Кажется, отсутствие брата пошло ему на пользу, он действительно повзрослел и возмужал.

Ее сестра залилась слезами, распахивая бездонные голубые глаза. Даже в слезах она

была прекрасна, как небесная вира. Но, похоже, Леран давно выучил все уловки своей супруги.

— Прости, — всхлипывала Люси. — Я не знаю, как это вышло... Всего один раз... По глупости! А люблю только тебя!

— От кого Камилла? — разъярился Леран.

— От конюха... — прошептала сестрица.

— Значит, лейна Люсинда нечаянно... провела ночь с конюхом, а когда поняла, что могут быть последствия, решила окрутить меня, — невозмутимо резюмировал Ксандр. — Только вот у нее ничего не выходило, хоть она и очень старалась. И даже подготавливала почву, рассказывая сестре о моей любви... Но с этим вы разберетесь потом. Я все еще не слышу ответа на свой вопрос.

— Ксандр, но я видел, как тебя ударила ножом Вейн! — произнес Леран, оторвав гневный взгляд от супруги. — Видел в окно. Ты же помнишь, как расположены комнаты? Та, в которую поселили лейну Вейн, находилась как раз напротив моей...

— Что именно ты видел, брат?

— Вейн, которая...

— Нет. Что именно?

— Гардина была отодвинута немного, — вспоминал дер, нахмурившись, — и я видел тонкую фигуру, занесенную руку с ножом... Спину. И черные волосы.

— Ты видел кого-то с черными волосами, как у Вейн, в комнате Вейн и сделал только один логичный вывод. Только это была не она, — вздохнул Ксандр.

— А кто? — они, кажется, произнесли это хором.

А сама Вейн уже поняла... Догадалась. Повернулась, рассматривая свою наставницу.

— Не трудитесь, дер Александр, — холодно произнесла мистрис Алесс. — Да, это была я. Как вы, несомненно, уже поняли.

— Но почему? — выдохнула Путница. Сейчас перед этой строгой женщиной, сухой, подтянутой, с аккуратным пучком темных волос без единой седины, она снова почувствовала себя, как напроказившая девчонка.

— Вы лишили меня жениха, лейна Вейнитта, — любезно пояснила мистрис Алесс. — Лишили будущего. Вы обрекли меня на незавидную судьбу прислуги при чужих детях. А ведь мой род древнее и благороднее, чем ваш... Но, к сожалению, обедневший.

— О чем вы говорите?

— Как грустно. Вы сломали мне жизнь и даже не поняли этого, — мистрис Алесс стояла совершенно ровно, лицо — спокойное, лишь в глазах плещется огонек безумия. — Дер Вильнюс, вы помните его? Он ведь не просто так посещал дом вашего отца. Он посещал его, чтобы увидеть меня. Мы планировали обручение. Благородный дер был готов жениться на мне, обедневшей лейне без приданного, облагодетельствовать...

— Облагодетельствовать? — задыхнулась Вейн. — Мистрис Алесс! Это был жирный отвратительный урод, который насиловал служанок!

— Дер Вильнюс — благородный мужчина, — словно и не слыша, продолжила наставница. — Но после того отвратительного инцидента... после вашей выходки, он уехал и больше не появлялся.

Вейн беспомощно смотрела на мистрис, уверенную в своей правоте. Она могла бы сказать очевидное: что если бы Вильнюсу нужна была Алесс, он все равно сделал бы ее своей женой. Но вряд ли этот факт имел значение для женщины, которая обвиняла в своей не сложившейся судьбе, четырнадцатилетнюю девочку... Ксандр рывком поднялся и подошел к Вейн, обнял, словно закрывая от ненавидящего взгляда мистрис.

— Но я нашла свой способ наказать вас, лейна Вейнитта. Для начала сделала все, чтобы убедить ваших родителей в том, насколько вы испорченное создание. Это было несложно, ведь ваш отец и так думал тайком, что супруга с кем-то согрешила, зачав вас. Вы слишком отличались от своих родителей. Не знаю, есть ли в тех подозрениях правда, но это весьма помогло мне... Впрочем, вы своей строптивостью и своеволием тоже поспособствовали! А потом я подумала, что отобрать у вас любимого будет справедливо, — холодно закончила мистрис Алесс. — О да, лейна Вейнитта. В отличие от всех остальных, я прекрасно видела ваши чувства к деру Александру. И то, что вас не было в ту ночь, после праздника, я тоже заметила. И, кстати, ваше одурманенное состояние после убийства, тоже благодаря мне, я напоила вас настоем.

Вейн устало покачала головой.

— Да, мистрис Алесс... Вы составили бы достойную пару деру Вильнюсу. Вы с ним очень похожи...

— О виры, — простонал Леран, с ужасом глядя на них. — Вейн! Но я ведь думал... я был уверен, что видел тебя... Я думал ты из ревности... Прости...

Он вдруг упал на колени перед Вейн, потянулся к ее ладони.

— Прости, Вейн... Я так виноват перед тобой...

Люси стояла белая, как озерная лилия, даже ее голубые глаза поблекли.

— Мы все виноваты, — глухо и неожиданно серьезно сказала она. — И что теперь будет? Со всеми нами?

Вейн подняла голову, заглядывая в серебряные глаза Ксандра. Странно, но ей вдруг стало совершенно все равно. Столько лет она винила себя за то, чего не совершала, но сейчас тяжесть ушла из ее сердца, и прошлое больше не сжимало его ледяной рукой горечи и страха. Она пожала плечами, а ее любимый Темный улыбнулся.

— А знаете, — ответил он, — разбирайтесь вы тут сами. Как хотите.

Леран поднялся с колен и повернул голову к мистрис Алесс.

— Я разберусь, — грозно сказал он. — Это я тебе обещаю, брат.

— Вы останетесь? — пискнула Люси. — Это же какое-то чудо — видеть вас... Разговаривать! Мне так много нужно тебе сказать, Вейн!

— Не надолго, — улыбнулась Вейн. — У нас много дел.

Ксандр посмотрел на нее насмешливо и кивнул, соглашаясь.

Эпилог

Они все же пробыли несколько дней в Далькотте. Мистрис Алесс в ту ночь сбежала, видимо, прислужник недостаточно крепко запер дверь ее комнаты. Но через два дня ее тело нашли в овраге, несчастную наставницу загрызли волки.

Как ни горько, но почему-то Вейн жалела эту женщину.

Люсинда и Леран несколько дней выясняли отношения, да так, что слуги прятались, опасаясь попасться им на глаза. А потом маленькая Камилла залезла к папе на колени и попросила больше не кричать, потому что она пугается. И улыбнулась, явив очаровательные ямочки. И с тех пор в Далькотте стало тихо. А Вейн смеялась, понимая, что растет вторая Люси, которая уже сейчас с легкостью вертит окружающими.

И еще ясно видела, что ее бывший нареченный и Люсинда составили прекрасную и счастливую пару. Удивительно, но, кажется, они по-настоящему любили друг друга. Впрочем, ведь Леран с самого начала понравился Люси. И, наверное, именно она, а не Вейн была предназначена ему свыше...

Сестра рассказала о родителях и о том, сколько лет они винили себя в том, что произошло с их старшей дочерью. Особенно, матушка... И сейчас Путница не испытывала обиды, может, они верили, что строгостью воспитают Вейн лучше.

А однажды, когда они гуляли с Ксандром и Алексом на склоне, Вейн увидела маленькую девочку с палочкой в руках.

— Я догоню, — улыбнулась она любимым мужчинам и быстро пошла к деревьям.

— Трини, — тихо сказала Вейн. Сейчас, глядя в темные глаза малышки, она уже не сомневалась, кто перед ней. — Но как же так? Ведь ты же...

— Тьма? — девочка улыбнулась. — Что же здесь удивительного? Все имеет свою форму, даже я. Просто у меня их множество, но эта самая любимая. Ты хочешь о чем-то попросить меня, Вейн?

— Я беспокоюсь за Дира, — вздохнула Вейн.

— Я присмотрю за Охотником, — кивнула девочка и подмигнула. — Возможно, новая встреча у Излома излечит его сердце. Ты хочешь этого для него? Чтобы он встретил новую любовь?

— Всей душой, — ответила Вейн и вздохнула. — Он заслуживает счастья, несмотря ни на что.

Трини кивнула. Они помолчали, и Вейн как-то отстраненно подумала, что стоит под кленом и разговаривает с Тьмой. Хотя... почему бы и нет?

— Скажи, — спросила Путница, — а Свет... он тоже есть?

— Есть я, Вейн, — Трини легко провела палочкой по земле. — А что увидеть во мне, каждый решает сам.

Вейн оглянулась туда, где стоял Алекс, а Ксандр сидел рядом с ним на корточках, внимательно слушал и улыбался. И в одинаковых серых глазах мальчика и мужчины дрожало такое счастье, что девушке хотелось засмеяться во весь голос. Или заплакать. Над ними склонились золотые клены, а из долины пахло осенними травами...

Вейн снова повернула голову к Трини и тихо вскрикнула, потому что силуэт девочки стал прозрачным, почти невидимым.

— Если не хочешь видеть Тьму, просто смотри на свет? — вспомнила Вейн с улыбкой. — Все просто?

— Все очень просто, Путница. И все знают это, но порой забывают, — улыбнулась девочка.

— А как же плата? — напомнила Путница. — Ты ведь обещала взять с меня плату! Тогда, в Храме Света, семь лет назад.

— А я солгала! — малышка насмешливо фыркнула. — Я не могу ничего взять ни у тебя, ни у Александра. Вы не принадлежите мне, наверное, поэтому с вами было так интересно! Я просто отправила вас в свой мир, решив, что так будет лучше. И одарила своими дарами. Потому и магия Темных на тебя не действовала, и боли перерождения не было. Ну, а мои подарки оставьте себе, еще пригодятся.

— Но Ксандр стал Темным! Он отдал тебе любовь, которую испытывал ко мне! — изумилась Вейн. — И у меня есть спирали... — она подняла руки и охнула. Синие метки исчезли с ее запястьев.

Трини насмешливо улыbnулась, и Вейн осеклась, замолчала. А потом улыbnулась в ответ. И подумала, что, возможно, Тьма была просто слишком сильной Темной, которой однажды стало скучно, и она решила создать свой мир. Населить его разными существами и растениями, создать правила. Только вот людей, с их чувствами и душами в том мире не было...

Или Трини лишь та, которую видит Вейн? Заигравшийся ребенок?

— Знаешь, а я не хочу с тобой расставаться! — неожиданно произнесла девушка.

— Не переживай, — девочка хитро подмигнула, — даже в самой светлой душе всегда найдется местечко и для меня... Мы еще встретимся, Путница.

Вейн рассмеялась, а Трини дрогнула и исчезла.

Путница еще постояла, раздумывая, и пошла обратно, туда, где ждали ее любимые мужчины. Она подошла, и Ксандр чуть обеспокоенно обнял ее, прижал к себе одной рукой. Другой он держал Алекса.

— И что теперь? — спросила Вейн. Счастье переполняло ее душу и снова захотелось расплакаться и рассмеяться. — Куда мы пойдем?

— Какая разница? — пожал плечами Ксандр. — Куда захочешь. Мы можем выбрать любое место в мире. Или создать свой собственный. Как пожелаешь, Вейни.

— М-м-м... дай подумать, — протянула она.

— Мама, а ты научишь меня разговаривать с личами? — воскликнул Алекс. — В голове? Как ты?

Вейн рассмеялась.

— От тебя ничего не утаишь, милый, — Ксандр смотрел вопросительно, и Путница улыbnулась ему и пояснила: — Знаешь, мне кажется, что личи не совсем пустые. Что там, где-то внутри все еще сохраняется их разум... и душа. Может, мы могли бы попытаться их вернуть? Да и Ниарант жаль бросать... Столько дел. Эри на тебя надеются. Темных надо как-то организовать... Слои изучить. И мы могли бы посадить в парке перед дворцом айрисы... Вдруг приживутся?

Ксандр расхохотался и покачал головой

— Сумасшедшая.